

Александр Тестов Дмитрий Даль
Проверка на прочность

Ветер войны – 1

Книга подготовлена для библиотеки Huge Library (Scan - Аваричка; OCR, ReadCheck, Conv - InternetMC) <http://huge-library.org/>

«Александр Тестов, Дмитрий Даль "Проверка на прочность"»: Ленинград; Санкт-Петербург; 2012

ISBN 978-5-905909-05-4

Аннотация

Они пришли в этот мир не по своей воле... Но выяснилось, что сейчас не время для изучения былинной истории. На пороге война! Неведомый враг совершил нападение, Белградское княжество под угрозой полного уничтожения.

О двух ногах, о двух руках, закованные в броню, и лиц их никто не видит. Они не сдаются в плен. В бою отважны и беспощадны. На бортах их боевых кораблей — непонятные письма и огромный черный змей.

На защиту отечества мобилизованы все! Всеволоду Волкову — старшему гридню Тайного приказа — предстоит вступить в отчаянную схватку с врагом. Найти и распутать тонкую нить предательства внутри княжества и извести крамолу под корень. Его ждут битвы в Открытом пространстве и жестокие схватки на земле. Огромная сила предков внутри него внезапно находит выход... И горе врагам!

Солнце за нас!

Александр Тестов Дмитрий Даль ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ

Если тебя из ночи в ночь корёжат злые сны,
Если движенья нет в реале и мало новизны...
Значит, пора собираться в поход, да!
Ждёт на плацу давно испытанный взвод, да!
Ярость атак и безысходность потерь, да!

Впереди битва веков,
Не уйти тебе от судьбы,
И разносит пепел врагов,
Ветер Войны,
Ветер Войны,
Ветер Войны!

Путь всех солдат непрост, его не каждый смог пройти,
Тяжесть брони и пыль дорог не каждый перенести...
Кучей бабла друзей уже не вернуть, да!
Ложь и обман, похоже, в этом вся суть, да!
Жизнь и не жизнь — повсюду замкнутый круг, да!

Впереди битва веков,
Не уйти тебе от судьбы,
И разносит пепел врагов,
Ветер Войны,
Ветер Войны,
Ветер Войны!

**Слова участников проекта «Ветер Войны»,
Музыка группы «Wagner» (www.wagnerband.ru)**

Ветер войны

Это новая межавторская Вселенная.

Уникальное многослойное переплетение всех стилей и направлений в фантастике. На российском книжном рынке такого продукта еще не было.

Нашим авторам удалось создать действительно новую реальность с тщательно проработанными, связанными между собой мирами, с яркими персонажами, с насыщенной событиями историей. Герой одной книги может оказаться злодеем в другой, ведь никто не знает, куда подует ветер войны завтра.

От авторов

Мы попытались смоделировать свою систему развития общества. Со своими особенностями...

Конечно, за основы были взяты исторические народы. Тем не менее никому не известно, как бы развивалось государство в замкнутом мире, без соприкосновения с другими земными народами (или в соприкосновении с неземными расами). Ведь взаимовлияние, взаимопроникновение культур накладывает свой отпечаток.

Некоторые понятия и термины мы постарались оставить, так сказать, в первозданном виде. Однако, дабы не путать читателя и не путаться самим, мы изложили многие вещи в современном понимании.

Авторы выражают благодарность всем участникам и идейным вдохновителям проекта «Ветер Войны»: *Маргарите Свидерской, Сергею Хорунжему, Юрию Погуляю, Борису Сапожникову, Ивану Кузмичеву, Олегу «Зеленому» Филимонову, Константину Мзареулову, Асмунду Торму, Александру Владимирову* и группе «*WAGNER*» за главную песню проекта и отличную музыку.

Пролог

Мрежевые поленья жарко потрескивали в костре. Большая кованая тренога, раскорячившись над огнем, держала на закопченных цепях вместительный котел. В нем негромко похлупывала пшенная каша с кусками свежего мяса. Аромат от котла шел такой, что у ребят аж дух захватывало. Они сидели на походных ковриках из только что вошедшего в моду «руна». Подложка с густым и плотным ворсом прекрасно спасала от прохлады остывающей ночью земли.

Им не было холодно. Весна выдалась на удивление теплой, и вот уже первая седмица первого летнего месяца заканчивалась. А пуще костра и даже пуще поспевающей каши грели души отроков рассказы деда Артая. Две дюжины любопытных глаз жадно сверлили старика и одиннадцать чутких ушей внимали его сказкам. Одиннадцать... да, ибо у бедного Хвала не было одного уха — до того на колядах заигрался, что и шапку потерял, и ухо отморозил.

— Так вот... — проворчал Артай, помешивая кашу и щурясь от дыма, — о ту пору всяк из роду нашего мог волком обернуться...

— Когда захочет?

— Цыц тебе, старших перебивать, — дед нахмурил брови. — Все у тебя, Всеволод, слово поперек думки норовит выскочить, аки ляд¹ пред волхвом.

Отроки сдержанно захихикали.

— А чего ты томишь, дед Артай, — парень не растерялся и смело глянул в глаза рассказчику.

— Смел ты больно не по годам. — Старик закончил кашеварить. — Вот дать бы тебе по лбу... — он замахнулся деревянным черпаком, — да у тебя батька на то есть. Вона я ему и обскажу, какой ты плут. Снимайте котел — готово!

---

¹ Ляд — злой дух.

Парни ловко убрали котел с огня, водрузили его на деревянную колоду. Дед Артай первым извлек ложку и зачерпнул каши. Старик торжественно поднес ее ко рту, пофукал и отведал. Отроки, глотая слюну, ждали своей очереди, пожирая глазами Артая.

— Вкусна каша, — крикнул дед, давая отмашку молодежи.

А те и не заставили себя долго ждать. Вмиг шесть рук устремились к еде. Старик степенно черпал кашу да следил, чтоб у кого ложка не мелькала быстрее прочих. Торопливость в еде в роду Волковых приравнивалась к жадности, а за это тут же можно было схлопотать по лбу. Ели молча. Парням не терпелось поскорее покончить с трапезой и вновь услышать сказки деда Артая. А тот лукаво поглядывал на волковскую поросль да ухмылялся в усы — растут, пострелята.

Наконец, ложки, начисто облизанные, были спрятаны, и по кругу пошла большая фляга с травяным духмяным квасом.

— Фу, — старик отер пот со лба, — так на чем это я остановился?

— На оборотнях... — подсказал одноухий Хвал.

— Да... так вот, стало быть. В нашем роде исстари, много-много веков тому...

— Еще до прихода руссов?

— Ну, Всеволод, дожدهшься ты у меня, — пригрозил старик отроку за его скорый язык, — до руссов еще далече было... У нашего рода — волк священный зверь. Бережет он наш род и силу дает. Потому как бог наш, Роднават, и есть волк!

— Деда Артай, а Перун, Велес? — осмелился спросить Остей, самый младший из всех.

— То тоже верные боги, — ответил старик, — только после они были. Когда роды наши с руссами накрепко породнились...

Парни понимающе закачали головами. Оно как иначе. Перун седуусый — великий воин. А еще Сварог...

— У рода медведя лесного воины оборачивались в медведя, и так каждый род у своего хозяина-покровителя силу брал. Но давно это было. Ноне не всякий воин силу свою разумеет, а которому и дадена богами та сила, то управиться с ней не может. Еще мой дед говорил, что он сам мог волком обернуться, когда пожелает. А ноне... — Артай махнул рукой.

— И ты не можешь? — спросил Всеволод.

— Не могу, — пожал плечами старик. — Не каждому дана сила зверя. Потому быть берсеркером — почетно.

Парни, услышав новое словечко, вытянули шеи вперед.

— Так руссы прозвали наших лесных воинов. Как обернутся они волком, медведем или туром, так нет с ними сладу. Огонь их не жжет, железо не рубит — вот как!

— И что, убить его не можно?

— Отчего... — Дед отпил квасу. — Всякое живое существо жизни лишить возможно. На то способов и уловок разных не счесть. Только воина-оборотня... берсеркера стало быть, убить непросто.

— Хочу быть берсеркером! — вскочил Остей и принялся скакать возле костра. — Вот я вам, вороги!

Парни дружно хохотнули и тут же поддержали забаву.

— Я вот тебе сейчас задам... Берсеркер сопливый!

— Я тоже буду воином волков! Ау-ууу.

— Ату их!

— Воины вперед! Волки!

— Перун с нами!

Моментально были расхватаны все мало-мальски пригодные сучки и палки, и вокруг стоянки пошла потеха.

— Руби его!

— Слева заходи! Ай...

— Не уйдешь...

— Я — оборотень! Я — волк!
— Ау-ууу...
Дед Артай расплылся в улыбке.
— Вот вертихвосты... ну-ну...

Он пристально следил за их забавой, оценивая каждого в отдельности. Многолетний опыт родового пестуна подсказывал ему практически безошибочно, из кого выйдет толк на ратном поле, кому дорога в мастеровые, а кому суждено перебирать бумажки в казенных домах. Но чем мог гордиться и пестун, и весь род Волковых, последних в их роду не было. Почитай вся молодежь попадала исключительно в княжеские дружины. Волковых знали!

— Эх, волчата... — Артай последнюю минуту все больше наблюдал за Всеволодом и все больше качал головой, — один супротив всех пошел... ох, не будет с парня толку. Задирист больно...

Глава первая Диверсия

Службу дозорную надлежит нести со всякой тщательностью и предосторожностью, дабы враг оттай не проник в стан ваш...

Из наставлений по воинской службе

Страшный взрыв потряс ночную тишину, раскинувшуюся над Ельницкими верфями, и к черному небу взметнулись клубы огня, а затем и дыма. Протяжно взвыли сирены тревоги, вспыхнули прожекторы, залившие ярким светом территорию верфей, загудели открывающиеся ворота ангаров. По территории забегали рабочие люди, служащие верфей и сторожа.² Все устремились к горевшим докам, где на стапелях стоял недостроенный броненосец «Яробой». Противопожарные самоходы, отбивая тревожный набат, рванули к полыхающим докам. Друг за другом последовали еще три взрыва меньшей мощности, добавляя еще больше суматохи и неразберихи.

Центральный пост сторожи немедленно отправил радиотелеграмму о происшествии в столицу, в Воинский приказ.

Разбуженный тревожным многоголосьем старший гридень Тайного приказа Всеволод Волков резко отбросил одеяло, накинул полукафтан и, на ходу настегивая ремень, выбежал из каюты. Ровно шесть саженей по коридору — и он влетел в кормчую рубку сторожевой ладьи «Воец».

— Что случилось? — спросил он у дежурных летунов, быстро устраиваясь в командирском кресле.

— Взрыв, господин старший гридень. Кажется, на верфях, в доках, — ответил белокурый, оторвавшись от созерцания локаторного монитора.

— Кажется ему... выводите картинку!

Второй летун нажал несколько кнопок на огромной панели, и перед Всеволодом развернулась панорама Ельницких верфей. Одного взгляда было достаточно, чтобы оценить размер ущерба — новехонький секретный броненосец «Яробой» полыхал ярким пламенем прямо на стапелях. Вокруг него уже трудились десятки пожарных самоходов, обильно поливая броненосец «киселем». Сотни пожарных, четко знающих свое дело, пытались отстоять от огня соседние корабли.

— Ёпр... твою! Это что же за напасть?! — Всеволод сжал кулаки. — А вы куда смотрели?!

— Всеволод Святославович! — в рубку ворвался Марун Медведев, командир стрелецкого стяга. — Какие будут указания?

---

² Сторожа — охрана.

— Все на борту? — не отрываясь от монитора спросил гридень.

— Так точно. Погрузка прошла по тревоге. Стяг готов к бою.

Всеволод коротко кивнул, продолжая наблюдать за миром снаружи. Маруна он знал давно — высокий, крепкий чернявый мужик из новиков, выслужившийся из рядовых дружинников. Ни разу не подводил, ни в бою, ни на хмельном пиру...

Марун хотел было спросить что-то еще, но замаялся и передумал. Выскочил из рубки, занял место на скамье в десантном отсеке, рядом со своими стрельцами.

— Есть, господин старший гридень, — неожиданно и почти радостно воскликнул второй летун.

— Что там, Юрас?

— Запись внешней камеры. Вот взгляните, — и Юрас перевел изображение на монитор гридня.

— Ах, тати! Приблизь! Так это же... паскуды!

— Камера на площадке за четвертым цехом зафиксировала старт коча,³ — скороговоркой доложил белокурый. — Возбуждай двигатель! И передайте декод на зенитную батарею. А то собьют их! Они мне живыми нужны!

— Есть!

Четыре турбины сторожевой ладьи взвыли почти одновременно. Две секунды на прогрев... «Воец» плавно оторвался от поверхности взлетной площадки, поднялся на десять саженей и, включив форсаж, резко ушел в набор высоты.

Всеволод даже без оптики видел, как коч набирает скорость и пытается подняться в верхние слои.

— Включите противорадар и ведите его. Посмотрим, куда эти тати собрались.

Сомнений у старшего гридня княжеского Тайного приказа не осталось. Взрыв на Ельницких верфях не мог быть случайностью. Он не верил в случайности. Конечно, все в руках богов, но уж больно выгода очевидна от этой беды.

Даже если пожар удастся оперативно потушить, строительство все равно будет прекращено, ибо строить будет нечего. Всеволод видел разрушения на новом броненосце — восстановить его будет непросто. Потребуются время и деньги, а с этим как раз в последнее время наблюдался острый дефицит. А ведь сколько было надежд на данный проект... «Яробой» — сверхмощный броненосец для Открытого Пространства, по мнению всех воевод, должен был переломить ход войны в пользу русских. И вот теперь «Яробой» догорал прямо на стапелях.

— Суки, — едва слышно процедил сквозь зубы Всеволод.

Здесь четко прослеживалась вражья рука, и больше всего огорчало то, что диверсия произошла в его дежурство, а он ничего не смог сделать, чтобы ее предотвратить. Его, собственно, и прислали сюда, чтобы ничего подобного не произошло. А он...

Гридень впился взором во вражеский коч. Он не смог предотвратить, но сможет поймать татей и выведать у них о злых делах. Мысли гудели, словно испуганный рой пчел, и быстро выстраивались в логическую цепочку.

Итак: места вокруг Ельницких верфей глухие, несколько деревень в сорока верстах отсюда, а больше нет ни души. Сторожа крепкая, так просто не подберешься. А у этих были опознавательные сигналы «взлета-посадки», значит, на верфях у них сидит свой человек. Он и помог им проникнуть на территорию да подготовить взрыв броненосца. Эва! А тут, батюшка, целый заговор вырисовывается. А ежели это не железномордые, а кто-то из своих? И теперь, сделав дело, дали плеча?⁴ Значит, нужно во что бы то ни стало поймать лихих людей да в пыточные спровадить. Они там быстро начнут говорить. Каленое железо да

---

³ *Коч* — небольшой одно-двухместный челнок.

⁴ *Дать плеча* — пуститься в бегство.

«правдолюб» быстро языки распутывают.

— Противорадар-то включили? — спросил в задумчивости старший гридень, кажется, уже во второй раз.

— Антирадар включен, — повысив голос, отрапортовал первый летун.

Не хотелось бы раньше времени раскрывать свое присутствие. Можно и спугнуть, а так, глядишь, на живца получится и рыбку покрупнее поймать. Дай-то Перун!

* * *

Ждать долго не пришлось.

Маленький коч, не включая бортовых огней, продолжал набирать высоту. Вскоре он на предельной скорости прошел атмосферу и вышел в безвоздушное пространство. «Воец» следовал за ним на безопасном расстоянии, оставаясь невидимым для следящих радаров коча.

Все орудия были приведены в боевую готовность. Ворогов, конечно, нужно взять живыми, но гридень был готов к любому повороту событий.

Коч стремительно удалялся от планеты славян. Неужели диверсанты прямо на нем решили перелететь в Империю Змея Рё? Всеволод криво усмехнулся. Это вряд ли. На такой малышке далеко не улетишь. Силенок не хватит. И он оказался прав.

Коч стал сбрасывать скорость, а впереди показался борт чужого корабля, покрытый богопротивными иероглифами. И куда только смотрит пограничная сторожа? Железномордые совсем обнаглели, подобралась к секретному объекту так близко, что еще один рывок — и можно высаживать десант. А пограничных ладей не видать. Да что они. Сам он тоже хорош. Враг у ворот, а он ни сном ни духом. Хотя лжеликие вполне могли использовать антирадар, но все равно старший гридень мысленно отругал себя и припал к линзам дальномера. Вражеский корабль был как на ладони. Длинный и узкий, с хищной мордой тарана. Кроме иероглифов Всеволод разглядел и огненно-красный шар на борту — знак враждебной Империи. Он уже встречал такие. Быстрые и маневренные, их использовали для транспортировки малого десанта.

Корабль открыл навстречу гостям грузовой шлюз и проглотил коч. Теперь нельзя терять времени. Могут уйти.

— Что делать будем? — спросил первый летун.

— Ждем дальнейших приказаний, — отозвался второй.

— Абордажная атака! Внимание стрельцам! Полная боевая готовность! Сейчас будет жарко. Это я вам обещаю!

Коротко пропела сигнальная труба, оповещая весь экипаж о начале атаки.

Всеволод покинул кормчую рубку и вышел в десантный отсек, где к абордажу готовился стяг Медведева. Бойцы неторопливо занимали место согласно штатному расписанию и надевали шлемы скафандров. В серебряных доспехах с гербом княжества — багровый диск солнца с улыбающимся женским лицом и языками пламени по кругу — с тяжелыми штурмовыми стержнеметами «Витязь». Каждый проверил свой короткий меч, убранный в ножны и располагавшийся сзади, параллельно ремню.

Гридень закрыл голову бронешлемом, включил доступ воздуха, взял стержнемет в руки, взвесил его и улыбнулся. Хорошая надежная машинка. Как ни странно, он не чувствовал перед боем никакого волнения. Только холодное спокойствие и четкие пункты плана, которые он сам наметил и которые нужно было исполнить.

Пушкири уже приготовили орудие в таранном носу. Всеволод, а следом и весь стяг Медведева вышли в таранный шлюз.

Стрельцы ждали... легкий рывок вперед, ладья пошла на ускорение. Секунды текли чудовищно долго.

По всей видимости, враг узрел опасность, и по обшивке ладьи забарабанили пули — заработали бортовые стержнеметы, но стержни не могли причинить вреда сторожевой ладье,

разве что напугать и заставить паниковать неопытного летуна. Но салаг на ответственные полеты никто не брал. Каждый член экипажа боевой ладьи проходил тройную проверку, прежде чем допускался до службы, а уж тем более на «Воец». Служить здесь почитали за честь.

— Торпедная атака! — грозно предупредил динамик над головами стрельцов.

— Держись! — крикнул по внутренней связи Всеволод.

Абордажная команда ухватилась за стальные поручни, вмонтированные в борт, а магнитные подошвы ботинок плотно скрепляли их с полом. Летуны заложили сложный вираж, уходя от торпед противника. Ладья несколько раз крутанулась и, как штопором, острым носом тарана вонзилась в борт вражеского корабля. Удар!

Таран, пробив корпус неприятельского судна, глубоко вошел в его чрево. Мгновенно сработали баллоны с «пеленой», на внешней стороне таранного устройства, надежно загерметизировав место удара. Следом закрихтела гидравлика, и лепестки наконечника тарана разошлись в стороны. Гридень заглянул в проход, на той стороне прохода их уже ждали. Черные тени заняли оборону в пробое.

— Пали! — скомандовал Всеволод.

Пушкари жажнули из абордажного орудия — и сотни металлических стержней ушли к цели. Раздались дикие крики боли и уже знакомое, но непонятное:

— Банзай!

— Вперед! Перун с нами! — выкрикнул старший гридень и дал короткую очередь.

— Стяг к бою! — подхватил клич Марун Медведев.

— За князя! — дружно гаркнули стрельцы и бросились на врага.

Картель расчистила им дорогу, и все же несколько вражеских пуль смертельными осами влетели в плотный строй атакующих. Всеволод не видел, как за его спиной двое стрельцов упали. Он бежал одним из первых, не переставая вести огонь. Мелькнувшие впереди тени задрожали... и исчезли.

— Сторожко, бери свой десяток — и за гриднем! — на бегу скомандовал Марун.

Десятник Сторожко, хмурый дядька лет сорока, не любивший столичных выскочек, ничего не ответил, но, можно было не сомневаться, за гриднем он теперь и в огонь и в воду.

Всеволоду и раньше доводилось участвовать в сражениях с железными масками. За время его службы бывало всякое — всех боевых операций против страхолудин уж и не упомнишь. Но каждый раз в самые первые секунды боя он чувствовал приближение первобытного страха перед смертью, который мгновенно уступал место упоению битвой.

Вывалившись на покореженную картелью палубу, славяне рассредоточились по сторонам и начали наступление. Перепрыгивая через трупы поганых Змеев, которым не повезло в момент залпа оказаться в зоне поражения, они бросились вперед, углубляясь в брюхо корабля. Главное — не дать врагу опомниться. Тут не должно быть много народу, но если потерять преимущество неожиданного нападения, экипаж объединится и организует достойный отпор. Тогда можно надолго увязнуть.

Всеволод одним из первых ворвался на грузовую палубу. Увидев лежащий на боку коч-беглец (взрывной волной его шмякнуло о борт и сломало одно крыло), он укрылся за ним. Сторожко со своим десятком держался подле.

И в этот момент затарахтели автоматы. От стальных ос в воздухе стало тесно. К точке пробоя борта подтянулись десятки железноликих. Закованные в темно-коричневые пластинчатые доспехи, в бронешлемах с уродскими масками, с длинными мечами за спинами, они не торопились переходить в рукопашную. Среди вражеского отряда выделялся один в рогатом шлеме — командир. Засев в соседнем ангаре, Змеи накрыли стальным одеялом занятую славянами палубу.

— Сторожко, следуй за мной. Ребята тут сами разберутся, — приказал Гридень.

От захваченной стягом Медведева палубы в стороны уходили коридоры. В один из них и нырнул гридень. Если он правильно помнил внутреннее расположение корабля данного типа, то добраться до капитанской рубки можно было несколькими путями. Главный

надежно перекрыт противником, тут работы надолго. Значит, нужно идти в обход, пока капитан не опомнился и не попытался дать деру вместе с татями.

По боковому коридору Всеволод выбежал на новую грузовую палубу. Здесь их уже ждали. Несколько врагов неожиданно бросились на них с мечами. Гриденъ срезал двоих длинной очередью, затвор глухо щелкнул — пусто. Перезаряжать времени не было, и Всеволод, закинув стержнемет за спину, выхватил меч.

— Банзай! — это все что знал гриденъ из языка врага, остальные крики переводу не поддавались. Хотя нет. Гриденъ знал и еще два слова — буси и самурай.⁵ За год войны это практически все, что смогли перевести волхвы из дикого языка противника.

Буси, видимо, не боявшись утечки воздуха, были без шлемов. Или они их не успели надеть... впрочем, какая сейчас разница. Лишь скалящиеся железные маски все так же скрывали их истинное лицо. Гриденъ уклонился, и меч супостата пропел очень близко. Всеволод развернулся и увидел, как трое в темно-коричневых доспехах в мгновение ока зарубили троих стрельцов. Сейчас буси меньше, но они легче, а стрельцы, закованные в штурмовые доспехи, были менее поворотливы...

Гриденъ отразил выпад врага и сам перешел в стремительную атаку.

— Банзай, — железнорыдый слишком далеко отвел свой меч, и Всеволод успешно воспользовался этой оплошностью.

Замах — и меч почти прорубил доспех. Буси покачнулся, и Всеволод от души приложил его магнитным сапогом. Он не дал буси подняться. Оседлал и вонзил меч прямо в горло.

В следующую секунду гриденъ почувствовал сильный толчок в спину. Он упал, перекатился, инстинктивно выбрасывая вперед клинок.

— Хоронидай! — так или примерно так выплюнул враг в лицо гридню и взмахнул мечом.

Но меч не опустился. Глаза буси внезапно округлились, он стал медленно разворачиваться... Всеволод из положения лежа пнул его по коленям. Железнодорожник согнулся...

— Вставай. Тут все чисто! — Сторожко протянул руку.

— Благодарствую, — ответил гриденъ, принимая руку помощи.

Встав, он оглядел поле боя. Восемь тел в темно-коричневых доспехах и четверо стрельцов лежали без движения. Он убрал меч в ножны и быстро перезарядил стержнемет. Эх, как его распирало любопытство. Вот они трупы гадюк — увидеть бы их лица... Волков склонился над убитым и осторожно подцепил стволом маску. Та на удивление легко поддалась, открывая... В сторону резко шархнулся не только старший гриденъ, но и стрельцы. Опять та же картина — кровавое месиво. Уже виденное не раз, все же вновь напрягло. Разве можно к такому привыкнуть? Еще ни разу за всю войну руссам не удалось взять врагов в плен. Да пуще того — и лиц их никто не видел. Всегда одно и то же. Труп, а под маской это...

— Идем вперед, не время для тизны, — рявкнул Всеволод.

Изрядно прореженный десяток последовал за старшим гриднем и вышел на новую палубу, заставленную боевыми двухместными истребителями. Не имея возможности четко классифицировать суда противника, этим дали прозвище — «шустрики». На таких хорошо ходить в разведку, да и проводить атаку роем на небольшие корабли или наземные объекты.

* * *

Здесь их тоже ждали.

Встревоженные сиренами, горстка буси заняли выгодные для обороны места возле

---

⁵ Буси — воин, самурай, удалось перевести как командир.

истребителей, и стоило стрельцам сунуться на палубу, как их накрыло стальным дождем. Гриденъ чудом разминулся с пулей, летящей ему в голову, упал за груды металлолома, бывшего когда-то боевой воздушной машиной. Осторожно выглянув, он обернулся и обнаружил, что из десятка Сторожко в живых осталось только три человека. Остальных Змеи все-таки застали врасплох. Одному разворотило грудные бронепластины. Он умер быстро, не мучаясь. Другому перебило ноги. Стрелец пытался отползти в укрытие и даже лежа продолжал отстреливаться, пока прицельным выстрелом его не добили в голову. Еще один боец лежал с разбитым забралом и развороченным черепом, видать, змеи поганые палили разрывными.

Всеволод узрел, что и оставшимся стрельцам досталось изрядно. Пулями помяло доспехи. Были легко раненые.

Старший гриденъ перекатился в сторону и вновь выглянул, на этот раз оценивая позицию, занятую врагом.

Буси устроились удобно, сдвинув два «шустрика» вместе и опустив крылья, они обеспечили себе надежное укрытие. Всеволод засек два пулемета, которые оживали всякий раз, когда кто-нибудь из стрельцов пытался высунуть голову.

В лоб их не возьмешь, перестреляют всех. Надо искать срочно обходные пути.

Гриденя засекли. Его укрытие тотчас накрыло огнем. Всеволод рухнул на металлический пол и отполз к боковой стене. Надо попробовать обойти по краю и зайти с тыла. Был еще вариант жакнуть гранатой, но Всеволод эту идею тут же отбросил. Граната подорвет истребители, а если в их баках есть хоть капля горючки, жакнет так, что мало не покажется. Вот только если «глушилкой»? Боец прикинул расстояние и покачал головой. «Глушилка» дело ненадежное. Уж больно укрылись гады — эффект может погаситься корпусами «шустриков».

— Внимание. Сторожко, как меня слышно? — спросил Всеволод, пользуясь частотой стрельцов.

— Порядок. Слышно, — тут же отозвался десятник. И в это время длинная очередь вражеского пулемета скосила еще одного неосторожно высунувшегося стрельца.

— Как у тебя обстановка? — спросил гриденъ, хотя и сам знал ответ на этот вопрос.

— Полная засада. Голову высунуть не дают. Лупят почему зря... В атаку идти не вижу резона. Всех положат.

— Отвлеките огонь на себя и держитесь, — приказал Всеволод. — Попробую обойти да раскрасить их сзади.

— Принято. Удачи. Солнце за нас! — произнес Сторожко ритуальный клич.

Гриденъ не ответил.

Прячась за машинами, запчастями, металлическими конструкциями непонятного назначения, гриденъ ползком медленно обогнул укрытие противника и зашел им со спины. Боги были милостивы — его не заметили. Спрятав стержнемет за спину, он вытянул меч из ножен, достал «глушилку» и затаился.

Буси было пятеро. Четверо сидели за истребителями и работали в два пулемета короткими очередями. А один находился у рации и, скорее всего, вызывал подмогу. Только вот помочь им вряд ли кто мог.

Успокоив дыхание и мысли, Всеволод вызвал Сторожко:

— Я сейчас шумну, вы не лезьте! Стрельбу прекратить!

— Есть! — отозвался десятник.

Всеволод сбросил колпачок предохранителя, досчитал до трех и метнул гранату под ноги пулеметчикам. Сам тут же закрыл глаза и отвернул голову в сторону. Раздался протяжный буц-бац... Гриденъ, выждав секунду, вскочил на ноги и кинулся вперед.

Оглушенные и ослепленные воины мотали головами, крепко обхватив их руками. Всеволод быстро оценил обстановку, заметив сбоку связиста — ему досталось чуток меньше, этот гад видел! И уже потянулся за стволом. Вот с него Всеволод и начал. Клинок коротко пропел и впился в грудь. «Эх, промазал», — подумал гриденъ и вторым ударом

исправил ошибку. Сталь порвала шейный горжет доспеха и вошла в плоть. Буси упал, его пальцы сжались... прозвучал одинокий выстрел.

Гридень резко развернулся и, вкладывая в удар всю злобу, проткнул ближайшему Змею доспех, насадив его на меч, словно кусок мяса для жарки.

Затем резким ударом ноги в живот столкнул с лезвия тело в объятия третьего буси. Они оба кулем упали на пол. Четвертому противнику Всеволод вогнал меч точнехонько в глазницу маски, с каким-то диким удовольствием провернул его и засадил глубже. Пятый противник низвергал на головы нападавших сотни проклятий, ползал на четвереньках и, как слепой котенок, шарил руками в поисках оружия. Его рука почти дотянулась до многозарядной винтовки, но его остановил увесистый ботинок гридня. Голова татя от удара в маску высоко запрокинулась, а само тело неуклюже завалилось на бок.

— Сторожко! Пошли! — прокричал Всеволод, глядя, как один из пулеметчиков врага пытается выбраться из-под навалившегося на него труп товарища.

Двое стрельцов и десятник живо оказались рядом.

— Быстро вяжите этих двоих, — отдал приказ Всеволод.

Это была удача. Двое пленных. Первых пленных за целый год. Они могут многое объяснить...

Двое стрельцов склонились и готовы были уже повязать добычу, но тут гридень спиной почувал опасность. Он инстинктивно согнулся, и над головой что-то пронеслось. Через мгновение раздался взрыв. Двое стрельцов упали, изрешеченные осколками. Затем чья-то рука оттолкнула гридня и почти над самым его шлемом прозвучала короткая очередь. Всеволод видел, как двое самураев в рогатых шлемах, с обнаженными мечами безжизненно свалились на палубу. Но в полумраке узкого коридора гридень различил еще одну фигуру.

— Отставить! — приказал он. — Этот мой!

Всеволод махнул рукой, приглашая противника на смертельный танец. Гридень выставил меч вперед и повторил пригласительный жест.

— Напрасно ты это затеял, Волков, — по-отцовски пожурил начальника десятник, — пару стержней ему в морду — и вся недолга.

— Отойди, — цыцкнул Всеволод. — Тебе не понять. — Старший гридень уже успел заметить, что осколками изрешетило и обоих пленных. Опять мимо! И этот вражеский командир мог стать еще одним шансом.

— Куда уж мне... — десятник скривил губы, но дальше спорить не стал, отошел.

Самурай принял приглашение и медленно вышел на площадку. Его стальная маска с прорезями для глаз и рта хищно улыбалась. Он встал в боевую позицию, высоко подняв меч над головой. И они сошлись. Взмах — сталь встретилась, оглашая отсек металлическим звоном. Отскок, еще взмах — есть! Меч Всеволода прошелся по руке противника. Но он как будто не заметил этого. Самурай с боевым кличем кинулся вперед и достиг цели. Его чуть изогнутый на конце меч оставил глубокую борозду на доспехи гридня.

— Ах ты, сука!

Сошлись! Удар! Всеволод достал его в ту же руку. Еще два стремительных броска — и напор самурая стал ослабевать. Он тяжело дышал, кровь обильно стекала вниз. Но вдруг его словно подменили, он, дико заржав, усилил напор.

Змей, видимо предчувствуя свою скорую гибель, рубился изо всех сил, сосредоточенно, яростно. Его устрашающая маска-забрало отражала состояние его души. Она смеялась в лицо смерти, с этой улыбкой-оскалом самурай и принял смерть. Пропустив обманный выпад гридня, железномордый по инерции пролетел вперед, и Всеволод, схватив меч двумя руками, отрубил тому голову. Стальной шлем со страшным содержимым покатился по полу, а тело все еще бежало, пока не столкнулось со стеной и не грохнулось навзничь.

Короткая пауза. Всеволод восстановил дыхание. Вытер меч и убрал его в ножны.

А десятник открыл забрало шлема и смачно сплюнул себе под ноги.

— Вот сукины дети, весь десяток положили! Чтоб их Дажьбог заживо спек!

В коридоре раздались тяжелые шаги. Оба воина спешно перезаряжали стержнеметы.

— Всеволод, Сторожко! — из темноты явилось сияющее лицо Медведева. Он тоже был без шлема. — У нас все чисто! — И, уловив вопросительный взгляд гридня, добавил: — Шлем стервецы разбили, чтоб им пусто было.

Всеволод открыл и свой шлем, вдохнул полной грудью.

— Все проверил?

— Чисто все! Никого живым взять не удалось. Последний, падла, себя гранатой подорвал. Спасибо Кадую, да примут его душу предки, накрыл собой гранату... а то бы нас всех того...

Следом за стяжником из темноты перехода вышло десятка два стрельцов.

— Потери? — коротко спросил старший гридень.

— Десяток Пятака зачищает низ, а я к вам поспешил, как переговоры ваши услышал. Вижу, крепко вас пощипали, — Марун оглядел поле боя.

— Есть такое дело... — тяжело вздохнул Сторожко. Видно было, что хоть десятник бывалый, но здорово переживает гибель подчиненных.

— Значит, это все, — скорее утвердил, чем спросил Всеволод.

— Все, — мотнул головой стяжник, — я еще пару летунов вызвал, чтобы они раненых приняли.

— Добро! Впереди должна быть капитанская рубка, — Всеволод вскинул оружие. — Ну чего замерли?! Продолжаем движение. Цель близка. Вперед! — скомандовал он и бросился дальше.

Два десятка стрельцов, пришедших с Маруном, двинулись следом. Замыкал группу Сторожко. С яростью он пнул отрубленную голову в самурайском шлеме, и она улетела далеко к шлюзу, разбрызгивая какую-то шипящую массу.

* * *

Капитанская рубка находилась палубой выше. Это расстояние белгородцы прошли без приключений. Такое ощущение, что самураи, заслышав их тяжелую поступь, прятались во все дыры и щели корабля. Но вот, на подходе к капитанской рубке, они увязли.

Капитана охраняли отборные воины. Вероятно, личная гвардия, или как там они их называют? Самые яростные и умелые бойцы. Гридень это почувствовал сразу, ибо враги были на чеку, а вот он проявил беспечность. Полукруглая, ярко освещенная площадка встретила стрельцов ураганным огнем.

— Ложись! — проорал Марун и толкнул старшего гридня в спину.

Стрельцы моментально упали, но вражеские пули все же собрали обильную жатву, сразив зазевавшихся.

— Гранаты! — Всеволод нашел единственное решение в данной ситуации. Он даже не мог понять, сколько самураев ведут стрельбу, но, судя по ее плотности, не менее десятка.

Стяжник зычно продублировал команду старшего и сам отстегнул стальной кругляш.

То, что парни быстро исполняют приказ, Всеволод не сомневался, но вот то, что они исполняют его настолько ревностно, он не предполагал. У него самого гранат больше не было, и гридень, птясь задом, отполз за металлическую балку. Одна, две, три, четыре секунды — и не менее десятка гранат упорхнуло на площадку перед капитанским мостиком. А потом начался фейерверк! Ребята явно перестарались с испугу и закидали противника всем, что было под рукой. Первым делом полетели ударные гранаты. При детонации они образуют ударную волну, способную лжеликого в кисель превратить — пластиковая оболочка, и никаких тебе осколков! Самое то при abordage космических судов. Стрельцы вместе с ударными накидали «глушилок» и световых гранат, один умник даже дымовую запустил. Один за другим рвались гостинцы, аж уши заложило. Палубу заволокло дымом, раздираемым периодическими сполохами взрывающихся световых гранат. Силовыми волнами от ударных гостинцев самураев пораскидало в стороны. Кому бронник помяло заодно с ребрами, кому голову в плечи вдавило, превратив защитный шлем в блин, кому

оторвало руки да ноги. Досталось страшилищам основательно.

— Закрыть шлемы! — прокричал Всеволод, памятуя, что добрая половина стрельцов беспечно откинула забрала во время перехода. Да и сам он тоже... Мало ли кто из уродов выжил да осерчал за погибших соратников.

— Эх, ты... — спохватился Марун. Стяжник мгновенно нашелся, потянулся к убитому бойцу и быстро стянул с того шлем.

Выстрелы стихли. Прошло не менее трех минут, прежде чем противопожарной системой дым вытянуло наружу. На счастье нападавших, сопротивляться больше было некому. Восемь убиенных и два едва ползающих полутрупа с изрядно помятыми доспехами. Пользы в них не было никакой — двумя точными выстрелами стрельцы прекратили мучения бедолаг. Всеволод остановить их не успел. И опять из-под маски поползла жидкость...

Всеволод первым обнаружил массивную дверь с кремальерной задвижкой.

— Навались, — приказал он, и двое стрельцов раскрутили колесо дверного затвора.

Гридень ухватился за ручки и толкнул дверь вперед. Ворвавшись в помещение, он не успел сориентироваться. Гроыхнул выстрел, и пуля ударила его в грудь. Всеволод запрокинулся на спину под ноги своим. В груди больно заныло, дыхание перехватило. Он приподнял голову и ощупал латной перчаткой место попадания. Пуля не пробила доспех, только оставила глубокую вмятину в лике солнца.

— Вперед! — прорычал над головой гридня Марун и увлек стрельцов в атаку.

К поверженному гридню склонился Сторожко. Раздались одинокие выстрелы и предсмертные крики.

Зарывав от боли, Всеволод перевернулся на живот, уперся руками в пол и заставил себя подняться. Сторожко придержал его. В азарте старший гридень выхватил короткий меч и оглядел уже захваченную капитанскую рубку.

Плененные враги стояли на коленях с заведенными за голову руками. Их было четверо. Двое в золотых самурайских доспехах с каким-то непонятным гербом, на котором ехидно скалился диковинный зверь. Хороший улов. Эти многое могли знать... И все же, да будут щедры боги — можно будет увидеть истинное лицо врага! Но мечтам не суждено было сбыться и на этот раз. Стоящие на коленях самураи, внезапно вздрогнули и слаженно завалились на бок. Гридень приблизился к ним и пнул одного носком сапога. Как есть мертвец.

То, что эти искусники ухитрялись в свои костюмы вмонтировать систему самоликвидации, про то догадаться было не трудно. Но вот принцип действия распознать не удавалось. И самое интересное, что эта система срабатывала что на живом, что на мертвом. И поражалось именно лицо. «Что они там скрывают, — думал старший гридень, — уж не морды ли лошадиные...» Одним словом — опять мимо. С этими проклятыми лжеликами всегда так.

Гридень повернулся к двум другим пленникам. Эти были не из самураев. Почти славянские морды, да и одежда специальная. В таких работники верфей ходят. Похоже, перед ним как раз предатели, не успели сбежать, гниды. Это хорошо.

Гридень окинул цепким взглядом капитанскую рубку. Толстые стекла узких и длинных иллюминаторов показывали окружающее корабль Пространство. Четыре кресла были заняты мертвецами. Летуны, которых бойцы стяжника убили при штурме. По центру помещения стоял железный ящик с гербом белгородского княжества. Он был размером с человека и покоился на платформе антиграва. Всеволод догадывался, что находится внутри.

— Тут есть воздух? Закройте дверь, чтоб чадом не тянуло.

— Генератор работает, — Сторожко первым открыл забрало и ощутил прилив свежего воздуха.

Всеволод последовал его примеру и, обернувшись к предателям, приказал:

— Снять шлемы.

Они послушались и покорно стянули с голов защитные шлемы.

На гридня смотрели двое мужчин с блестящими голубыми глазами, чуть горбатыми

носами. На этом их сходство кончалось. Один был в летах. Другой еще совсем юнец. Недавно вступил во взрослую жизнь. Похоже, оба из нордусов.

— Имя! — рявкнул Всеволод, едва сдерживаясь, чтобы не сунуть предателям в морду.

Оба смолчали. Не дожидаясь команды гридня, Сторожко ударил плашмя мечом по голове старшего. Кровь брызнула на лицо из рассеченной кожи.

— Капт ур-Краз, — прохрипел старый.

— Божко ур-Тавыз, — испуганно переводя взгляд от одного стрельца к другому, пробормотал молодой.

Так и есть. Оба из нордусов. Да еще бояре.

— Как называется этот корабль?

— Такарабунэ... — медленно, по буквам произнес молодой пленник.

— Стало быть, вам ведом их язык? — хитро прищурился Всеволод.

— Плохо... — на сей раз ответил старик.

— И то хлеб! В цепи их, — распорядился гридень. — После продолжим знакомство. Чую, много полезного могут напеть эти птички.

Стрельцам стяга Медведева хватило часа, чтобы взять под полный контроль транспортный корабль «Такарабунэ».

Весь экипаж был уничтожен. Взять кого-то в плен как всегда не вышло. Подлые змеюки при угрозе пленения совершали ритуальный акт самоубийства. Встроенные в бронедоспехи ампулы вводили в тела Змеев концентрированную кислоту. Наверное, чем больше мучений лжеликий примет за своего императора, тем больше посмертного почета получит. Часто при съеме доспехов от тел страхолюдин оставалась только кипящая разлагающаяся биомасса. С «Войца» на «Такарабунэ» были доставлены запасные летуны, которые взяли на себя управление кораблем. Плененные нордусы под конвоем стрельцов Маруна были отправлены на «Воец». Всеволод последовал за ними. И грели душу не только захваченные предатели, но вражеское судно. Насколько мог припомнить Волков, это не третий ли случай за всю войну. Грудь приятно ожгло, словно на одежде просверлили дырку для заслуженной награды.

* * *

На «Войце» старший гридень заглянул в кормчую рубку, отдал приказ готовиться к полету прямиком в столицу княжества и удалился к себе в каюту. Здесь составил короткое донесение, описывающее взрыв на Ельницких верфях и штурм самурайского транспортника, и срочной кодированной депешей отправил его в резиденцию князя.

После боя волной накатила усталость. Активированные резервы организма иссякли, и гридень чувствовал себя опустошенным винным мехом. Но отдыхать было не время. Нужно еще произвести первичный допрос врага. Поборов усталость и желание немедленно уснуть, он связался с кормчей рубкой и приказал доставить к нему пленника Божко ур-Тавыза. Всеволод выбрал этого нордуса не случайно, еще на корабле самураев он почувствовал плещущийся внутри него страх. Теперь же собирался воспользоваться этим.

Дверь в каюту открылась, и двое стрельцов брезгливо втолкнули внутрь изменника.

Божко сделал несколько быстрых шагов, не удержался на ногах и упал на колени перед Всеволодом. Конвоиры радостно оскалились, но гридень нахмурился, коротко кивнул, и они удалились, закрыв дверь. Но замерли снаружи, готовые в нужный момент прийти на помощь.

— Встань, — приказал Всеволод.

Тот неуверенно поднялся на ноги. А ведь и впрямь мальчишка. На вид ему можно дать лет двадцать. Таким был сам Всеволод, когда переступил порог Военной академии. Ему через многое пришлось тогда пройти, многое доказывать окружающим. Как же, из рода новиков, полукровка... Только вот в отличие от этого мальчишки, он выбрал служение Отчизне, этот же — предательство.

— Садись.

Божко опустился в гостевое кресло, не зная, что ему ожидать от гридня.

— Почему ты оказался на борту Змеев? — тихо спросил Всеволод.

После жесткого, безжалостного обращения, которое испытал парень от стрельцов, неожиданно спокойный голос расслабил его. Но он все же не спешил довериться и пока молчал.

Тогда Гридень заговорил той особой речью, которой его учили. Речью «Правдолюба», околдовывающей врага, берущей его душу в каленые щипцы, так что и молчать нельзя, да и соврать смерти подобно. Мягкая, тягучая речь напоминала обволакивающую песню, погружая сознание врага в дремотное оцепенение.

Но не на каждого подействует техника «Правдолюба». Только на хрупкий разум, готовый идти на контакт, и у Всеволода получилось. Божко заговорил.

Нордус рассказал все, что знал. А знал он, увы, немного. Его дядька, Капт ур-Краз, работал главным инженером по системам безопасности на Ельницких верфях. Некоторое время назад к нему обратились неизвестные и предложили солидную сумму гривен за деликатную услугу. Божко сразу признался, что его дядька был обижен княжеской несправедливостью, ибо метил на пост воеводы Ельницких верфей, а в результате назначили другого, из чистокровных, вятших. Вот эта-то нелепость сильно обозлила Капта.

Однако вначале дядька решил вести свою игру. Он хотел с помощью незнакомцев устроить небольшой взрыв и тем самым доказать, что воевода на верфи мух ловит, а за делом не следит. Но все вышло по-другому. Жену и детей Капта ночью оттай⁶ скрали, и ему ничего не оставалось делать, как подчиниться. Дядька умолил племянника подсобить. Божко рано остался без матери и отца и воспитывался в семье Капта, оттого и взялся помочь освободить родню. Вот только выкуп за них назначили высокий — секрет нового броненосца.

Стало быть, этой ночью они проникли на верфи, благо дядька знал все коды допуска. Они заложили взрывчатку в доке, где стоял строящийся «Яробой». После чего поднялись на корабль, спустились в двигательный отсек и сняли деталь. Точную схему расположения детали неизвестный передал Капту ур-Кразу. Упаковав деталь, они удалились на безопасное расстояние, где их ждал коч, и дистанционно детонировали заряд. Воспользовавшись паникой, охватившей Ельницкие верфи, они ушли на коче в Пространство, где и должны были встретиться с самурайским транспортником, передать им деталь, после чего вернуться назад на верфи уже с семьей. Но лжеликие обманули. На судне не было никого из родственников.

— Они сказали, что тетя и сестры у них, и мы скоро их увидим. А потом начался штурм...

— Ясно, — кивнул Всеволод, — овечки вы безвинные, обманом втянутые в предательство.

— Истинно так, господине, — схватился парень за протянутую соломинку. — Клянусь Перуном.

— Уймись, тать! — резко изменив тон, прошипел гридень. — Не твоими устами поминать богов.

— Не губите, господине, — взмолился Божко. Он рухнул на колени, принялся обнимать ноги Всеволода и целовать его сапоги.

— Уймись! — гридень вскочил, пытаясь отбросить парня. — Отойди, паскуда! Натворил делов, а теперь милости вымаливаешь! А знаешь ты, мразь, сколько народу погибло при взрыве да при тушении пожара, а сколько стрельцов при штурме головы свои сложили, чтобы ты, тварь, тут предо мной сидел?!

— Господине... — Божко отпустил ноги Всеволода, упал на пол и зарыдал в голос.

Стрельцы, сторожащие за дверью, вмиг явились на шум.

---

⁶ *Оттай* — тайно.

— Уведите его! И дайте ему бумагу — пусть сучий потрох пишет все, что знает, и особенно о языке вражьем, — брезгливо буркнул Всеволод и отвернулся от пленника.

Бойцы подхватили под руки плачущего, все еще находящегося под воздействием «Правдолюб» нордуса и выволокли его за дверь.

Всеволод остался один. Рассказанное Божком оказалось для него откровением. Сколько у него было друзей из древних нордусовских родов и все, все приличные люди. А эти? Твари!

Сердце больно сжалось в груди. Неужели это не слухи, не кривда, а правда, что нордусы идут на контакт с врагом. В чем смысл сего? Почему? Столько веков их предки верой служили княжеству, а тут такое!

Вот и в боярской среде росло недовольство. Уже первых высокопоставленных нордусов сняли с занимаемых должностей без объяснения причин. Новики и вятские боялись предательства на самом высшем уровне и пытались обезопасить себя и князя. Неужели не зря?

Взрыв на Ельницких верфях был предопределен. Самураи не могли не заинтересоваться этим лакомым кусочком. Здесь строился новый, отвечающий духу передовых технологий броненосец «Яробой», оборудованный мощными двигателями. Всеволод уже успел заглянуть в металлический ящик, похищенный с верфей. Предатели украли деталь одного из двигателей, так называемый «разгонный элемент». Ни один корабль самураев, ни один белградский корабль не был ею оборудован. Но откуда Змеи могли пронюхать про это? Налицо утечка информации из самых высоких кругов. Как бы не из самого Военного приказа. Это очень дурно пахло, потому что этот приказ возглавлял воевода Вадим Сечень, а его дед по материнской линии, как ни крути, был из нордусов.

* * *

Пока старший гридень допрашивал предателя, «Воец» и захваченный вражеский корабль подготовили к старту. На «Такарабунэ» техники залатали «липучкой» все дыры, восстановив полную герметичность переборок. Таран был аккуратно извлечен из чрева захваченного судна, которое тут же запенили все той же «липучкой» — на одно прохождение плотных слоев должно хватить. После чего исправно работающие генераторы нагнали нужное давление воздуха в отсеки.

— Пора домой, — сказал себе Всеволод и отдал общую команду на старт.

Включились маневровые двигатели, и оба судна стали медленно расходиться. Когда расхождение составило около полверсты, по связи раздался истошный крик:

— Торпедная атака! Слева, выше — четыре торпеды.

— Цель?

— Така... ка-ка... тьфу! Захваченное нами судно, — ответил кормчий.

— Суки. Кто? — Всеволод крутился в кресле от монитора к монитору, но ничего не видел, кроме безмолвного Пространства да четырех скользящих точек — торпед. Атаковавшего их судна нигде видно не было. — Что за...

— Новая атака! — доложил кормчий.

— Цель?

— «Воец», — хладнокровно произнес кормчий.

— Заградительный огонь! — отрывисто приказал старший гридень.

Всеволод видел, как к ним устремились четыре торпеды. Они словно вынырнули из ниоткуда и, наращивая скорость, летели к ним в лоб.

— Расстояние две версты! Скорость СТ-два, упреждение пятьдесят, — тут же отозвался старший пушкарь, указывая своим нужные параметры для дистанционных трубок.

Исполняя приказ командира, пушкари изготовились, поймали торпеды в перекрестие прицелов да засадили от души. Разом гроыхнуло с десятков орудий, и пространство подле «Войца» озарилось выплеснувшимся из орудийных жерл разгонным огнем. Часть снарядов

рвануло чуть раньше, у остальных подрыв произошел как надо. Осколки пробили толстые туши вражеских торпед, и те сдетонировали, не дойдя до цели. Есть контакт!

— Залп по точке выхода! — приказал старший гридень.

Это, конечно, могло быть стрельбой в молоко, но если все же удастся зацепить самурайскую посудину, уже хлеб. Глядишь, больше и не сунутся.

— Первые две — расстояние четыре версты. Вторые две — расстояние пять верст!

Пушкиры послушно выпустили торпеды с установленными датчиками дистанционного подрыва, и те устремились к точке, откуда появились вражеские снаряды.

Всеволод скосил взгляд на боковые экраны и увидел страшную картину. Пока они были заняты обороной, «Такарабунэ» терпел поражение. Корабль пытался уклониться от точки встречи, но безуспешно. Слишком неповоротливый для резвого старта. Две торпеды «Такарабунэ» пропустил под брюхом, но оставшиеся угодили ему точно в борт. Когда Всеволод посмотрел на захваченное с таким трудом судно противника, раздалось два мощных взрыва, и оно прямо на глазах развалилось на куски. Судно гибло, а вместе с ним и призовая команда. Старший гридень скорчил гримасу, увы, он был не в силах им помочь.

— Командир! Смотрите! — воскликнул кормчий.

Торпеды с «Войца» достигли предполагаемой точки появления вражеских снарядов и исчезли с экранов мониторов. Тут же пустоту Пространства потрясли несколько сильных взрывов. На мгновение вспышка высветила бронированные борта самурайского судна, но в ту же секунду видение исчезло. Пространство вновь успокоилось и уже ничто не говорило о том, что совсем недавно здесь кипело сражение.

— Что это было? — спросил озадаченный кормчий.

— Видно, командир ихний все же подмогу успел вызвать, — задумчиво произнес старший гридень.

— А чего же они раньше по нам не вдарили? Могли бы «Воец» прицельным огнем, как клеща, скосырнуть, потом штурмовую команду высадить да наш стяг в клочья разнести.

— Не успели, видать. Вот и не осталось им ничего другого, как следы за собой замести. Как говорится, если уделались, лучше один раз потереться, чем потом полгода вонять.

Радары еще раз ощупали все доступное им пространство, но врага обнаружить так и не удалось.

— Вот и обрыбились... — грустно вздохнул Всеволод и отдал команду возвращаться.

Глава вторая Задание

На пути твоём будет немало преград, но помни: нет ничего надежнее в строю, чем плечо товарища.

Древнеславянская поговорка

(Из воинских начертаний для первого курса. Белград, печатный двор Воинского приказа, 1445 год от Освоения)

Белград — огромный город, раскинувшийся вширь на несколько десятков верст, лежал по обе стороны реки Белой.

Когда-то она действительно была белой — чистой. Но с той поры прошло уже много столетий, и за это время ее воды заметно почернели, хотя новые очистные сооружения и были призваны бороться за чистоту реки.

Белград по праву считался красивейшим городом княжества, ибо был первым в его истории и, несмотря на бурное прошлое, смог сохранить частицу первозданности — детинец. Каменные хоромы помнят еще его основателя и строителя великого князя Святослава. Высокие и просторные, в два этажа, княжеские покои берегут множество тайн, и дай-то боги будут хранить еще немало. Тут же, как малые детки подле дородной кормилицы, приютились многочисленные строения княжеского двора. Тоже почти все сплошь каменные

— исторические. Нетронутые временем, заботливо обновляемые каждым новым владельцем. Конюшни, амбары, пекарни и мастерские, кои стоят уже почти без надобности. Это раньше в них не смолкали удары молотов, кузнецы ковали брони для дружинников. Ныне в мастерских лишь изредка разжигали огонь, дабы произвести штучный товар по заказу великого князя или кого из родственников или ближних бояр.

А вот дружинные избы по-прежнему полны воев. Как и встарь, при княжеском дворе была неотлучно его ближняя дружина — из боярских детей. Только вот теперь их всех рындами и зовут...

Чуть в стороне от воинских служб с десятков небольших каменных изб, где живет многочисленная челядь, что денно и нощно в заботах да хлопотах по хозяйству.

И баня! Совсем рядом с теремом князя, чтоб зимой недалече бегать. Баня деревянная из многолетнего листвяка. Такая баня враз напарит с десятков бояр, пусть даже они вздумают с девками пошалить — всем места хватит! А пар какой — ух! Баня, как говорят старики, сто и более того лет, топилась по-черному, оттого пар в ней легкий да целебный. А какой у нынешнего князя банщик! По всему граду про Угомона слух шел, что лучше банщика во всем княжестве не сыскать — угомонит на раз!

Каменные стены высотой в три казенные сажени⁷ опоясывали княжий детинец и имели десять круглых башен, в которых совсем недавно установили новые скорострельные «Остроухи». В детинец можно попасть либо через Княжеские, либо через Людские ворота. Подле детинца, уже за его стенами, на целую улицу растянулись многочисленные приказы. Тут тебе и Тайный, и Воинский, и Сыскной и прочие приказы — всех и не учесть. Оттого и прозвал народ улицу эту Приказной. Князь против такого названия не возражал. Почитай всех приказов вкупе наберется с десятков. И в каждом заправляет боярин-воевода, и в каждом службу несет не одна сотня гридней да расторопных служек.

В конце же Приказной улицы — площадь круглая да широкая — Волховская. А посередине холм — Вещальный. Как в учебниках пишут мужи ученые, что с незапамятных времен стояло на том холме святилище богов славянских. И волхвы вещали с того холма людям о Признании. Давно то было, ох давно... Уже рассыпались в прах под дождем и ветром прежние кумиры. И теперь гордо возвышался над Белградом вытесанный из белого камня идол, смотрящий на все четыре стороны, ликами светлых богов. Они всегда берегли своих детей от злых врагов. Перун — бог грома и молнии, покровитель белградского воинства, смотрит прямо на княжеский детинец. Сварог — небесный огонь, что льется сверху на все живое, повернут ликом своим на Кузнечную улицу, где встарь ковали, трудились над заказами горожан. Теперь на этой улице не так звонко, как прежде. Остыли печи... Макошь — заступница жен и дев — обернула свой лик на сам град и взглядом своим утешала вдов и поддерживала рожениц. Велес — покровитель скота, когда-то смотрел на широкие луга да поля, что тянулись от самых стен града и до реки Белой. Но теперь нет тех нив. На их месте шумит многолюдный стольный град...

* * *

По прибытии в город Всеволод первым делом заглянул домой, привел себя в порядок, омылся, переоделся в парадный полукафтан. Негоже на доклад к князю идти в грязном платье. По большому счету требовалось отдохнуть, хотя бы пару часов поспать, чтобы не выглядеть вялой рыбиной, но только дело не терпело отлагательств. Предварительно, сделав звонок в Тайный приказ и получив добро от начальства, дозвонился в приемную князя. Старший гридень получил четкие инструкции, когда ему прибыть в Кремль. Время еще оставалось. Совсем немного, но хватит, чтобы заглянуть в пыточную и узнать, как там обстоят дела у нордусов, захваченных на самурайском корабле.

---

⁷ Казенная сажень — около 2 м.

Тайный приказ — большое трехэтажное здание из белого камня — стоял дальше всех от детинца и одним фасадом аккуратно выходил на площадь Волховскую.

И ничто не говорило о том, что в этом светлом и просторном здании вершатся государственные дела да содержатся в подвалах государственные преступники. Мало кто знал, что по-настоящему скрывали эти белые камни. Лишь только слухи... Людская молва неугомонна, а фантазия неистощима. Оттого и шушукались некоторые, что, дескать, подвалы в Тайном приказе глубоко-о-окия...

Оставив самоход возле неприметного служебного входа, Всеволод вошел внутрь. Он оказался в просторной комнате, где ничего не было кроме черной двери в противоположном конце. В центре комнаты, на полу, располагался ярко-желтый круг. Заступив на него, Всеволод замер. На первый взгляд казалось, ничего не происходило, но старший гридень ведал, что сейчас его со всем тщанием проверяют. Он почувствовал, как чьи-то незримые путы сковали его члены, и упрямая чужая воля вторглась в его сознание, ощупывая и осматривая со всех сторон. Это работали ведуны, приписанные к Тайному приказу. Удовлетворившись осмотром, они отпустили старшего гридня. От неожиданности он даже сделал пару неосторожных шагов вперед и практически уперся лбом в дверь. Если бы волхвы его не признали, дверь осталась бы заперта, а комнату вмиг заполнили дружинники. Уж они-то с лазутчиком церемониться бы не стали, вмиг бы скрутили врага, да в пыточную.

Открыв дверь, Всеволод вошел внутрь и оказался в просторном помещении, отделанном под старину. Так когда-то строили еще при князе Буйславе.

Стены из мореного дерева, потолок поддерживали резные колонны, вверх уходила широкая лестница, застеленная ковром. Слева возвышалась деревянная двухстворчатая резная дверь, возле которой неподвижно стояли двое младших гридней с церемониальными секирами. Они ничем не показали, что заметили старшего товарища. Но дверь распахнулась, и ему навстречу вышел высокий, статный мужчина в красном длинном кафтане, подпоясанном белым ремнем с железной пряжкой, на которой была изображена змея, держащая в руках голубой кристалл. Родовой герб Ждана ур-Зора. У боярина на поясе висел меч в богатых ножнах. Всеволод прекрасно знал этот клинок с навершием в виде змеиной головы. Все бы ничего, и ему даже нравилась эта голова, вот кабы не вороги с той же змеей. Хотя, надо признаться, вражья змея куда более противная, чем своя, доморощенная...

— Приветствую старшего гридня! — произнес Ждан, звонко стуча каблуками по полу. — Признаюсь честно, так рано не ждали.

Всеволод оглядел боярина, словно не видел его целую вечность. Копна ржанных волос, пристальный взгляд карих глаз, густые светлые усы, ямочки на щеках, создающие обманчивое впечатление добродушного «своего в доску парня». Но не таков был Ждан ур-Зор, личный секретарь главы Тайного приказа воеводы Зоряна Кнута.

— Сегодня должны были доставить пленников. Взяли на вражеском транспортнике. Тати-предатели, — произнес Всеволод и добавил: — Вот взглянуть на них хочу.

— Отчего же не взглянуть. Как раз можно. Я сам собирался спуститься в подвалы. Этих змеюк подколотных давно уже в пыточной допрашивают.

Ждан приглашающе кивнул Всеволоду и направился по коридору к так называемой «черной» лестнице, ведущей в пыточные подвалы.

— Я, конечно, понимаю, что сие дело вам лично князь поручил, но ты все же не забудь, мил друг, и к воеводе нашему заглянуть да рассказать обстоятельно, что да как получилось. А то нехорошо, когда Зорян Кнут все подробности узнает от своего непосредственного начальника.

— Обижаешь, Ждан, сегодня вечером после князя сразу к воеводе с письменным отчетом. А вот после этого можно и в корчму заглянуть. Устал я за последние дни как собака, хочется отдохнуть малость. Ты как? — спросил Всеволод, буравя спину спускавшегося по узкой винтовой лестнице Ждана.

— Гульнуть — это мы всегда согласны. В особенности если ты угощаешь. Тебе, небось, за отлично проведенную операцию деньжат начислят али орден дадут, так что

обмыть дело святое, — обернулся довольный Ждан и расплылся в улыбке.

— С датошными⁸ оказия может выйти... судно-то вражье я проворонил. Так что поздравлять особо не с чем, — развел руками Всеволод.

— Ладно-ладно, не прибедняйся.

— Да ты за дружеский счет не дурак гульнуть, — хохотнул старший гридень. — Считай, что договорились.

В пыточном подвале освещение было тусклым, самое-то, чтобы не споткнуться да голову не расшибить ненароком. В сумраке Ждан ориентировался, как у себя дома, вел по хитроумным извивающимся коридорам с многочисленными дверями камер. Неподготовленного человека поражала тишина, царившая в подвалах. Пискни в дальнем углу крыса, услышат за версту. А как же крики испытуемых? Как же покаяние татей? Уже давно в пыточных, перед работой, заплочных дел мастера осужденного знакомили с ведуном или с волхвом, который заговаривал страдальца. Так что какие бы физические муки он ни испытывал, ни звука не доносилось из его рта, кроме правдивых ответов на вопросы дознавателя. Это вдвойне страшило обреченных и иногда позволяло развязать язык злодею быстрее.

В пыточных подвалах содержались только те, которых привезли для личной встречи с заплочных дел мастером. Остальных злодеев, чья вина была доказана или чьи показания не были нужны следствию, отправляли в остроги. Самый крупный острог, Беловежский, находился в полтыщи верст от Белграда. Тихорецкий и Карпинский остроги находились еще дальше...

Наконец, после долгой прогулки по узким коридорам Ждан остановился перед стальной дверью и забухал в нее кулаком. На уровне глаз открылось смотровое окошко, и из него выглянуло заросшее волосами, точно у медведя, лицо заплочных дел мастера, лучшего в своей профессии, Колуна.

Колун было его прозвище. Истинного же имени и фамилии Всеволод не ведал. Догадывался, что не он один. Все настолько привыкли называть этого верзилу Колуном, что настоящее его имя знали, пожалуй, разве что в канцелярии Тайного приказа.

— Открывай, пришли на работу твою поглядеть, — приказал Ждан.

Колун коротко кивнул, закрыл смотровое окошко и залязгал отпираемым засовом. Первым пропустили старшего гридня. Затем вошел Ждан, после чего сам же и запер дверь.

Пыточная — маленькая комнатенка. Стены из закоптелого кирпича, чадающие факелы, воткнутые в рогулины держателей на стенах, холодный каменный пол. В одной стороне возвышалась дыба — две толстые деревянные, вертикально стоящие балки с поперечной переладиной, через которую перекинута веревка. Одним ее концом были связаны руки за спиной у злодея, другой конец привязан к вороту, ныне застопоренному. На дыбе висело то, что еще сегодня ночью звалось Каптом ур-Кразом, а ныне напоминало кусок окровавленного несвежего мяса, облаченного в какие-то жуткие лохмотья.

Напротив дыбы стояли два стула. На одном сидел незнакомый Всеволоду ведун. Мало ли их работало на Тайный приказ. Его задача — присматривать за татем, как бы не откинулся раньше времени да не подвинулся рассудком до срока. Опять же, после работы ката,⁹ ведун медленно, но верно обрабатывал татя похожим на «Правдолюб» заклинанием, только на несколько порядков сильнее. Сознание человека штука скользкая. «Правдолюб» любит податливый материал, готовый к контакту. А если же человек замкнулся в себе и на разговор не идет? Тут щипцами ката скорлупу такого орешка расшатаешь, а силой ведуна расколешь. Второй стул предназначался для Колуна, который он и не преминул занять.

---

⁸ *Датошные* — наградные поощрения: ордена, денежные премии, благодарности, ценные подарки и т. д. и т. п.

⁹ *Кат* — палач.

Чуть вдалеке за конторкой сидел писарь, кропотливо заполнявший допросный бланк.

В подвале пахло застарелой кровью, потом, дымным чадом да испражнениями.

— Как дела? Что гнида говорит? А меньшей где? — спросил Всеволод, внимательно осматривая пыточную.

— Меньшой не сдюжил, преставился в конце первого часа. Да и не знал он ничего толком. Так... с бору по сосенке... одна польза от него — язык. Как его обучали, выпытать не успели — помер. А вот несколько сотен слов мы теперь доподлинно знаем.

— Великая польза Воинскому приказу, — кивнул Всеволод.

Колун подробно рассказал все, что он услышал от Божко ур-Тавыза. Эта информация полностью совпадала с тем, что удалось добиться на первом дознании. Куда любопытнее было, что знал старый нордус.

— А этому удалось язык развязать?

— Крепкий орешек, — уважительно посмотрев на своего подопечного, произнес Колун, — я к нему и так, и этак, а он все сопротивляется. И каленым железом жгли, и холодным прижигали. И «подноготную» пытались вызнать, да держится. Вот только недавно слабину дал. Так мы его перед вашим приходом и раскрутили.

— Чем зацепить удалось? — заинтересовался Ждан.

— Да, видно, ослаб, давно бы умом тронулся, да вот Калед, — кат кивнул в сторону ведуна, — спрятаться не дает. Вот по такому мягкому материалу он и прошелся. Как говорится, я железо разогрел, осталось только правду ковать.

Колун осклабился в довольной улыбке.

— И что получилось? — спросил старший гридень.

Ждан зыркнул на писаря и приказал:

— Читай давай.

Писарь подскочил с места, от усердия даже стул опрокинул. Поднеся лист бумаги близко к лицу, зататорил:

— Лиходей под пытками показал, что восемнадцатого вересеня¹⁰ сего года к нему обратился Горислав Властов — сын, старший распорядитель Ельницких верфей и пригласил на встречу, как он тогда сказал, с очень важными людьми. Встречались они в городе Ласков, куда Капт ур-Краз летал, взяв предварительно вольную на один день на верфях. В корчме «Осенний лист» его и поджидал Горислав Властов и незнакомый ему человек. Он представился Сдемыслом. Горислав Властов — сын в дальнейшем разговоре не участвовал, а удалился в другой конец корчмы. Сдемысл же сначала расспрашивал Капта издалека, о житье-бытье. Капт недоумевал, неохотно говорил, но с душой навыверт не лез. Потом оный Сдемысл перешел к конкретным предложениям...

— Спасибо. Дальше можно без подробностей, — прервал писаря старший гридень, — мне нужна копия протокола допроса.

Подробности Всеволоду и не нужны были. Основное он и так знал от покойного Божко ур-Тавыза, а чего не знал, прочтет в протоколе, пока будет ехать на прием к князю.

Пыточную старший гридень покидал с облегчением. Вся эта удушающая вонь действовала на него угнетающе. Он привык к смерти, но к смерти на поле брани, а не к такой — медленной, изматывающей душу и тело.

— Ну что, Волков, сам меня пригласил, никто за язык не тянул. Так что жду тебя вечером в корчме, — на прощание сказал ему Ждан ур-Зор и хитро подмигнул.

* * *

В строго назначенное время Всеволод Волков прибыл в княжий детинец. Сделав круг по привратной площади, он нашел свободное место возле Ратной колонны, где оставлять

---

¹⁰ Вересеня — сентябрь.

самоходы имели право только служилые люди, и, заглушив движитель, выбрался наружу. Серое хмурое небо разразилось мелким дождиком, поливая древнюю брусчатку мостовой. Старший гридень поднял повыше ворот форменного полукафтана и поправил съехавшую на затылок черную шапку.

Чеканным шагом Всеволод пересек площадь и остановился. Дорогу ему перегородил дружинник из караульного десятка. В грудь старшего гридня нацелилась боевая секира. Не замечая ее, Всеволод назвал заветное слово, и караульный посторонился, пропуская старшего гридня в Княжеские ворота.

Проходя под воротной аркой, Всеволод вновь почувствовал, как к нему потянулись липкие нити чужой воли, ощупали его со всех сторон, взвесили, признали своим и пропустили внутрь. Страшно подумать, что бы случилось, если б в нем опознали чужого. Пожгли бы заживо. Впрочем, за все время, пока на белградской земле стоял детинец, по пальцам руки можно было пересчитать, сколько раз лихоимцы пытались проникнуть на его территорию. Да и то большая часть злоумышленников приходилась на Смутные века.

Пройдя внутренний дворик, старший гридень приблизился к княжьему терему, взбежал по ступенькам парадного крыльца и громко постучался в дверь. Ему тотчас открыли. Княжий писарь и советник Булята Рыжий смерил Всеволода Волкова надменным взглядом и сообщил:

— Князь ждет. Следуй за мной.

Показав старшему гридню спину, Рыжий проследовал в глубь терема. Всеволод хотел было его тоже пригласить вечером в корчму, как-никак еще со школьной скамьи знали друг друга, но тут же раздумал. В последнее время Рыжий ясно давал понять старым друзьям, что у них своя дорожка, а у него своя, и нечего друг другу пути портить. Задрал нос Булята от ближней службы — зазнался. Ну да боги ему судьи.

Они поднялись по крутой деревянной лестнице с резными перилами на второй этаж, свернули налево, прошли по длинному коридору и остановились. Рыжий потребовал «подождать», после чего исчез за высокими двустворчатыми дверями, украшенными коваными железными узорами: мифическими птицами, сказочными цветами вокруг улыбающегося солнечного лика в языках богатого пламени.

Рыжий появился из-за дверей и распахнул их перед старшим гриднем.

Всеволод вошел внутрь, стянул с головы шапку и отвесил почтительный поклон.

— Приветствую тебя, великий князь Ярослав Мстиславович, — произнес он громко. — И тебя, воевода Зорян Кнут.

Князь стоял возле высокого стрельчатого окна вместе с Кнутом и смотрел на огибавшую детинец реку Белую, пока воевода что-то тихо рассказывал князю. Всеволод даже не удивился, что голова Тайного приказа уже тут как тут — этого вполне следовало ожидать.

Заслышав печатные шаги и приветствие гридня, князь обернулся и встретил гостя пристальным, оценивающим взглядом.

— И тебе добру-поздорову, — прозвучал властный суровый голос с легкой хрипотцой.

Всеволод поднял голову и смело посмотрел в глаза князю.

Ярослав Мстиславович был не старым еще мужчиной, но в летах. Длинные черные волосы с густой проседью были убраны за золотой обод и ниспадали на широкие плечи, прикрытые синим, расшитым золотой нитью плащом. Из-под плаща виднелся красный полукафтан с княжеским гербом на груди. Широкие синие шаровары были упрятаны в черные кожаные сапоги, доходящие до колен. У богатого кожаного пояса висели черные ножны, украшенные драгоценными камнями. В них лежал знаменитый княжеский родовой меч — Узарень. Князь Ярослав был красивым мужчиной, недаром многие женщины княжества тайно вздыхали по нему, а боярские роды считали за счастье отдать своих дочерей на княжеское ложе. Только князь был воздержан и обходился всего пятью наложницами и одной законной женой. И только от жены он имел детей.

Точеные черты лица, смелый взгляд иссиня-черных глаз, густые, тревожно сдвинутые к переносице брови, борозды морщин на лбу, густая седая борода и усы, обрамляющие тонкие губы.

— Садись, старший гридень, умные люди говорят, что в ногах правды нет, — князь указал Всеволоду на деревянное кресло, стоящее возле большого стола, обитого зеленым сукном. Сам же сел в кресло напротив. Воевода, дородный чернобородый мужчина в дорогих одеждах и пышных шароварах, указывающих на его высокий достаток, расположился одесную¹¹ от князя.

Всеволод принял приглашение князя и опустился в кресло. Он молчал, ожидая приказаний. И князь не промедлил с ним.

— Рассказывай о татях, которые Ельницкие верфи подожгли да движитель украсть пытались.

Старший гридень внутренне собрался и рассказал обо всем, не вдаваясь, впрочем, в излишние подробности. Также он поведал и о пыточных подвалах Тайного приказа, где успел побывать утром, да о результатах допроса предателей.

Князь молча выслушал, не сводя с Всеволода пристального взгляда. После того как старший гридень закончил доклад, князь долго еще молчал, размышляя о чем-то. Наконец словно бы очнулся от своих мыслей и с чувством ударил кулаком по подлокотнику кресла.

— Вот же лжеликие кровопийцы, сами жить не хотят да нам не дают.

— Не беспокойся, надежа князь, прижмем мы их к ногтю. Обязательно прижмем, — пробасил Зорян Кнут.

— Прижать-то, может, и прижмем, да вот как бы поздно не было. Ты вот мне скажи, как так получилось и куда смотрели наши умники из Воинского да Порубежного приказов, что целая транспортная ладья врага подошла к самым нашим рубежам. — Скулы Мстиславовича заходили ходуном. — Да что там рубеж?! Они были на расстоянии одного броска от стольного града. Вы об этом подумали?!

— Накажем, княже... Уже наказали. Только не пройти бы им было до Белграда. Наши воздушники вмиг бы понаделали дырок в их бортах да пожгли бы их всех к ляду,¹² — твердо заверил воевода.

— Хорошо речешь, да неубедительно, — отрезал князь. — Кто должен охранять подступы к планете?

— Оборона околоземной орбиты возложена на Первую армию. Её возглавляет воевода Бурислав Секира. Четыре броненосца «Стремительный», «Ратник», «Орел» и «Надежный» охраняют подступы к планете. Основная часть кораблей стоит на приколе.

— И враг каким-то образом подобрался к нам, обогнув все четыре броненосца и показав кукиш воеводе Буриславу Секире. Не кажется ли тебе, Кнут, все это очень подозрительным?

— Позволит ли мне князь слово молвить? — спросил осторожно старший гридень.

— Говори! — потребовал князь, нахмурившись.

— Соглядатаи¹³ доносят — у врага появились новые противорадарные экраны. Эти приспособы позволяют им делать свои боевые ладьи практически невидимыми для наших следящих приборов. Да и простым глазом наблюдатели на кораблях мало что могут увидеть, поскольку эти антирадары создают вокруг корабля отражающее поле, — доложил старший гридень.

— Кхм, и я об этом узнаю только сейчас? — иронично приподняв бровь, спросил князь

---

¹¹ Десница — правая рука, одесную — справа.

¹² Ляд, ляди — злые духи.

¹³ Соглядатаи — разведка.

у воеводы. Но по вспыхнувшим глазам было видно, что кому-то вскоре явно не поздоровится.

— Надежда князь, эти данные от наших соглядатаев поступали, но мы их тотчас передавали в Воинский приказ, — тут же ответил воевода. — Насколько я знаю, ученые лбы уже работают над этой проблемой, обещали в скором времени придумать, как взломать эти клятые экраны.

— Не нравится это мне. Очень не нравится. Кажется мне, что в Воинском приказе крыса завелась. Как бы не она отвела броненосцы в сторону, пока вражеская ладья подбирала предателей. А другая боевая ладья, вскоре подошедшая на выручку... Это что же получается, в нашей части Пространства скапливаются серьезные силы. Значит, подтверждается твой доклад, воевода, об активизации врагов. Очень нехорошо. — Князь покачал головой и сильно сжал подлокотники кресла, так что побелели костяшки пальцев.

— В последнее время участились диверсионные операции, в которых замешаны представители нордусских родов, — заявил воевода. — В наших пыточных десятки людей, которых подозревают в сговоре с врагом и в злом умысле против тебя, князь. Большая часть этих злыдней из нордусов. Да и осмелюсь напомнить, что Воинский приказ возглавляет воевода Вадим Сечень, а его прабабка была из нордусов.

— Ты к чему это ведешь, воевода? — спросил князь, прожигая Зоряна Кнута взглядом.

— Я хочу сказать, что нордусские роды в последнее время потеряли былую власть. Вспомни дело Велерада ур-Дзата. Оно сильно ударило по влиянию нордусов. Вот и хотят они отыграться да добиться былой власти при твоём престоле.

— Осмелюсь напомнить, воевода, твой секретарь тоже из нордусов, и сии подозрения очень обидны. Не знал, что в нашем княжестве предатель определяется по чистоте крови, — гордо заявил Всеволод Волков. — К тому же среди задержанных и допрошенных есть и вятские, и новики...

— Не нужно нам раздора в такое тяжелое время, — постановил князь, хлопнув раскрытой ладонью по подлокотнику кресла. — Слушайте же мой приказ. Я знаю, что у тебя, Кнут, есть шептуны в Воинском приказе. Да-да, и не отводи взора. Знаю, что есть... может, так оно и к лучшему. Так вот, повелеваю тебе направить их уши и глаза в нужном направлении. Чтобы к концу следующей седмицы¹⁴ у меня были наметки по крысе, работающей на Змеев. Усилить наблюдение за всеми заводами и оружейными складами. В Воинский приказ я передам свою волю о приведении всех наземных дружин в полную боевую готовность. Нельзя врага на нужнике встречать только огнем и мечом.

Князь обернулся к Всеволоду Волкову и, сверкнув глазами, заявил:

— Для тебе же, старший гридень, у меня будет отдельное распоряжение. Бери свою боевую ладью, да еще две-три в сопровождение. Ты должен выдвинуться к планете Велес, где базируется наша Вторая армия, и провести разведку на территории врага. Задача — найти скопление боевых ладей противника и определить их количество. Знать нам надо, какую силу против нас выставил император. Будем знать, сможем достойно встретить.

Старший гридень поклонился, принимая распоряжение князя.

— Да, и еще, воевода, срочно приступить к работе над «Яробоем». Усилить дозор, дабы ни одна вошь не проскочила. Я распоряжусь, чтобы твои люди были превыше, чем воевода верфей. А ты уж расстарайся, Кнут, перекинь как можно больше своих гридней, работать в три смены без остановки. Но чтобы через месяц «Яробой» сошел со стапелей и поднялся в небо! Мне этот броненосец позарез нужен.

Князь поднялся из-за стола. Одну руку положил на рукоять родового меча, другую приложил к груди.

— Благодарю тебя, старший гридень, за верную службу твою, — Ярослав Мстиславович на секунду задумался, а затем решительно снял с запястья широкий

---

¹⁴ Седмица — семь дней.

серебряный двустворчатый браслет и протянул Волкову. — Владей, Всеволод, — заслужил.

Всеволод склонился в благодарственном поклоне и принял награду. Воевода разубыбался, точно начищенный доспех.

— И тебя, воевода, благодарю за то, что таких надежных людей растишь! — князь кивнул хозяину Тайного приказа.

— Благодарствую, княже, на слове добром, — воевода прижал руку к сердцу.

— Солнце за нас! — произнес князь ритуальный клич, давая тем самым понять, что прием окончен.

Старший гридень и воевода вышли из-за стола и чинно покинули малый приемный покой.

* * *

Корчму «Медвежья кровь» Всеволод знал хорошо. Несколько лет назад он случайно наткнулся на нее и с тех пор облюбовал. Они часто встречались здесь прежней дружной компанией, только вот Рыжий откололся и больше в их бесшабашных попойках не участвовал. Как же, высоко взлетел, у самого князя подручный. Куда им до таких высот. Хотя узорчатый браслет красовался на правой руке Всеволода и грел душу. Обожди, Рыжий, вот мы тебе...

Корчма находилась в тихом переулке, недалеко от рыночной площади. Спрятанная, казалось, от посторонних взглядов, она никогда не бывала пустой. И днем, и ночью до самого закрытия в корчме не было отбоя от посетителей. Внутри бревенчатые стены, завешенные разноцветными ритуальными тканями, деревянные столы и скамьи, да изображения тотемных животных. Корчмой владела семья новиков и выполнила интерьер под старину. Но, несмотря на это, в корчму приходили как новики, так и вятские с нордусами. Весь цвет боярских родов княжества бывало заглядывал сюда — не чурались.

После княжеского приема Всеволод заехал на капище, где возблагодарил богов за воинскую удачу и за то, что живым из боя вышел. Там же он встретил старого друга, ведуна Чеслава.

Слово за слово, и старший гридень пригласил ведуна в корчму. Чеслав обрадовался приглашению, и капище они покинули вместе.

Переступив порог заведения, старший гридень остановился, дождался, пока глаза привыкнут к полумраку и осмотрелся. Ждан уже занял место за большим столом и изучал быстрое.¹⁵ Заметив друзей, Ждан призывно замахал рукой.

— Что встали на пороге, словно кол проглотили? — спросил он, когда Всеволод и Чеслав приблизились. — Смотрю я, все в сборе. Это хорошо.

Когда-то очень давно, казалось, что это было в другой жизни и не с ними, их было четверо мальчишек, оказавшихся в одной школе: Чеслав, Всеволод, Ждан да Рыжий. Они были почти одногодками. Сдружились быстро. Учиться им было скучно, спасали только различные проказы, на которые они были дюже охочи. Годы прошли. Судьба и предназначение разбросали их по разные стороны жизни, но дружбу они берегли.

Старший гридень опустился на скамью напротив Ждана. Чеслав сел подле. Они подозвали полового и заказали по кувшину темного пива, жаренного на вертеле мяса с тушеными овощами. Пока ждали заказ, говорили о разном, но темы службы не касались.

Ждан рассказал о своем новом увлечении. Девушку звали Всеслава...

— И скажу я вам, братцы, как хороша! Из боярского рода Стрельцовых-Свешниковых... огонь-девка. Как посмотрит глазищами, у меня, братцы, ноги немеют...

Всеволод молчал, погруженный в свои мысли. Шутка ли — к вражьи рубежи лететь. Да ему и нечего было рассказать. Про него часто говорили, что он женат на своей работе.

---

¹⁵ Быстрое — меню.

Только друзья в покое не оставляли и все время донимали его расспросами. Вот и сейчас, когда хорошенькая девушка поставила перед Волковым кружку пенного пива, Чеслав обернулся к другу и спросил:

— А у тебя как дела? Все бобылем ходишь?

Старший гридень отхлебнул пива, поморщился от удовольствия — вкусная карамельная горечь, и ответил:

— А когда мне подвиги совершать, когда я никак ратный пост покинуть не могу. У меня же то одно поручение, то второе. Я и в Белграде почти не бываю. Да и не ходок я...

Ждан нахмурился, покачал пиво в глиняной кружке, наблюдая за ним, словно пытался разглядеть на дне что-то важное для себя:

— Война затягивается. Нет ничего хуже, чем сидеть и ждать. Вот уже почитай полгода как одни мелкие перепалки на рубеже. А сердце сечи жаждет! Чтоб как при Нежданной тогда...

— А что при Нежданной? — ехидно ухмыльнулся Всеволод. — Мы тогда почитай весь флот потеряли...

— Да, но и страхолюдинам хорошо досталось! — резко возразил молодой боярин. — Почитай никто из них тогда не ушел!

На минуту за столом стало тихо. Всеволод и Ждан погрузились в воспоминания. И вроде тогда при крохотной планете Нежданной они победили, но уж больно дорогой ценой эта победа досталась. Сколько товарищей сгинуло в лютой сече...

Ведун Чеслав взъерошил пятерней гриву непослушных льняных волос и вдруг грустно изрек:

— Люд честной начинает роптать... Не понимает, почему князь со своими боярами тянут, а не устроят ворогу хорошую трепку. Почему наши корабли патрулируют Пространство вокруг княжества, а не идут в дальний поход. Да и трудно сейчас простому люду. Кто в поле трудится, тот не успевает оброк платить, как новый выдумывают. Война много денег требует, а вся тягота этой войны ложится на плечи людей. Я недавно был в Переяславском воеводстве, походил среди народа... Такого наслушался. Заводские тоже не разгибая спины работают на войско.

— Князь дело знает. Чтобы начать наступление, к нему готовым надо быть. Не будешь же против самураев дырявыми лаптями воевать. Чует мое сердце, недолго осталось, — заявил Всеволод. — Скоро затишью конец.

— Как великий князь принял твой доклад? — спросил Ждан. — Воевода Кнут выглядел сегодня очень довольным, когда вернулся из детинца.

— Воспринял должно. И у меня новое задание... — ответил Волков и осекся. Говорить правду, даже друзьям, он не имел права.

— Надолго? — понимающе кивнул Ждан.

— Это как выйдет.

— Выпьем, — предложил Чеслав, — за твою легкую дорогу!

— Кстати, мне на ладью нужен ведун. Прежний погиб... так что я хотел бы попросить начальство тебя откомандировать ко мне. Как? Пойдешь? — спросил старший гридень и скосил глаз на Чеслава.

— С тобой, Всеволод, хоть куда, — не раздумывая ответил Чеслав. — Только вот надо разрешение у волхва Избора испросить. Как он скажет, так и будет. Ты же знаешь, у тебя свое начальство, а у меня свое.

— Вот и ладно. Ты спроси своего волхва, а я завтра с воеводой поговорю. Думаю, что все и сойдется.

Всеволод сделал два глубоких глотка пива, поставил кружку на стол и сладко зевнул. Все-таки последние дни толком поспать так и не удалось. Но покидать теплую компанию не хотелось. Они так редко встречались не по службе.

Внезапно внимание старшего гридня привлек чужой зычный голос, прорезавшийся где-то вдалеке. Владелец звериного баса сильно злился, и с каждым новым словом ярости в его

голосе прибавлялось. Всеволод обернулся и увидел могучего мужчину в богатом гражданском кафтане красного цвета, до колен, подпоясанным кожаным ремнем с золотой пряжкой, исполненной в виде головы трехрогого быка. Он стоял, зажав в кулаке красную шапку, отороченную мехом, и размахивал ею, словно ветряная мельница. Едва наметившаяся черная борода чуть старила его, но, несмотря на это, больше двадцати пяти лет дать ему было нельзя.

Напротив новика из рода Быка стояли два мужа постарше, с виду похлиппше, хотя повадками не из простых. Если бы захотели, могли бы причинить серьезную головную боль доброму дружиннику. Эти двое были в простой гражданской одежде...

— Никак вятские новика задирают? — обернулся Ждан на шум.

Двое занимались тем, что зло подтрунивали над юным гордецом. Им явно нравилось, как горячится новик, и они ждали, когда он взорвется. Вот и дождались.

Вятские что-то тихо ему сказали, что взбесило новика еще больше, и он демонстративно закатал рукава. Его супротивники тоже изготовились, выставив кулаки вперед. Еще чуть-чуть — и начнется драка.

— Кажется, новика я знаю. Это Язуба Быков, — заявил Ждан. — Служит в Приказе путей и дорог.

— Растащить бы этих забияк да надавать по загривку. — Чеслав отставил кружку.

— Если они сейчас начнут драку, то хозяин корчмы вызовет дружинников из Охранного приказа. Они задержат драчунов да отдадут под суд. А там поражение в правах рода на три года — и в простые стрельцы, куда-нибудь на порубежье... — заметил старший гридень.

— Так, может, разнимем? Эти поостынут чуток, сами же руки лобызать будут, — предложил Ждан и принялся отстегивать пояс с мечом. Обнажать оружие в публичных заведениях считалось дурным тоном.

— Нам встречать нельзя. Еще дружинники подумают, что мы тоже в потасовке участвуем, да скрутят всех скопом, — сказал старший гридень и посмотрел на Чеслава. — А что если ты им чуть подсобишь?

— А что, это идея, — улыбнулся Чеслав.

Он остался сидеть на месте, только пристально уставился на поединщиков и направил на них раскрытые ладони. Сперва ничего не происходило, а потом силой воли ведун поднял в воздух стол и обрушил его на вятских, которые не ожидали нападения сзади. Но и Язубе Быкову тоже досталось. Ему под ноги ударила скамья и опрокинула его на спину. После того как драчунов окатила лавина доброго хохота, от бывшего боевого, задора почти ничего не осталось. Когда троица поднялась и зашарила глазами по залу в поисках обидчика, Чеслав, сделав грозное лицо, погрозил им пальцем. Молодежь, приметив подле ведуна его посох, тут же присмирела.

Всеволод тоже ухмыльнулся в усы и допил пиво.

— И чего эти вятские такие задиры?

— Я вот нет! — грохнул себя по груди Чеслав и тут же поднял руку вверх. — Еще пива!

Они еще долго сидели за столом и наслаждались мясом, тушенным в глиняных горшочках, прикрытых шматом испеченного теста. Выпили много пива, поговорили, казалось, обо всем на свете и разошлись под утро, не ведая, что в следующий раз за дружеским столом им не скоро доведется встретиться.

Глава третья Вылазка

При входе во вражеский сектор необходимо активизировать защитный экран. Однако надлежит строго следить за расходом энергии и не допускать выхода более тридцати процентов оной на

Планета Лава — красный гигант — была окружена астероидным шлейфом, состоящим из каменных обломков разной величины, космических отходов человеческой деятельности и прочего мусора. Вокруг Лавы вращались четыре спутника, по сути, безжизненные каменные глыбы, оставшиеся неназванными. Их так и величали — Первый, Второй, Третий... Только для последнего, четвертого спутника, исключение сделали. Стоял превосходил размерами своих собратьев в несколько раз и был покрыт толстым слоем тысячелетнего льда. Откуда на таком далеком расстоянии от княжества могла взяться вода, простой люд голову ломал, а ученые лбы не больно-то торопились открывать свои тайны.

Здесь, вокруг Лавы, была сосредоточена Вторая княжеская армия, которой командовал славный воевода Святослав Хлудовский. С виду-то и не скажешь, что крупные воинские силы сосредоточены в секторе. На фоне звездного неба и далеких, дрожащих багровым маревом Престольных Покровов¹⁶ боевые ладьи выглядели черными пятнами, которые, если не сильно приглядываться, вовсе и не видны. К тому же работающие антирадары создавали вокруг кораблей поле невидимости.

Вторая армия контролировала дальние подступы к княжеству. Именно ей предстояло, в случае если самураи перейдут в наступление, дать отпор страшилищам, связать их по рукам и ногам умной обороной и уничтожить вражеский флот, на пушечный выстрел не пуская его в родную систему. Пройти незамеченными крупным войсковым соединениям под носом у Святослава Хлудовского было просто невозможно, а вот просочиться отдельному кораблю, к сожалению, получалось. Пространство большое. Прикрыть все бреши — задача неблагодарная, да и невозможная. Потому и шастали железнордые к княжеству да воду мутили. Правда, Тайный приказ без дела не сидел, ловил врагов аккуратно да своевременно. Вот только тати эти все сплошь и рядом из местных. И где Змеи только вербуют их?

Старший гридень Всеволод Волков находился в кормчей рубке. Он занимал командирское кресло и неотрывно следил за окружающим боевую ладью пространством. Картинка выводилась со следящих камер на огромную визуальную панель, занимавшую половину рубки. Два летуна, сидящие в рабочих креслах, склонились над мониторами и управляли полетом «Войца», личной боевой ладью старшего гридня.

Они летели вот уже двенадцать часов, и вскоре им предстояла небольшая остановка, если, конечно, воевода Святослав окажется гостеприимным. А куда же он денется? Личный приказ князя. Сутки на отдых, а потом бросок на территорию врага. За пределами планеты Лава находилось пространство, принадлежащее Черным Змеям. Там, если верить разведке, Змеи сосредотачивали крупную воинскую силу. Ну не на охоту же они собираются?

Всеволод усмехнулся своим мыслям.

И в этот момент первый летун доложил:

— Поступил опознавательный сигнал с броненосца «Стрелы Перуна». Флагманский корабль. Шифрованное сообщение. Отправляю на дешифровку.

— Принято. Дешифровка. Опорное время — двенадцать секунд, — отозвался Юрас, второй летун, и вскоре сообщил: — Дешифровка окончена. Сформирован ответ. Код шифра двенадцать-тридцать восемь. Отправка.

Всеволод Волков не обращал внимания на рабочие разговоры летунов. Броненосец «Стрелы Перуна» — промежуточная цель их путешествия, резиденция воеводы Хлудовского.

— Господин старший гридень, нам дали зеленый коридор к флагману. Идем на сближение, — обернулся Юрас и широко улыбнулся, демонстрируя белоснежные целые зубы.

---

¹⁶ Покров — вуаль.

Хорошо летунам, могут целыми зубами похвастаться. Не то что стяжники, у которых половина рта щербатая. Да и смысл искусственные зубы вставлять, если в следующем бою могут либо убить, либо дорогие импланты выбить.

«И о чем я только сегодня думаю!» — пожурил себя Всеволод.

Боевая ладья «Воец» легла на присланный с броненосца «Стрелы Перуна» курс и набрала скорость, следуя по открытому коридору. Вокруг вырастали, сбрасывая маскировочные поля, корабли Второй армии. Казалось, они безжизненны, но это было обманчивое представление. Неподвижные черные гиганты находились в ожидающем дрейфе. Но то до поры до времени. Стоит появиться врагу, как все окружающее пространство превратится в кипящее море огня.

«Воец» приблизился к «Стрелам Перуна» и вошел в гостевой шлюз. Ладья погасила движение и повисла, удерживаемая силовым полем броненосца. Выдвинулись стыковочные рукава, которые тут же присосались к «Войцу».

— Прибыли, господин старший гридень, — доложил первый летун.

Но это Всеволод и сам видел. Он поднялся из кресла, поблагодарил летунов за прекрасно выполненную работу и покинул кормчую рубку.

На первой палубе его уже ждали. Весь стрелецкий стяг в серебряных доспехах под командованием Маруна Медведева выстроился перед центральными воротами. Открытые забрала шлемов, тяжелые стержнеметы «Витязь» на груди. Такие орлы — хоть сейчас на abordаж! По правилам старший гридень должен был взять с собой почетный, а главное хорошо вооруженный эскорт. На всякий непредвиденный случай. Мало ли вдруг броненосец оказался захвачен диверсантами или, того хуже, вражескими лазутчиками. Это казалось невозможным, но штатное расписание предусматривало такую процедуру, и Всеволод не намерен был от нее отступать. Другое дело, что тащить за собой хвост из всех пяти десятков, не стоит. Хватит и одного, да личное присутствие стяжника Маруна Медведева. За последнее время Всеволод успел с ним сойтись накоротке. Надежный, смелый воин. С таким хоть в огонь, хоть в воду. Остальные останутся боевую ладью сторожить.

Здесь же на первой палубе его встречал старый друг, ведун Чеслав. Высокий, облаченный в церемониальный бронекостюм, покрытый защитным тайным письмом. Значение его ревностно оберегалось волхвами и передавалось только посвященным. Тонкий с виду доспех не брала ни пуля, ни сталь клинка, искусно составленное заклинание хранило хозяина. В руках ведун Чеслав держал боевой посох, представлявший собой стальной футляр с шарообразным навершием. В нем-то и хранился истинный деревянный ведунский посох, проводник энергии древних знаний предков. Голову ведуна покрывал стальной капюшон, также покрытый вязью тайнописи, с открытым забралом, из которого выглядывало чернобородое лицо.

Завидев спускающегося на палубу Всеволода, лицо Чеслава растянулось в приветственной улыбке. Вот уже у кого проблема с зубами, вернее с их наличием. Что ни говори, а Чеслав был не дурак подраться, когда скидывал одежды ведунские. Только вот потом неизменно получал на орехи от своего наставника волхва Избора, не поощрявшего молодецкие забавы.

— Готовы нанести визит вежливости воеводе? — поинтересовался Всеволод, приблизившись к Маруну и Чеславу.

— Отчего не нанести. Хорошему человеку завсегда пожалуйста, — тут же ответил стяжник.

— Да и я только рад. На «Стрелах Перуна» служит ведун Сила Медович. Не отказался бы я его поведать. Нам есть о чем потолковать. Да и у него всегда можно вкусной бражкой разжиться. Его за то Медовичем и прозвали, — произнес Чеслав и огладил бороду стальной рукавицей.

— Добро, — улыбнулся Всеволод и приказал по внутренней связи уже летунам: — Открывайте шлюзы!

Центральные ворота пришли в движение. Вскоре проход был свободен, и Всеволод в

сопровождении ведуна Чеслава и стяжника Маруна с десятком отборных стрельцов перешел на борт флагманского броненосца «Стрелы Перуна».

* * *

— Как батюшка князь? — спросил воевода Святослав Хлудовский, принимавший по завершении церемониального протокола старшего гридня Всеволода Волкова в своем кабинете. — Как здоровье?

— Подобру. Поздорову, — отвечал Всеволод, устраиваясь поудобнее в кресле напротив рабочего сектора хозяина кабинета.

Воевода был мужчиной видным, но уже в годах. Недавно шестой десяток разменял, но с виду и не скажешь. Высокий, поджарый, ни грамма лишнего веса, сплошные кости, мускулы да жилы. Только морщины на лице да седина в чернявой бороде намекали о возрасте. Пышные длинные волосы лежали на плечах. Голову украшал серебряный обруч с гербом княжества. Воевода был одет по-походному: синий полукафтан с серебряными пуговицами и небесно-голубого цвета обшлагами на рукавах, простые галифе и кожаные сапоги под колено. У пояса в ножнах висел меч, рукоять которого была украшена алыми драгоценными камнями.

— Это хорошо. Когда князь не хворает, тогда и княжество в порядке, — произнес воевода. — А как здоровье наследника?

— Здоров.

— Ну и замечательно. Что принесло вас в наши края?

Теперь, когда с общими обязательными вопросами было покончено, воевода перешел к делу. Конечно, он знал, зачем появился в его секторе старший гридень Волков и куда лежит путь боевой ладьи «Воец», но одно дело читать об этом в сухом докладе, поступившем из Воинского приказа, другое дело — услышать самому из первых, так сказать, уст.

— Меня интересует шестой сектор... межпланетная зона.

— Два гиганта — Ярох и Стяж, каменные шары. Что там примечательного?

— От них рукой подать до вотчины Змеев.

— Это так. Ярох и Стяж используются врагами как пограничный рубеж. Глубже мы не заходили. — Воевода наблюдал за гриднем с любопытством.

— В последнее время ничего подозрительного не замечали в этом секторе? — спросил Всеволод.

— Друже, может, нам за деловым разговором взваром¹⁷ побаловаться? Можно было бы и покрепче, но не предлагаю. В последнее время что-то здоровье подкачало, — неожиданно прервал беседу воевода.

— Не откажусь, — согласился Всеволод, откидываясь на спинку кресла.

Что хочет у него выведать старый хитрец? Ведь сигнал о скоплении врага пришел именно от них. Просчитать расстановку сил большого ума не требовалось. К чему эта любезность?

Воевода заказал напиток, и вскоре в кабинете появился вестовой. В руках он держал поднос с кружками, взварником¹⁸ и вазочкой, заполненной малиновым вареньем. Услужливо разлив взвар по кружкам, вестовой удалился.

Святослав взял чашку, пригубил и смерил гридня грозным взглядом.

— Непокойно стало у нас. В шестом вечно полно было кораблей Змеев. А в последнее время еще прибавилось. Да дело-то не в этом. Мы находимся на боевом посту вот уже третий месяц. Застоялись. Раньше то и дело постреливали. То к нам кораблик залетит, то мы

---

¹⁷ *Взвар* — фруктовый, ягодный или травяной напиток.

¹⁸ *Взварник* — сосуд для подачи взвара.

заглянем на огонек. Все веселее как-то. А тут уже недели три без происшествий. Тревожно как-то стало. Может, Змеи эти злосчастные померли там от болезни какой пакостной. Вот бы нам потеха была...

— И не надейтесь. Завтра утром мы идем на территорию противника. Ваша задача — отправить на границу Лавы несколько кораблей прикрытия. На случай если придется экстренно убегать. Если вы уже заглядывали на огонек к самураям, то у вас и карты «зеленых» коридоров должны быть. — Всеволод выжидающе посмотрел на воеводу.

Воевода отпил чая, поставил чашку на блюдце и нахмурился.

— Так-то оно так, да вот только после каждой нашей прогулки они меняют маршруты патрулирования своих кораблей. Боюсь, наши карты вам особой пользы не принесут.

— Все одно изучить надо, — сказал Всеволод, — да, и еще одна просьба. Проводник мне нужен толковый. Кто уже ходил на территорию врага. И лучше, чтобы не один раз.

— Мысль ясна. Что ж, задачу вы нам поставили, а мы уж подумаем, поищем. Завтра утром к вам на борт проводник будет доставлен, — широко улыбнулся воевода.

Чувствовалось, что напряжение, царившее в кабинете в начале разговора, куда-то исчезло. В принципе, оно и понятно. Из княжества прибыла боевая ладья с экипажем, приписанным к Тайному приказу. Что они забыли на рубеже? Уж не проверять ли самого воеводу прибыли. Теперь Хлудовский убедился, что цели и задачи у старшего гридня другие, и поуспокоился.

— Где отдыхать предпочтете? На своей ладье или у нас? В любом случае каюты для вас выделены.

— Благодарю, воевода. С удовольствием воспользуюсь вашим гостеприимством.

Дальнейшая беседа потекла неспешно. Оторванный надолго от родины, воевода с жадностью слушал последние столичные новости, изредка перебивая вопросами. Когда через пару часов Всеволод покинул воеводу, он был счастлив, что можно было надолго умолкнуть. Все-таки старший гридень привык больше мечом махать, чем языком молотъ.

До выделенных кают его проводил знакомый уже вестовой. Оказавшись один, Всеволод упал на койку как есть, не раздеваясь, закрыл глаза и провалился в долгий сон.

* * *

Когда Всеволод Волков вступил на борт родной боевой ладьи, все были уже в сборе. Даже проводник, обещанный воеводой, прибыл. Им оказался шуплый мальчишка в синей форме, на вид лет восемнадцати, не больше. Глаза хитрющие, словно он всю жизнь только и делал, что тянул повсюду все, что плохо лежало. Звали паренька Лисом, то ли за его хитрющие повадки, то ли за новикскую фамилию. Лис занял место в кормчей рубке и тут же углубился в расчеты маршрута проникновения.

Всеволод прошелся вдоль летунов, заглядывая им через плечо. В их управляющих программах толка он не знал, но проконтролировать стоило. Он дал приказ на старт. Убедился, что корабль покинул гостевой шлюз «Стрел Перуна». Услышал, что расчетное время до вхождения на территорию противника — шесть часов. И довольный покинул кормчую рубку. Пока ему здесь работы не было.

В кают-компании он застал ведуна и Маруна Медведева. Оба были необычайно веселы. Накануне они с толком потратили свободное от службы время, заглянув к товарищу Чеслава, корабельному ведуну Силе Медовичу. Судя по довольным физиономиям, легенды о вкусной бражке ведуна не были сильно преувеличены.

— Садись к нам, друже! — позвал Чеслав. — Чего это ты к нам вчера вечером не заглянул. Медович расстарался, и мы отлично провели время.

— Воевода тоже расстарался. Так что весь вечер я новостным каналом работал, — не вдаваясь в подробности, ответил Всеволод. — А почему вы не на боевой вахте?

— Нам еще долго лететь. Пару часов до вахты всяко есть, — ответил за всех Марун.

Всеволод сел в кресло, окинул внимательным взглядом друзей и спросил:

— Вы там не сильно вчера увлеклись?
— Обижаешь. В самый раз, — ответил опять же Марун. — Какой план, командир? За каким лядом мы к змеюкам в гости поперлись?
— Задача у нас нехитрая...
— Вот это-то и пугает, — Марун скривил рот.
Всеволод ухмыльнулся в ответ и продолжил:
— Входим на территорию противника и ждем...
— А чего ждать-то? — спросил Чеслав.
— Попробуем прослушать их эфир. Но самая главная задача — взять «языка», да так, чтобы не поднять на уши весь курятник.
— Хороша задачка. Главное — есть над чем поработать, — скептически покачал головой Марун. — А не много ли мы на себя берем? Там же тоже не лопухи простачковые сидят. Люди серьезные, проверенные.
— Мы тоже не лыком шиты, — отрезал Всеволод.
— Как скажешь, командир, — пожал плечами Медведев.
— Всегда готов, командир, — грозно нахмурился Чеслав и первым покинул кают-компанию, метя пол своим длинным кафтаном.

Марун Медведев последовал за ним, оставив Всеволода Волкова в одиночестве.

Старший гридень перед предстоящей операцией волновался, хоть и старался не показывать этого товарищам по оружию. Выбираться в сектор, контролируемый противником, ему и до этого доводилось. Слушать пространство, фиксировать вражеские переговоры тоже. У них в Тайном приказе совсем недавно стали работать несколько толмачей, которые более или менее научились разбираться в змеином рычании. Дюже сложный у врага язык оказался. Уж и ведуны с волхвами колдовали-колдовали, а все равно белые пятна в знаниях оставались. Вот бы действительно раздобыть пленного да по душам с ним потолковать.

Опасно сие... Если где-то в маскировке выйдет прокол, то даже обещанное прикрытие воеводы Хлудовского не поможет. Разнесут в клочки перекрестным огнем, даже Перуна вспомнить не удастся. Но, как говорится, ста смертям не бывать, а одной не миновать. Повоюем еще!

* * *

Воевода Святослав Хлудовский и тут не подвел, выделил две боевых ладьи прикрытия, которые сопроводили «Воец» до границ зоны влияния княжества. Встав на рубеже и включив маскировочные поля, корабли пропали с радаров. «Воец» остался в видимом одиночестве. Сбавив ход, включив антирадары, боевая ладья медленно вошла на вражескую территорию.

На кормчей палубе все были в сборе. Всеволод восседал в командирском кресле, наблюдая за следящими экранами. В кресле рядом замер ведун Чеслав. Пара летунов управляла кораблем. В то время как проводник Лис следил за правильностью им же составленного маршрута.

На экранах выросли два каменных гиганта Ярох и Стяж. Они находились друг за другом. Безжизненные в окружении шлейфа мелких спутников. Там, далеко позади них начиналось темное пространство, простиравшееся вплоть до Престольных Покровов. Сколько ни пытались высокие лбы пробиться сквозь темное пространство, попробовать просветить его, узнать, что там находится, ничего не получилось. Так и осталась та червоточина на звездных картах. Впрочем, не только княжеские претерпели неудачу, по непроверенным разведанным, Змеи тоже пытались узнать, что скрывается в темном пространстве. Далеко в стороне от Яроха и Стяжа, прикрытая от княжества, находилась родная планета лжеликих. Она находилась на равном удалении от Солнца, что и княжество, но основные подступы к ней скрывало темное пространство. Узкое горлышко прохода возле каменных гигантов было перекрыто рубежным флотом самураев.

Теперь Всеволод воочию наблюдал за не пытавшимся укрыться флотом страхолудин. Сотни кораблей разной величины занимали все обозримое пространство. В мрачном космосе они устроили такую иллюминацию, словно на празднование очередной годовщины княжеского рода. Между висящими неподвижно крупными тушами кораблей мелькали маленькие кочи. Их были тысячи. Будто стая пчел вокруг полного медом улья.

— Стоп-машина! — распорядился Всеволод. — Переходим в режим наблюдения. Включить всю записывающую аппаратуру, чтобы ни грамма информации не ушло впустую.

«Воец» сбросил скорость и замер на месте.

* * *

Прощупать невидимое поле, это задача не для ученика, а для умудренного седидами мастера. Представляя грядущую задачу, Чеслав испытывал несвойственную ему робость. На такое дело покусился, но деваться некуда. Надо работать, да не посрамить славный род ведунский.

Чеслав закрыл глаза, облокотился на посох, навалился на него всем телом, приложился к нему лбом и застыл. Перед его мысленным взором раскрылась картина, куда более внушительная, чем они видели на следящих экранах. Черное пространство космоса, залитое разноцветными огнями и протернутое тысячами горящих струн. Огни постоянно перемигивались, смешивались в единое цветовое пятно, разлетались в стороны снопами искр. Струны находились в постоянном движении, то вибрировали, то переплетались вместе, то создавали петли и пытались накинуть их друг на друга.

По создаваемым узорам Чеслав видел направление потоков, их распределение. А также мог вычислить, где находятся вражьи волхвы, или как там они их называют, и какими силами они обладают. При этом физические предметы, будь то боевые ладьи, каменные гиганты или что-то другое, оставались для него не более чем двухмерным детским рисунком, нарисованным на гениальном шедевре мироздания.

Чеслав не мог сказать, сколько времени прошло с начала наблюдения. Могло минут пять, а то и все пять часов. Но, наконец, картина встала перед ним в полном объеме. Больше всего Силы находилось на главном корабле лжеликих. Огромная, с виду неповоротливая туша висела над Стяжем. Путь к ней преграждали десятки меньших кораблей прикрытия. На флагмане самураев Чеслав почувствовал три десятка Носителей Силы и несколько сотен простых воинов, наделенных ограниченными способностями. Кто они и с чем их едят, Чеслав разобраться не мог. Времени не было. На других кораблях Носителей было сравнительно меньше. Но он не видел ни одного корабля, где бы их не было совсем.

Самураи хорошо подготовились. Только вот зачем им держать на границе такое количество боевых ворожеев? Ради одной только обороны? Сомнительно. Дело тут нечисто.

Чеслав не торопился возвращаться к реальности, продолжая висеть наблюдателем. И не прогадал. Он первым почувствовал приближение чужого корабля. Маленький юркий коч появился со стороны самурайской родины. Он шел на предельной для этого вида кораблей скорости. Чеслав никогда бы его не заметил, если бы не яркая пульсирующая точка, обозначающая сильного Носителя, находящегося на борту. Корабль направлялся в сторону флагмана и, судя по скорости движения, цель у него явно не прогулочная.

Чеслав вынырнул из невидимого поля. Сердце учащенно билось в груди. Воздуха не хватало. Откинувшись на спинку кресла, ведун окинул взглядом находящихся в рубке людей и произнес тихо, так что его только Всеволод и услышал:

— Кажется, я нашел нам «языка».

* * *

Пока следящая аппаратура исправно записывала все переговоры между кораблями, Всеволод тоже времени зря не терял. Он попросил вывести на его персональный терминал

данные, поступающие из космоса, и наблюдал за процессом слежения. «Большое Ухо», как умники называли сканеры пространства, работало превосходно. Всего каких-то пару часов наблюдения, а накопители информации наполнились данными. Тут было все: построение в пространстве, предварительное штатное расписание, маршруты передвижения курьеров и дозорных. Поэтому Всеволод сразу же увидел приближающийся скоростной коч, идущий на пределе от родной планеты страшилищ.

«К чему такая спешка?» — удивился Всеволод. Вышел из транса Чеслав и первым делом заговорил о летящем корабле. Это ли не совпадение.

— На борту находится чародей очень высокого уровня посвящения.

Вот новость так новость. Не нравилось Всеволоду все это. Мало того, что возле порубежных планет скопился серьезный флот, того и гляди в наступление перейдет, так еще и чародеями кишмя кишит.

Всеволод крепко задумался. Их пока не видят, есть возможность еще посидеть в засаде да понаблюдать, полезную информацию позаписывать. Но можно попробовать перехватить коч. Очень уж он на курьерский похож. Даже если не удастся взять живыми никого из экипажа, компьютерной начинки на месяц работы хватит. К тому же еще этот чародей. Он так просто в руки не дастся.

Решение принято. Всеволод бросил оценивающий взгляд на Чеслава и распорядился:

— Идем на перехват коча! Полный вперед.

Старший гридень спросил ведуна:

— Ты с этим чаровником справиться сможешь?

— Если в схватке один на один, да попотеть чуток, думаю, что осилю, — ответил Чеслав.

— Внимание всем! — передал по внутренней связи Всеволод. — Абордажная команда, полная боевая готовность!

В этот раз на абордаж расписаны были не все. Одно дело штурмовать средней величины броненосец, другое — пытаться поймать и укротить юркий коч. Тут все пять десятков не нужны. Локтями толкаться в узких коридорах будут да друг другу мешать. Вполне хватит двух десятков, чтобы взять под контроль курьерский корабль. К тому же ведун пойдет, да и сам старший гридень тоже решил самолично участвовать в операции.

Всеволод собрал воинов на абордажной палубе и сообщил им о своем решении.

— За старшего на «Войце» остается Марун Медведев. Абордажную команду возглавляет десятник Сторожко.

Марун смолчал. Хотя видно было по его окаменевшему лицу, что решение командира ему не нравится. Но при всех ничего говорить не стал. Но когда бойцы разошлись по сторонам в ожидании начала операции, он не замедлил все высказать старшему гридню.

— Чего это я должен в тылу отсиживаться? Почему не Сторожко на «Войце» остается? Почему я?

— Друже, это простая задачка. На борту три десятка. Большая часть стяга, кому как не тебе им командовать. А Сторожко меньшую силу поведет! Держи ребят в готовности на всякий случай.

Марун ожег Всеволода злым взглядом, но все же смолчал и отправился исполнять приказание. Вскоре на абордажной палубе осталось только два десятка под командованием Сторожко да старший гридень с ведуном в полном боевом облачении. Всеволод вооружился «Витязем». Ведун опирался на посох.

Невидимый для радаров самураев «Воец» приблизился к основной группе вражеских сил. Ведун Чеслав держал покровительную завесу над боевой ладьей, чтобы ни один змеинный чародей не смог их вычислить. Лис просчитал маршрут движения курьерского коча и указал точку встречи. Ее боевая ладья и заняла. Теперь осталось только ждать. Каждая секунда грозила обернуться катастрофой. Стоило только Змеям попытаться поглубже пощупать космическое пространство вокруг, как тут же возрастает риск обнаружения. Спаренного залпа основных орудий броненосца на таком расстоянии достаточно, чтобы

разнести в космическую пыль боевую ладью. Так что надо молиться всем богам, чтобы железномордые оставались такими же ленивыми и самонадеянными.

Ждать пришлось не долго. По всем палубам из кормчей рубки передали, что вражеский курьерский коч появился в зоне видимости следящих камер. Осталось всего ничего. Дождаться, пока он приблизится, чтобы ухватить его силовыми захватами, — и на abordаж. Беда в том, что коч сейчас отлично виден не только им, но и самураям. После захвата на abordаж времени будет мало, пока Змеи разберутся, что за задержка произошла с кочем. Может, вышлют спасательную команду, тут и надо поспешно бежать, оставив выпотрошенный коч.

Всеволод Волков понимал, на какое отчаянное дело решился. Фактически совершить перехват под носом у хозяина. Но другого выхода не было.

Курьерский коч вошел в зону контакта. Летуны запустили силовые поля ладьи, взяли коч в клещи и спеленали. Потеряв управление, экипаж корабля принялся сигнализировать о возникших проблемах, но ни одно из сообщений не достигло висящего неподалеку броненосца Змеев. Спецы «Войца» аккуратно глушили все сообщения в заданном секторе.

Силовые захваты втянули коч в abordажный шлюз «Войца».

Абордажная команда приготовилась к штурму.

Всеволод чувствовал, как играет адреналин в крови. Ноги сами рвались вперед. Он с трудом удерживал себя на месте.

Вражеский коч плотно встал в шлюзе, тут же выдвинулись автоматические резаки, которые в считанные минуты вскрыли борт чужака, как консервную банку. Края бреши были залиты герметизационной пеной. Абордажные ворота «Войца» открылись. И стяжники бросились в атаку.

Всеволод в числе первых оказался на чужой палубе. Ведун бежал рядом с ним.

Стяжники с ходу накрыли огнем пытавшихся сопротивляться Змеев. Но численное превосходство и внезапность сыграли свою роль. Самураи были не готовы к такой атаке. Облаченные в боевые доспехи, они пытались отстреливаться, но все легли на первой же палубе.

Перепрыгивая через трупы, Всеволод бросился вперед, увлекая воинов за собой. Короткая команда через передатчик, и Сторожко берет с собой десяток и отделяется. Его задача — обследовать все закоулки коча на предмет «пожиться». В то время как старший гридень взял на себя капитанскую рубку.

Узкие коридоры, трапы... Несколько раз их пытались остановить, но безуспешно. Короткие перестрелки, и они бежали вперед. Пока что без потерь. Но возможно, тут ведун помогал, отклоняя пули.

Они были недалеко от капитанской рубки, оставалось всего каких-то пару поворотов, когда по ним пришелся сильный удар. Никто не ожидал его. Воины разлетелись в стороны, словно городок, по которому попали битой. Всеволод на несколько секунд потерял сознание вместе с дыханием. Когда он очнулся, то обнаружил, что из всего десятка на ногах остался один ведун. Чеслав стоял широко расставив ноги, опираясь на свой посох. Напротив него замер чужой колдун. В пластинчатых черных доспехах с самурайским гербом, в рогатом шлеме и скалящейся маске-забрале. В руках колдун держал большой черный меч. Лезвие его дрожало от вибрации.

Стоп-кадр! В следующую секунду картинка пришла в движение. Колдун атаковал. Вначале он нанес невидимый удар. Чеслав сдержал его, проехав по полу на несколько шагов назад. И тут же колдун прыгнул к нему, нанося рубящий удар мечом сверху. Ведун отшатнулся, вскинул посох, держа его двумя руками, и принял удар меча, оттолкнул врага и тут же нанес удар наотмашь навершием посоха. Враг дернулся. В том месте, куда пришелся удар, на доспехах остался проплавленный след. Не теряя времени, ведун перехватил поудобнее посох и ткнул им вперед. До колдуна было далеко, но ударная волна настигла его и отбросила назад, крепко впечатав в переборку.

Чеслав, не желая терять преимущество, накинулся на самурайского колдуна, нанося

ему беспорядочные удары со всех сторон.

Всеволод поднялся на ноги. Почти все бойцы уже стояли. Парочка продолжала лежать. Кажется, колдуну удалось свернуть им шеи.

— Ведун сам здесь справится, — произнес по внутренней связи старший гридень. — Идем дальше.

И они бросились в капитанскую рубку, до которой было рукой подать.

Лишь только они сунулись внутрь, как получили шквал огня в забрало. Два стрелца тут же погибли. Первому торопыге досталось три ранения, все несовместимые с жизнью, как часто пишут в рапортах. Его убило еще первой пулей, которая разбила нагрудную пластину и погрузилась в сердце. Второй боец принял две пули в ноги и рухнул на пол, преграждая проход.

Всеволод выругался в сердцах и тут же скомандовал:

— Гранаты!

В дверной проем полетели одна за другой силовые гранаты. Рвануло хорошо. Силовой волной смело всех врагов. Не ожидавшие такого штурма самураи в считанные секунды были разоружены и поставлены на колени.

Один из них не долго пробыл в статусе военнопленного. Массивный дорогой доспех, выдержавший не один десяток пуль, внезапно покачнулся и рухнул на палубу со страшным грохотом. По требованию Всеволода стрелец перевернул самоубийцу. Прозрачное забрало открывало страшную картину. В момент отчаянья, зная, что корабль захвачен и надежды нет, лжеликий активировал программу самоликвидации. Тут же из шлема выстрелили две толстые, но чрезвычайно острые иглы. Они прокололи глазные яблоки и через них, непосредственно в мозг Змея, была впрыснута кислота. Когда стрелец перевернул труп, голова самурая представляла собой страшное зрелище. Расползающийся под воздействием кислоты череп, из которого торчат стальные иглы.

Всеволода передернуло от отвращения. Сколько на abordаж ни ходил, а вот это он видел в первый раз. Спецы из Тайного приказа говорили, что истинное счастье самурая погибнуть за императора, испытывая при этом страшные муки. Но почему Змеи с такой маниакальной жестокостью старались уничтожить мозг воина? Может, потому что опасались, что в княжестве есть люди, способные считать память умершего? Всеволод сделал зарубку на память. Надо будет потрясти умные лбы на эту тему, может, чего стоящего скажут.

— Господин, кажется, мы нашли то, что искали! — доложил ему один из стрельцов.

Он указывал стальной перчаткой на маленький черный ларец, стоящий возле командирского кресла.

* * *

Отступать всегда тяжело. А вот бежать без оглядки, да так, чтобы не растерять ничего по дороге — это самое сложное. К тому же если тебе жарят пятки разъяренные враги.

Змеи быстро опомнились. Потеряв из виду курьерский коч, они начали прощупывать космическое пространство. Не сразу, но обнаружили закрытую область, которую не брали радары, и, недолго думая, ударили по ней несколькими торпедами. Скорее для проверки, чем из желания уничтожить. Пушкарки перехватили смертоносные игрушки и взорвали их на подходе к боевой ладье, тем самым выдав ее местоположение.

Всеволод как раз выводил людей с вражеского борта. Курьерский коч был выпотрошен и зачищен с минимальными потерями. Пять стрельцов расстались со своими жизнями. Ни один Змей не пережил этот штурм. Даже лжеликий колдун уступил в мастерстве ведуну. Правда и сам Чеслав после этого боя выглядел нехорошо. От усталости его шатало, и он все сильнее при ходьбе налегал на свой посох. Непроницаемое стекло забрала не давало заглянуть в лицо ведуну, но Всеволод был уверен, что оно было белым как мел.

Общий сигнал тревоги проревел по всем палубам, заставив людей встрепенуться.

Всеволод бросил взгляд на возвращающийся отряд и приказал:

— Сторожко, уводи людей к Маруну.

А сам бросился в кормчую рубку.

Прыгнув в командирское кресло, он затребовал всю оперативную информацию на персональный терминал.

Обнаружившие местоположение «Войца» Змеи не спешили стирать противника с карты космоса. Они питали надежды взять стрельцов живыми. От ближайшего броненосца отделились два легких корабля, ошестиненных пулеметными гнездами и бронебойными пушками. Набирая скорость, они направлялись навстречу «Войцу».

— Уходим! Живо! — приказал Всеволод.

Летуны засуетились. Боевая ладья пришла в движение, развернулась и устремилась вперед, оставляя позади себя вражеские броненосцы и быстрые корабли, идущие наперехват.

— Дайте мне связь с бортом семнадцать, — распорядился Всеволод.

Борт семнадцать, так именовали один из кораблей, которые были выделены Хлудовским в прикрытие.

Связь наладили тут же.

— Иду в сектор ноль-пятнадцать. Встречайте! За мной хвост!

— Понял тебя, Волк! Готовы к приему!

Всеволод отключил связь и бросил взгляд на следящие экраны. Похоже, их положение несколько осложнилось. К двум предыдущим кораблям прибавилось трое новых преследователей. Пока что они выжидали, не атаковали, но если они будут продолжать двигаться с той же скоростью, то очень скоро зажмут их ладью в коробочку и расстреляют в упор. Этого нельзя было допустить.

Решение пришло само.

Всеволод тут же связался по внутренней связи с Маруном и приказал ему отрядить на вражеский борт, все еще находящийся в их абордажном шлюзе, всех свободных людей. Задача — перетащить мертвецов с коча самураев в нижние трюмы их ладьи. Мертвые Змеи это тоже важные свидетели.

Через десять минут Марун доложил о выполненном задании.

Всеволод тут же задраил абордажный шлюз и отстрелил больше не нужный курьерский коч в сторону. «Воец» тут же значительно прибавил скорость. Все-таки основательный груз за собой тащил.

Теперь самураи несколько сбиты с толку. На их радарх появился пропавший курьерский коч. Правда, далеко в стороне от того места, где его видели в последний раз. Но все же...

Преследователи поотстали. Видно, решали вопросы с командованием. Что им теперь делать? Брать курьера под свое прикрытие и сопровождать его на флагманский корабль? Или все же продолжать преследование неопознанного корабля?

Всеволод на это и рассчитывал. Он приказал выжать из машины максимальную скорость. И вскоре «Воец» оставил своих преследователей далеко позади. Но все же, уже на предельной дистанции, один из кораблей противника произвел торпедный залп. На что он рассчитывал, непонятно. «Воец» отстрелил буи, сделал вираж и ушел ниже. Все четыре вражеские торпеды захватили ложные цели, и камеры слежения четко показали разрывы.

— Ушли... — Всеволод крепко зажмурился, глубоко вздохнул и открыл глаза вновь.

«Воец» преодолел границу родной системы и взял курс на княжество.

Корабли прикрытия остались на рубеже, продолжая наблюдать за системой двух каменных гигантов, оккупированной Змеями...

Глава четвертая

На краю

При внезапном нападении противника ни в коем случае нельзя

поддаваться панике.

Из наставления по воинской службе

Дружинник-рында¹⁹ Ероха Насупа стоял в этот вечер у княжеского крыльца. Почетная служба в детинце для молодого воина казалась верхом всякого блаженства. Почитай всего две седмицы прошло, как его определили во второй стяг. А второй стяг — это вам не на стенах стоять, где скука смертная и даже посмотреть не на что. Это ближняя княжеская сторожа. Тут каждую минуту глаз радуется, да к тому же еще и ответственность великая. Ростом и статью вышел Ероха, оттого и приметил его воевода Стоян Воронец — глава ближней княжеской дружины.

Солнце окончательно упало за дальний предел. Спряталось от глаз людских до следующей зари. Челядь уже успела включить ночное освещение. Столбовые горелки ярко осветили ворота и площадь перед теремом. Только между многочисленными строениями детинца был полумрак, свет туда не достигал. Но Ероху это вообще не заботило. Княжеский детинец место хоть и суетливое, но по-своему и тихое. Это тебе не боевая вахта на броненосце где-нибудь посреди бескрайнего Пространства. Того и гляди бой. А убьют, не дай боги... Нет, Насупа не был трусом. Хоть сейчас в сечу, но вот мысль о смерти корбила душу. Эх, пожить бы. Ему же еще только двадцать один год. Все впереди.

Ероха мотнул головой, прогоняя мысли, и поправил на груди автоматический стержнемет.

— Да где их носит? — боец озадаченно покрутил головой.

— Так еще двадцать минут, — отозвался напарник, стоящий вместе с Ерохой на часах подле княжеского крыльца.

— Что-то я, Кудрой, нынче забыл мамке весточку послать, — сокрушенно сказал Ероха, покачивая головой.

— Вот сейчас сменимся, и пошлешь... тихо... — прошипел Кудрой, — десятник идет.

Сдила ур-Батан, десятник Первого десятка Второго стяга, был ревностным служакой. Никому спуску не давал. Держал всех в ежовых рукавицах. Его повадки давно уже все изучили, но он упорно старался заставить ночную сторожу врасплох. Крайне редко ему удавалось опозорить задремавших на посту молодых дружинников. После же первой седмицы в порубе нерадивые быстро умнели. И второго шанса десятнику не предоставляли.

Вот и на этот раз Сдила, кажется, крался вдоль стены, словно тать. Кудрой вовремя заметил движение и грозно перевел оружие в боевое положение. Он озорно подмигнул напарнику, мол, сейчас подпустим поближе и пугнем. Ероха, делая вид, что занят созерцанием площади, посреди которой возвышался крытый скоморошный престол²⁰ — скоро намечался веселый праздник Купалы, — скосил взгляд в сторону. Он не заметил ни тени, ни движения.

— Ошибся ты... — не разжимая губ, процедил Ероха — и тут же перед его глазами что-то блеснуло.

Он инстинктивно отшатнулся назад, услышал сдавленный хрип... и от удивления раскрыл глаза. Кудрой, схватившись обеими руками за горло, жадно хватал ртом воздух, словно пытаясь что-то сказать. В его глазах был ужас. Кровь, моментально просочившись сквозь пальцы, стала заливать броню. Ероха вздрогнул, нащупал предохранитель, но было поздно...

Лишь на долю секунды он увидел черную тень в серой маске и тут же почувствовал острую боль между лопаток. Ероха не хотел умирать. Он силился вскрикнуть, позвать на помощь, предупредить дружину об опасности, но не мог. Что-то держало его изнутри.

---

¹⁹ *Рында* — телохранитель.

²⁰ *Престол* — возвышенность, помост, в данном случае — сцена.

Неведомая сила пережала горло, ухватила за язык. Ероха пытался повернуть голову, и опять серая маска... стала еще глубже вошла в плоть, легко пробив броню. Морозный озноб продрал все тело дружинника, когда металл дошел до самого сердца. Затем сталь резко вышла, и Ероха Насупа, словно потеряв опору, рухнул на землю. Последняя мысль — мама, — коротким импульсом пронеслась в мозг, и мир погас.

Крыльцо княжеского терема было свободно. Несколько черных теней метнулись вверх по лестнице и замерли перед массивными дверьми. Слева тускло горел огонек устройства допуска. Легкий взмах руки — и карточка точно вошла в щель. Цвет лампочки сменился с красного на зеленый, и едва уловимый щелчок дал знать, что дверь открылась.

— Сдила — ты? — раздался вопрос из-за двери.

— Я...

Створки двери стремительно распахнулись, и трое обомлевших дружинников даже не успели прикоснуться к оружию. Их застигли врасплох три бесшумных выстрела точно в середину шлема. Мертвецам не дали упасть на пол, поддержали, а затем тихонько опустили на деревянный пол.

Коридоры справа и слева освещались лишь двумя светильниками, тени быстро разделились и разошлись в разные стороны. Двигались они стремительно и бесшумно.

Неожиданно боковая дверь одной из комнат открылась, и на пороге возник бородатый мужик. Тени мгновенно замерли. Мужик оторопел, открыл было рот, но его взгляд как будто прикипел к маске незнакомца. Тень в маске чуть склонила голову... Что-то оборвалось внутри у мужика, он хлопнул глазами, прижался к дверному косяку и медленно сполз вниз. Тень вскинула руку, и тонкая игла пробила несчастному горло. Отряд продолжил свое движение.

* * *

Великий князь Ярослав Мстиславович в эту ночь изволил почивать один. Перед сном проведаль сына и дочерей. Зашел к жене... но оставаться не стал, сославшись на дела. Милава понимающе качнула головой и проводила мужа до дверей.

— Завтра, хоть²¹ моя, — на прощанье ласково изрек князь и запустил руку в ее густые локоны. — Завтра...

— Иди уж... — она нежно чмокнула его в щеку.

Князю не спалось. На стене висел большой планшет с картой всего изведенного Пространства. Подсвеченные теплым синим цветом планеты на карте казались сказочными. Наверху, возле Лавы висели на магнитах фигурки боевых ладей и броненосцев его Второй армии. «Все ли верно?» — думал князь, переводя взгляд с северного на южный сектор, где у крохотной планетки располагалась Первая армия. Еще не полностью укомплектованная и оснащенная. Именно для ее усиления и строился «Яробой». Да вот беда, задержали враги строительство — напакостили.

Князь чувствовал, что упускает что-то из виду, какой-то маленький фактик, фрагмент, благодаря которому мозаика могла бы сложиться в полотно. Он вновь взглянул на экран персонального терминала и запустил в обработку свежие донесения, поступившие из приказов. Первым делом он открыл доклад главы Воинского приказа и быстро пробежал его глазами. Ничего нового, все то же пресное болото, что и в предыдущие месяцы. Последние полгода в противостоянии с Империей Змея Рё выдались на редкость спокойными, это-то и пугало. В докладах из Тайного приказа также ничего интересного он не увидел.

Проработав с четверть часа, князь все-таки оторвался от терминала. Устало потянулся, заложив руки за голову и сладко зевнул. Справа, на круглом столе стоял горячий самовар. Ярослав поставил чашку в гнездо и нажал кнопку. Через пару секунд ароматный напиток

---

²¹ *Хоть* — любимая.

был готов. Несколько глотков травяного настоя привели его в рабочий настрой и успокоили нервы. Спать было еще рано. Надо дождаться весточки от воеводы Зоряна Кнута. Как и князь, воевода сейчас глаз не смыкал у себя в Тайном приказе, ожидая возвращения гридня Волкова. Расчетное время его прибытия истекало этой ночью.

«Должен, ох должен гридень раздобыть столь нужные сейчас сведения». — Князь прикрыл глаза.

Надежда на гридня была превеликая, оттого Ярослав Мстиславович распорядился в любое время явиться к нему на доклад. Так что спать было еще рано. Рано... еще спать нельзя. Надо ждать.

Только как князь ни старался, но усталость свое брала. Как-никак целый день на ногах в государственных заботах, так еще и семье уделить внимание надобно. Как же без этого. Тут никакой энергетический травяной настой не поможет... Он не спал — нет! Быть может, только вздремнул ненадолго.

Он встрепнулся от едва различимого шума в коридоре. Как будто служка уронил ворох одежд. Князь прислушался, но шум не повторился. Он было расслабился и вернулся к экрану персонального терминала, бросив беглый взгляд на часы. Было уже далеко за полночь. Но в следующую секунду два приглушенных хлопка заставили Ярослава вскочить. Не заметив, он спихнул чашку с блюдцем с рабочего стола на пол, и они разбились... Дверь мгновенно слетела с поврежденных петель, и в комнату метнулись черные тени в масках. Это было немыслимо, враги ворвались в его опочивальню. И это в самом сердце строго охраняемого детинца. Князь не успел даже удивиться тому, что происходит, как сработала боевая выучка. Мстиславич спиной назад упал на ложе — надо было во что бы то ни стало добраться до меча — перекатился и рухнул вниз. Четыре острых звезды вспороли подушки и одеяло...

Ярослав подхватил ножны и выпрямился. При неяром ночном освещении он разглядел всех. Два черных человека уже топтали ногами его постель, еще двое с чуть искривленными мечами отрезали отступление к рабочему столу и еще один застыл у разбитых дверей, словно часовой.

Секунда ушла на оценку ситуации, и князь обнажил оружие. Ножны он тут же метнул в одного из черных и отпрыгнул вправо, где в стене под потайной крышкой находился его личный стержнемет. Достаточно одного нажатия тайной кнопки, о которой знал только князь, и стержнемет окажется у него в руках. Двое черных пробежали по его большому ложу, на ходу метнув еще две звезды. Одна из них болью обожгла левое плечо. Враги разошлись в стороны, чтобы не мешать друг другу, раскручивая над головой мечи. Князь почти дотянулся до тайной панели, но смертельная парочка одновременно его атаковала. Ярослав уклонился от одного взмаха, отбил мечом второй удар, сам рубанул наотмашь... еще одна звезда вонзилась ему в бок, порвала одежды, вспорола кожу...

— Князь! — В дверном проеме показался княжий писарь и советник Булята Рыжий. — Князь!

Булята потянулся к мечу, сделал шаг и получил длинной рукояткой точно в лоб. Тело качнулось... Стерегающий двери враг схватил его за руку, дернул вперед и, не выпуская перехваченного заплечья, заехал писарю ногой в ухо. Булята ушел в свободное падение, впечатался в стену и без памяти рухнул на пол. Короткая схватка длилась всего пару секунд. Стерегающий наклонился над неподвижным телом, довольно хмыкнул и накинул сверху один из княжеских кафтанов, чтобы скрыть тело от любопытных глаз.

А тени, не обращая внимания на возню подле дверей, продолжали наседать на князя. Ярослав с трудом сдерживал натиск... Но вот вражеский меч проскочил защиту и ударил снизу в подмышку. Князь от яростной боли сжал зубы и притянул руку к себе, попытавшись зажать вражеский клинок. Маска дернулась вперед, и Ярослав вонзил свой меч прямо ей промеж глаз. Тень отшатнулась и рухнула на пол. В следующую секунду сразу три клинка обрушились на князя. Удар, еще удар... Он с трудом отбивал их, чувствуя, как с каждой минутой его силы истощаются, но сдаваться он не собирался. Тени рубили его с молчаливым

наслаждением...

Придя в себя, Булята первым делом услышал звон мечей, но в голове гудело так, что он не разобрал, что это. Он разлепил глаза, сдернул тряпку, прикрывавшую лицо, и окаменел. Враги добивали его господина. Рука потянулась к ножнам, но замерла на полпути. Княжескому писарю и советнику вдруг нестерпимо захотелось жить. Что он мог сделать против этих профессиональных воинов? Они же зарубят его и не заметят? Холодный пот выступил по всему телу, задрожала рука. И князю он не поможет, и себя загубит. В уголках глаз выступили слезы обиды... Булята сжал крепко зубы, чтобы не выдать себя. Он плотно закрыл глаза и склонил голову набок, притворяясь бесчувственным, но от жалящих звуков он спрятаться не мог.

Наконец, убийцы покончили с делом, ради которого они пришли. Убрав мечи за спину, они бесшумно растворились в темноте коридора, оставив в покоях поверженного князя лишь караульного. Тот извлек из одежды несколько крупных горошин, потер их между собой и бросил на трупы. Горошины разбились и мгновенно воспламенились. Огонь, вначале лениво, а затем все быстрее набирал обороты, и вскоре пламя бушевало в княжеской, устраняя все следы.

Воин в маске заглянул за дверь и, удостоверившись, что тело руса недвижимо, закрыл за собой дверь. Дело было сделано...

* * *

Этого сообщения воевода Тайного приказа Зорян Кнут ждал добрую часть ночи. Личный терминал пискнул, сообщив о срочной депеше, полученной с борта возвращающейся с разведки боевой ладьи «Воец». Воевода тут же открыл депешу, развернул ее и отправил на дешифровку. Через некоторое время он смог ознакомиться с ее содержанием. Хмыкнув недовольно в бороду, воевода поднялся из кресла и, облокотившись о рабочий стол руками, навис над терминалом всем телом, словно собирался его напугать своим грозным видом. Старший гридень Волков в депеше не вдавался в подробности, но и тех сведений, что он прислал, было достаточно, чтобы понять серьезность положения.

Ладно. Время еще есть. Теперь вояки будут планы стратегические разрабатывать, а его дело доложить о результатах князю да обеспечить мягкую посадку гридню, чтобы он смог тут же предстать пред светлые очи князя и обо всем доложить собственноручно.

Кнут вызвал диспетчерскую и потребовал соединить его с комендатурой княжеского детинца. Через минуту он говорил с серьезным, строгим дежурным. Пользуясь своей властью, Кнут приказал обеспечить посадку боевой ладьи «Воец» на личную княжескую стоянку, находящуюся на территории детинца. Все полеты над княжеской резиденцией и прилегающим улицам были строго воспрещены. Исключение составлял особый «Красный список», в который входил личный транспорт самого князя, его приближенных да патрульные кочи военной комендатуры детинца.

Обеспечив посадку «Войцу», Кнут вызвал своего секретаря, Ждана ур-Зора и распорядился собрать дежурных рынд на посадочной стоянке Тайного приказа. Выслушав приказание, Ждан отправился его выполнять, а воевода закрыл личный терминал и покинул покои, в которых провел долгие тревожные часы в ожидании новостей.

Собираться для доклада князю было не нужно. Он это сделал заранее. В полном парадном мундире, как приписывал регламент, воевода спустился на автостоянку, где его уже дожидались десяток телохранителей в полном боевом облачении и Ждан ур-Зор.

— Сегодня ты мне уже не потребуешься. Можешь отдыхать. Но учти, назавтра много работы, — распорядился Кнут.

Ждан коротко кивнул. Ему было не впервой коротать ночь в одной из специально оборудованных гостевых комнат Тайного приказа.

Воевода забрался на заднее сиденье бронированного черного автомобиля, похожего на огромного панцирного жука. Рынды окружили его со всех сторон. Стало тесно, зато

безопасно. Машина заурчала двигателем. Ворота раскрылись, и самоход выехал на улицу. До княжеского детинца дорога близкая, но регламент не позволял воеводе явиться на прием к князю пешком. Хотя Кнут сейчас бы с удовольствием прогулялся по ночной прохладной улочке Белграда. Проветрил сознание, сбросил усталость, да и на прогулке думается лучше. Только вот времени нет.

Самоход пересек привратную площадь, обогнул Ратную колонну и вкатился под свод ворот. Стандартная процедура «Ведунского пригляда» немного задержала, но вскоре добро двигаться дальше было получено, ворота раскрылись, и самоход воеводы вкатился во двор княжеского детинца.

Здесь было тесно от строений. Обнесенная крепостной стеной резиденция князя включала в себя непосредственно терем, где проживал сам князь с семьей и многочисленной прислугой и служилыми людьми, с десятков хозяйственных строений, банный комплекс, здание военной комендатуры, на которую возлагалась почетная обязанность по охране всей княжеской резиденции, три длинных коробки казарм, личную княжескую взлетно-посадочную площадку, три ангара с летным транспортом и обслуживающим персоналом, гараж для большого количества княжеских самоходов. Чуть в отдалении находилась княжеская усыпальница и круглое двухэтажное здание с арочными окнами, закрытыми решетчатыми ставнями. Здесь находились дежурные ведуны, обеспечивающие охрану детинца, и командующий ими волхв, практически не покидавший здание. Разве что для больших сборов всех волхвов на капище по торжественным церемониальным праздникам.

Припарковав самоход на служебной стоянке возле казарм, Кнут дождался, пока выберутся рынды, проверят безопасность территории. Хотя это и звучало смешно, какая опасность могла ожидать его в самом безопасном месте княжества. После чего воевода выбрался из самохода и зашагал по мощенному камнем внутреннему двору к княжескому терему.

— Доброй ночи, воевода, — чуть не в один голос приветствовали Зоряна двое воротных сторожей.

— И вам... — буркнул Кнут и размашисто зашагал к крыльцу княжеского терема в сопровождении обступивших его кольцом рынд, торжественно бряцавших на ходу оружием.

С годами зрение стало изменять воеводе, но даже он заметил, что у крыльца не хватало караула. Зорян сбавил шаг, рука сама легла на рукоять меча. Не доходя до крыльца всего десяти шагов, он остановился, обернулся к воротным сторожам и зарычал:

— Что у вас тут такое творится?! Почто княжеское крыльцо без охраны оставили? Где старший караула?!

Воротные, в чьи обязанности входил пригляд за наружной стороной Княжеских ворот, опешили, но устояли под грозным взглядом воеводы да еще связались со старшим караула, стяжником Потоком Калядовым, как бы ему после воеводского гнева не быть разжалованным в простые дружинники.

Вскоре перед Кнутом появился рослый мужчина в годах, с густой черной бородой, красными глазами и пористым носом картошкой. Он выскочил из караулки, застегивая на ходу полукафтан. Судя по испуганным, бешено вращающимся глазам, такого высокого гостя никто этой ночью не ждал.

— Что за разгильдяйство?! — встретил его рыком Кнут.

Стяжник Калядов споткнулся, вытянулся в струнку и замер, боясь даже слово сказать. Пока что он еще не очень понимал, чем вызвал гнев воеводы.

— Почему караула на входе нет! Сгною в сырой! Ты, собака, кого поставлен охранять? Князя или боярчика какого? Ты у меня на дыбе в Тайной будешь корчиться! Немедленно разобраться во всем и доложить лично мне, кто виноват и как он за это наказан! После этого я решу твою судьбу.

На бедного стяжника без жалости смотреть было нельзя. Он побледнел, казалось, поседел разом, нижняя губа нервно подрагивала.

— Выполнять!

Калядов отмер и бросился к княжескому терему. Можно было не сомневаться, что самовольно покинувшим пост дружинникам несдобровать. Он с них заживо шкуру спустит, потом вывернет наизнанку и гвоздями назад приколотит, чтобы другим неповадно было.

Кнут в окружении рынд продолжил неспешным шагом путь к терему. Надо стяжнику, пожалуй, все-таки бывшему стяжнику, позволить лично навести порядок в караульной службе.

Поток Калядов был на первой ступеньке крыльца, воевода видел его напряженную спину, когда он внезапно споткнулся, словно наткнулся на невидимую преграду, и медленно осел на резные с балясинами перила, перевалился через них и упал на мостовую. Из его горла и лба торчали стальные ножи в форме звезд.

Это было невозможно. Где угодно, но только не на территории детинца. Кнут отказывался верить своим глазам. Стяжника Калядова убили на пороге княжеского терема. Рынды мгновенно оттеснили воеводу, плотно взяв его в кольцо. Часть осталась его охранять, другая устремилась к терему. Внезапно навалилось тяжелое чувство неминуемой беды. Почему-то Кнут был уверен: что бы они сейчас ни делали, предотвратить беду они уже не смогут.

Воевода вырвал из кармана передатчик, включил канал и закричал в трубку страшно:

— Центральный! Центральный! Код — одиннадцать! Объект — один! Всем сюда!

Черные тени сгустились на вершине парадного крыльца. Они двигались резко и как-то смазанно. Рынды открыли огонь, но стреляли фактически вслепую. Как можно попасть из стержнемета в молнию? В ответ им прилетел с десятков стальных звездочек. Скрытая под одеждой броня выдержала.

— Это центральный! Кто вызывает? — раздался в передатчике спокойный, не осознавший всю тяжесть ситуации голос дежурного.

— Мать твою едрить! — проорал воевода так, что, наверное, центральный пост охраны услышал его и без связи. — Это Метель! Код — одиннадцать! Бегом, сволочи! Объект — один!

В трубке заскрежетало, послышалась неуставная речь и короткое:

— Метель — тебя понял!

Разговор прервался, и воевода нажал другую кнопку.

— Да? — послышался знакомый, уже сонный голос.

— Ждан, всех к терему! Срочно! Код — одиннадцать! Как понял?

— Понял! — коротко ответил секретарь Кнута, мгновенно осознавший всю серьезность ситуации. — Иду!

Воевода спрятал трубку и бросился бегом к терему, извлекая из кобуры стержнемет. Прошло несколько секунд — и княжеский детинец залили ярким, нестерпимым светом с десятков прожекторов. На время Кнут потерял способность что-либо видеть. Хотелось надеяться, что и Черные теперь испытывают проблему со зрением. Из казарм показались поднятые по тревоге дружинники княжеской охраны. Раздался резкий звук — это рынды воеводы перемахнули стену на легких штурмовых кочах, и устремились к терему. Кнут взмахнул рукой, привлекая внимание к себе. Кочи пошли на снижение, и тут воевода узрел яркий след от ракеты — и первый коч взорвался в воздухе, щедро осыпав дружинников на земле осколками.

Эти собаки еще и ракеты ближнего действия в княжеский детинец протащили. Кажется, мир сошел с ума, и Кнут готов был поклясться Перуном, что скоро за все это ночное безобразие полетят головы. Он лично будет рубить! Так что в какой-то мере стяжнику Калядову повезло. Погиб в бою. Пал, можно сказать, смертью храбрых. Только бы с князем ничего не...

— Ляди пустосвятные! — выругался Кнут, заметив троих Черных, прячущихся за одним из хозяйственных строений, и, почти не целясь, открыл огонь. Его тут же поддержали дружинники. В довершение картины кочи добавили из крупного калибра. Двоих татей удалось уgomонить сразу, а третий ловко нырнул за баню и уже оттуда произвел пуск. Ракета

взорвалась среди густой толпы дружинников. Площадь огласилась криками. Наплевав на безопасность строений, один из кочей выпустил сразу две ракеты в ответ. Баня разлетелась по бревнышку, погребая под обломками и нарушителя.

Неподалеку от воеводы шлепнулся на мостовую один из кочей, и с него прыгнул Ждан ур-Зор в боевом облачении.

— Кто это?! — удивленно спросил он.

— После пытать будем. Быстро наверх к князю! — этот приказ он уже отдал всем своим рындам сразу. Дружинники и без них тут справятся.

— Ждан, — воевода чуть придержал секретаря за рукав, — кого сможешь, берите живьем!

Ур-Зор кивнул и умчался догонять своих. Воевода встретил подоспевших секундой позже дружинников.

— Кто тут за старшего?

— Я! — выдвинулся вперед молодой усатый воин. — Десятник Сдила...

— За мной! — прервал его воевода и увлек дружинников вокруг терема, ко второму входу.

* * *

Как только за воином в маске закрылась дверь, Булята Рыжий выждал несколько минут и попытался встать. Получилось плохо. Ноги предательски дрожали, чтобы не упасть, он схватился рукой за стену.

Догорающий труп господина, источающий тошнотворный запах, лежал у стены. Булята сделал шаг вперед... увидел обгорелую руку с кольцом-печатью на персте и его вырвало. Минуту... почти целую вечность, продолжались спазмы, и, наконец, он заставил себя разогнуться. Писарь привалился к двери, прислушался — бессмысленно. В ушах стоял шелест клинков и их жадное чавканье при погружении в плоть. Он зажмурился, и воображение вновь нарисовало страшную картину убийства князя. Рука метнулась к мечу, но безвольно повисла вдоль тела. Он открыл дверь и вышел в коридор. Он ничего не слышал, кроме...

Два десятка шагов по коридору дались ему с большим трудом. Ноги почти не шли, а непослушное тело так и норовило припасть к стене. Внезапно боковая дверь приоткрылась, в узкой щели показалось испуганное лицо девицы.

— Ой... Булята?!

Писарь замер, медленно повернул голову... Он узнал Сбыславу — старшую дочь князя, он хотел ответить, но не смог выдать из себя ни звука. Он часто видел ее в тереме... красавица-княжна. Булята любил, когда она задорно смеялась, играя с братьями и сестрами. Сбыслава — она так похожа на его сестру... младшую сестру Надию.

— Они ушли? — девушка чуть шире открыла дверь и опасно выглянула в коридор.

— А... уу... г...

— Булята? Ты что? Где батюшка?

— Князь... — речь вернулась. Он шагнул к двери, — убили... князь... я не...

— Ах! — она всплеснула руками, и дверь, освободившись от ее хватки, медленно поползла в сторону.

— Убили...

— Булята, — ты видел? Батюшка...

Писарь склонил голову и уставился на ревущую Сбыславу немигающим взглядом.

— Убили...

— Батюшка-а-а-а-а...

Ни он, ни она не заметили, как сбоку подкралась бесшумная тень. Короткий взмах — и острая боль пронзила Буляту с головы до пят. Ноги его не удержали, и он кулем рухнул вниз. Он еще падал, когда быстрая сталь снесла Сбыславе голову. Он еще падал... он видел! Как

прекрасная головка его сестры покатила по полу. Сбыслава... Надия?

* * *

«Воец» был уже на подлете к столице, когда динамики связи вздрогнули от тревожного голоса.

— Внимание, «Воец»! Говорит Стрела. — Всеволод узнал Ждана по голосу и без позывного. — Гридню Волкову! На детинец совершенно нападение. Разрешаю посадку на стоянке номер один. Срочно! Как поняли?

— Понял тебя, Стрела, — отозвался Всеволод. — Сейчас будем!

Связь оборвалась, и старший гридень отдал приказ летунам:

— Ускоряемся!

«Воец» вздрогнул и резко набрал скорость. Лишь на самой границе города ладья сбавила обороты, снизилась до предела и плавно опустилась на княжескую стоянку.

Всеволод еще на подлете узрел на территории детинца несколько очагов пожара. Дело оказалось серьезнее, чем он предполагал, хотя куда уж серьезнее, коли уж совершенно нападение на саму резиденцию великого князя. Такое даже в ночных кошмарах привидеться не могло. Да и сейчас в голове не укладывалось. Волков запретил себе размышлять об этом, думы на потом, сейчас главное — действовать.

Всеволод забрал с ладьи почти весь стяг стрельцов Маруна Медведева. Охрану пленного самурая оставил на летунов — справятся.

Тяжело бухая по старинной брусчатке, несколько десятков стрельцов во главе с Всеволодом и Маруном устремились к детинцу. Вокруг терема царил полный хаос. Крики, стрельба, разрывы гранат... Слева полыхала баня, справа занялись крыши хозяйственных построек. Ярko горели десятки прожекторов, было светло словно днем. Да и рассвет был уже на подходе.

— Марун, бери два десятка и давай ко второму входу, — на ходу приказал старший гридень. — Я по центру...

Стяжник забрал в сторону, взмахнул рукой.

— Первый, второй — за мной!

Десятники выбранных десятков тут же завернули свои подразделения.

Еще несколько шагов — и Всеволод первым вбежал по скользким от крови ступеням. Сорванные с петель двери сиротливо встречали стрельцов. На площадке сразу за ними три трупа дружинников и один человек в черном. Со светом было скверно — все лампочки разбиты. Стрельцы быстро сообразили и зажгли подствольные фонари.

— Это что за лешаки? — изумился один из стрельцов, узрев на черном теле изуродованную маску вместо лица.

— Враги, — коротко заключил Всеволод. — Их и будем бить!

Стрельцы дружно закивали головами, мол, теперь понятно, на кого охотиться.

Слева, в длинном коридоре бабахнуло, откуда-то справа раздался пронзительный писк. Именно там должна быть лестница в княжеские покои.

— Лютый, бери своих и налево, — распорядился Всеволод, — остальные за мной!

У лестницы столпилось с десятков дружинников, еще с десятков лежали без движения подле. Бойцы короткими очередями постреливали вверх, но подниматься не решались.

— Что тут у вас?

— Не пройти, — обреченно заявил один из дружинников, — метко бьют, сволочи.

— Гранаты? — спросил Всеволод.

— Да как можно, там же князь.

И как благословение богов ожила рация.

— Волк! Это Метель! Ухожу с двойкой и тройкой! Волк! Прием! — раздался голос воеводы Зоряна Кнута. Судя по фону автоматного треска, у них там было жарко.

— Слышу тебя, Метель! Я в здании! Наблюдаю черных!

— Бей! Это тати! Ухожу червем! Наседают!

— Понял тебя, Метель! Держись! Идем! — Всеволод отжал клавишу и обернулся к своим стрельцам: — Щиты вперед.

Четверо стрельцов, прикрывшись бронещитами, перегородили лестницу, встав в два ряда. Тут же по щитам ударили стержни, срикошетировало несколько звезд.

Всеволод снял с петли две осколочные гранаты, отжал скобы...

— Агу!

Трехсекундная задержка — и два взрыва слились в один протяжный вой. Вздрыгнули стены, обрушилась часть потолка. Всеволод скривил рот и пожурил себя за торопливость. Две оборонительные гранаты в замкнутом пространстве — уже чересчур, хватило бы и одной наступательной.

— Вперед! — рывкнул старший гридень, подтолкнув щитников.

Стрельцы прорвались наверх. Сопротивляться было некому. Четыре изуродованных тела в черных костюмах и в масках распластались на площадке. Всеволод стволом стержнемета сорвал маску. Лица не было — только кровавая масса.

— Железномордые, тьфу, — смачно сплюнул рядом стоящий стрелец, — суки...

Неожиданно среди мертвецов вдруг запрыгали несколько больших горошин.

— Это что за... — удивленно вытаращился Всеволод.

Горошины лопнули. Огонь вмиг охватил тела.

— Мать вашу... — выругался кто-то из стрельцов.

— Ё! — поддержали его остальные.

— За мной! — проорал старший гридень. Он узрел за поворотом мелькнувшую тень.

Щитники пошли первыми. Несколько десятков шагов — и сбоку их обдало жаром — горели княжеские покои. Всеволод не стал тормозить движение, тут и так было все ясно. Дальше шли комнаты княжны и детские. В коридоре трупы дружинников, челяди... двери всех комнат были выбиты. Можно было и не заглядывать, но Всеволод все же решил проверить. Пусто. Везде разгром. Трупы няnek и два черных тлеющих тела...

— Ах ты... великие боги! — старший гридень отшатнулся. Задетая его ногой голова откатилась и глухо ударилась о стену. Рядом лежало обезглавленное тело... Всеволод не узнал княжну.

— Пошли! — старший гридень поторопил стрельцов, и те двинулись дальше по коридору. Тени куда-то исчезли. Их больше не атаковали.

Впереди должна была быть лестница вниз, в подвалы. С той стороны ждали Маруна Медведева.

— Внимание! — Всеволод подал знак остановиться.

Лестничная площадка четко вырисовывалась в дежурном освещении. Два трупа и несколько перевернутых стульев.

— Медведь! Прием! — Всеволод вызвал стяжника.

— На связи!

— Что у тебя?!

— На первом этаже чисто! Спускайся!

— Понял тебя! Не стреляйте! Идем!

Быстро скатившись вниз, отряд соединился.

— Двери в подвал заперты, — доложил Марун, — будем рвать?

Всеволод знал и эту дверь, и то, что за ней — червяк! Тайный подземный ход. Конечно, он начинался не сразу за дверью. Там огромный подвал и низкая секретная дверь, искусно замаскированная под большую пивную бочку. Именно так сказал воевода Кнут — ухожу червем. Про сей ход знал только князь, воевода охранной дружины, Кнут и Всеволод. И то старший гридень узнал совершенно случайно, когда, еще будучи отроком, нес караул в детинце. Его тогда в подвал послали со служкой. Тому, видите ли, призраки в подвале привиделись. Всеволод пошел, да и прислонился случайно к тайной кнопке. Ему тогда воевода Кнут так и сказал: «Ну, теперь, паря, тебе две дороги: либо в пруд с камнем на шею,

либо ко мне в Тайный приказ — выбирай». Всеволод сделал свой выбор. А вот служба тот, говорят, ума лишился да руки на себя наложил — повесился бедолага.

Дверь была надежно заперта, а искать ключника некогда.

— Рви! — коротко приказал старший гридень.

Стрельцы ловко заложили заряды под замок, десятипудовая дверь вздрогнула и как бы нехотя отворилась, жалобно пискнув на чудом уцелевших петлях.

Вновь вперед вошли щитники, но их тут же встретили огнем. Однако стержни рикошетировали от щитов, давая возможность стрельцам чуть продвинуться вперед. Видимо, нападавшие тати поняли свою осечку и угостили стрельцов по-взрослому. Большой прыгающий мячик сделал очередной скачок вверх и рванул на уровне шлемов. Горячая волна смела четверых щитников, откинув их назад, на своих товарищей. Послышались крики боли, мат, кто-то от испуга пальнул...

— Назад! — срывая горло, проорал Всеволод, но он не слышал самого себя. Шлем смягчил волновой удар, и все же его контузило крепко.

— Назад! — продолжал орать старший гридень, пытаюсь выбраться из-под мертвых тел. Кто-то подхватил его и поволок. Всеволод помогал, отталкиваясь ногами. Шлем слетел с головы, и он увидел второй мячик. Тяжелая металлическая дверь едва успела прикрыться за отступающими стрельцами, как вновь широко распахнулась, отброшенная взрывом. Струя горячего воздуха ворвалась в плотные ряды воинов. Особо не повезло двоим, у которых были неплотно закрыты забрала шлемов. Теперь они катались по полу и пытались содрать с лица раскаленные железяки... и они снимались вместе с кожей.

Всеволоду, хвала великому Перуну, повезло — он лежал на полу, а волна прошла верхом. И все же он почувствовал жар, даже через свой доспех.

Всеволод насилу поднялся, и первым его желанием было ответить неприятелю тем же. Забросать узкий подземный ход гранатами — и делов-то. Но старший гридень сдержал свой яростный порыв. Свод мог не выдержать и обрушиться. А входить в узость тоже было опасно, кто его знает, сколько еще игрушек в наличии у супостата.

Всеволод выхватил рацию:

— Метель, Метель? Это Волк! Как слышишь меня, прием? Метель?

Динамики молчали, как проклятые.

— Не возьмет под землей, — покачал головой Марун, — идти надо.

— Что?

— Идти надо! — прокричал стяжник почти в самое ухо гридню.

Старший гридень сжал зубы. Должен быть выход. Обязательно должен быть.

— Давай ударную! — наконец решившись, изрек Всеволод.

— Дозволь мне? — подал голос десятник Сторожко.

Старший гридень не услышал его, но понял и так.

— Действуй.

Десятник молча отстегнул ударную гранату, кто-то из стрельцов протянул ему еще две или три штуки.

— Шлем застегни, — напутствовал Марун.

Он прекрасно понимал, чем рискует Сторожко. В узком пространстве ударная волна может достать и десятника.

— Солнце за нас! — подмигнул Сторожко и скрылся за покореженной дверью.

Стрельцы затаили дыхание. В ушах у старшего гридня звенело и шипело, но ему казалось, что он слышит осторожные шаги Сторожко в туннеле.

А десятник, сделав всего пару шагов, припал к каменному полу и пополз. Он с трудом перелез через трупы товарищей и затаился, прислушиваясь. Движения впереди не наблюдалось. Он добрался до поворота, аккуратно выглянул. Полумрак перехода разбавлял одинокий факел, бездымно горящий в самом конце. Десятник заметил несколько темных фигур. Одна из них стояла повернувшись маской к нему. Сторожко резко отдернул голову и укрылся за выступом. До него донеслись звуки выстрелов и вскрики. Потом десятник

услышал звон металла. Ох, он мог из тысячи других узнать эту песню клинков. Медлить больше было нельзя. И Сторожко зубами рванул предохранители сразу на двух гранатах и запустил их во врага. Секунда, другая — и вот еще одна «потеха» пошла догонять подруг. Еще секунда, и десятник даже успел отпрыгнуть назад, плотно прижимая руки к шлему.

— Чур меня...

* * *

Когда эхо ударной волны выбило многострадальную дверь, первым не выдержал Марун Медведев. Он как ошпаренный кинулся в проход. Всеволод Волков рванул следом, а за ним стрельцы и дружинники. Подствольные фонари сразу высветили тело Сторожко. Десятник лежал без движения. Приказа не потребовалось. Бойцы мгновенно прижались к стенке прохода, а двое стрельцов, с трудом протиснувшись в теснине, поволокли десятника наружу.

Спустя несколько минут весь отряд молился за героя. Тела девяти (голов было именно девять) супостатов были разорваны в клочья.

— Пошли! — Волков подтолкнул Маруна в спину.

Чуть впереди обнаружилось еще два трупа. А дальше низкий свод вывел их на площадку. Посреди помещения ярко горели три осветительные шашки. Ясно было видно, что площадка плотно усеяна телами, за площадкой находилась дверь. И ни звука, ни движения.

Марун сделал шаг... Всплеск молнии. Всеволод даже сощурился. Стяжник отшатнулся так резко, что его голова звонко ударилась шлемом о каменную стену. Тело стояло еще секунду, а затем упало вперед — видать, крепко приложился Марун, или попали? Всеволод присел и дал короткую очередь. Быстро глянул на стяжника. Тот ошалело хлопал глазами за прозрачным забралом. Гриденёв мотнул головой, и двое стрельцов тут же отволокли контуженого стяжника в сторону. Все это заняло несколько минут. Волков поменял магазин. Он увидел темные полосы, мелькнувшие в сводчатом проеме, и две полосы-руки запустили в стрельцов несколько очередей... Старший гриденёв, кажется, попал. Рука дернулась, но добавить уже было нечем — стержни закончились. Всеволод отбросил ствол, выхватил меч, успел обернуться всего на полсекунды и заметил, что двое его стрельцов с пробитыми забралами не падают лишь потому, что их тела подпирают товарищи.

Всеволод перевернулся через голову и вырвался на освещенную площадку. Мягко ударился о чье-то тело, перевернулся еще раз и отпрянул в сторону. В воздухе пропел металл...

Он выпрямился и узрел обоих врагов. Они стояли на каменной ступени, по обе стороны от входа, плотно прижавшись к стене. Черные как ночь! И пристально изучали из-под масок нагло ворвавшегося грیدنёва. Всеволод заметил у них в руках металлические кругляши с острыми углами — боевые звезды. Такие он уже видел. Весь детинец усеян подобными гостинцами.

Враги присматривались друг к другу не больше секунды, затем один из черных выхватил из-за спины короткий меч и спрыгнул на площадку. Сделал он это грамотно, так, чтобы не подставлять спину под стержни стрельцов, и Всеволод Волков шагнул в сторону. «Все верно — этот не ранен. А тот, что у стены... кажется, я его все же подстрелил», — быстро подметил он и занял боевую позицию.

Враг крепко ухватился за длинную рукоять обеими руками и поднял оружие над головой. Всеволод ждал. Эту классическую стойку он уже успел изучить. Сейчас последуют стремительная атака и мощный удар сверху вниз, ну или чуть наискось — в шею, в ключицу...

Но чтобы так быстро! Старший гриденёв чуть не потерял равновесие, так скоро ему пришлось отступить назад. Противник полетел вперед, как ураган. Меч рухнул снизу вверх перед самым носом грیدنёва и тут же пошел обратно, но уже по дуге. Финт почти удался.

Всеволод выкинул навстречу свой клинок, но меч противника упредил удар. Старший гридень почувствовал, как сталь легко порвала его первоклассную броню. Всеволод вовремя отпрыгнул и нанес удар сам. Черный ушел с линии атаки и, прямо по трупам, мелкими шажочками отбежал в сторону. Он вновь принял первоначальную стойку с высоко поднятым мечом.

Всеволод повел корпусом. Броня была прорвана, кожа лишь рассечена — ерунда. Стрельцы стояли в проходе, замерев в ожидании. Они не решались сунуться вперед, впрочем, и второй в маске не мешал.

На сей раз самурай пошел в атаку с грозным рыком сквозь зубы. Всеволод очень старался не упустить тот миг, когда меч врага пойдет в финт, но пропустил. Гридень запоздало послал свой меч наперерез, и вражеская сталь врубилась в нагрудную пластину. Всеволод не почувствовал боли. Он даже занес меч для ответного удара, но вновь получил удар, на этот раз в наплечник. И тот, треснув, согнулся в два лепестка. Гридень пошатнулся, неуклюже взмахнул мечом. Его глаза видели, как самурайский меч взлетает над головой и вот-вот расколется ему череп. Он пожалел, что сейчас так беспомощен, и сердце его сжалось. Стыд... срам... смерть! Всеволод хотел крикнуть, но из глотки вырвался дикий вой. И старший гридень вдруг почувствовал, что уже стоит на четвереньках! А занесенный меч застыл в полете. Сквозь прорези в маске Волк увидел округленные от изумления глаза татя... Напрасно, ох напрасно он позволил себе замереть. В следующее мгновение Волк прыгнул вперед и сбил врага с ног. А затем мощная челюсть сомкнулась на горле, Всеволод ощутил отчего-то приятный привкус крови... вкус победы! Зубы входили в плоть все глубже и глубже, пока черный буси не перестал сучить руками и ногами.

Но радость длилась недолго. Второй тать, придя в себя, вскинул оружие... Гридень в облике зверя почувствовал это спиной. Шерсть, и без того вздыбленная, ошетижилась пуще прежнего. Он разжал челюсть, повернул голову. Вот оно! Ствол смотрел прямо на зверя. Вот сейчас! Прощай, Волк...

За спиной внезапно открылась дверь, и солнечный свет ослепил татя в маске. А в следующую секунду раздалось три... четыре выстрела. Волк припал на лапы, прижал уши. Он не поверил своим глазам. Врага практически разорвало пополам.

«Крупняк...» — сквозь наползающий мрак подумал Всеволод. Ему вдруг стало плохо. Конечности дрогнули, подогнулись... Волк жалобно заскулил, попытался подняться, но не вышло.

— Откуда тут волк?! Ах ты... это же...

Старший гридень завалился на бок, упав промеж двух трупов. Воевода Зорян Кнут не успел подхватить своего лучшего гридня...

Глава пятая Разгром

Единение всех родов, обитающих на Новой Земле, слияние оных в единый несокрушимый кулак, есть наивысшее благо, ведущее к процветанию всего княжества.

...Старые распри и обиды должны быть забыты пред лицом общей угрозы.

Из лекций волхва Кудияра для учащихся старших классов

Большой воевода Святослав Хлудовский в последнее время страдал бессонницей. Это началось несколько месяцев назад, когда он узнал, что срок его пребывания на боевой вахте продлен. Не то чтобы он очень этому огорчился. Военный человек место службы не выбирает, скорее оно выбирает тебя. Но, признаться честно, он очень устал от космической черноты и безмолвия. От одних и тех же лиц и от отсутствия каких-либо изменений.

Не повезло ему, чего уж говорить. По сути, воевода в мирное время пост, конечно,

значимый и ответственный, но скучный. Другое дело — его предшественник, командующий Второй армией, воевода Ар Секира, покрыл свое имя немеркнувшей славой, отличился в десятке сражений, большую часть из которых выиграл. Только с наступлением затишья воеводу отозвали в Белград, где назначили почетную пенсию. Вот и живет боевой командир где-то у себя в имении под Солнечегорском. А его кресло занял Святослав Хлудовский, оставив любимую жену и взрослых уже детей в княжестве.

Воевода выбрался из постели и, прошлепав босыми ногами по полу, добрался до рабочего кресла. Забравшись в него, он включил персональный терминал и задумался. Годы уже не те. Еще лет пять в строю, а потом спишут, как Секиру, а он, в отличие от прославленного воеводы, еще ни одного сражения не выиграл, да что уж говорить, даже пороху толком не понюхал. Все больше по штабам да кабинетам штаны просиживал, составляя тактические и стратегические планы. Вся война в виде компьютерных файлов перед глазами прошла.

Терминал загрузился и издал приветственный писк. Воевода открыл сводку оперативной информации, поступающей со всех боевых кораблей флотилии, и быстро пролистал ее. Ничего сверхсрочного и чрезвычайного не наблюдалось. Как обычно — рутинное болото. Свернув окно с отчетами, Святослав загрузил последнее видеописьмо из дома.

Он смотрел его уже несколько десятков раз, но никак не мог остановиться. Снова и снова открывал его и напряженно вглядывался в родные, любимые черты лица жены, которая с момента их последней встречи заметно постарела. Прибавилось седины в волосах, морщин возле глаз и три глубоких складки на лбу, когда она начинала хмуриться и нервничать, вот как сейчас.

— Любимый мой, дорогой, единственный... — началось видеописьмо.

Святослав поймал себя на мысли, что за долгие годы, прожитые вместе, это их первое столь серьезное расставание. Когда он мотался по штабам и воинским частям, она все время следовала за ним. А ведь говорил ей отец, что с таким воякой, как Хлудовский, жизнь сладкой не покажется. Прав был старый боярин. Но она не убоялась трудностей. И так и осталась у него единственной и любимой.

Святослав вслушивался в родной голос, который был напоен домом. Постепенно его веки смежились, и воевода так и заснул, сидя в кресле.

Проснулся он от того, что терминал передавал сигнал тревоги. Первую минуту он ничего не мог понять. Перед глазами все еще находился образ его обнаженной жены, и расставаться с ним очень не хотелось, но пришлось.

Воевода бросил взгляд на экран. Сигнал общевойсковой тревоги поступал с малого броненосца «Ярославич», дрейфовавшего возле планеты Лава на самом рубеже с сектором, контролируемым Черными Змеями. «Ярославич», или «борт 17», как он значился в реестре космических сил Второй княжеской армии, и схожий с ним классом броненосец «Строгий» были отправлены несколько дней назад в сопровождение личного посланца князя, старшего гридня Всеволода Волкова. Исполнив свою миссию, они остались на рубеже вражеской системы, взяв ее под контроль.

В раздражении воевода ударил по клавише терминала, открывая отчет.

Ну что у них там могло столь важного случиться! В первый раз за последние несколько месяцев он спокойно уснул, а тут — нате вам, боевая тревога. Когда Святослав Хлудовский увидел отчет, он окаменел.

* * *

Они появились из ниоткуда.

Еще минуту назад следящие камеры и радары броненосца «Ярославич» показывали пустой сектор Пространства, безмолвный и безмятежный. Лишь в отдалении виднелась группировка сил Черных Змеев. Первый летун еще удивился, почему они остались на

рубеже, все равно ничего не происходит, а не последовали вслед за ладьей старшего гридня Волкова. Второй летун хотел было высказаться об умственных способностях отцов-командиров и пожаловаться на то, что давно хочет домой, а его не пускают в отпуск. И вот они вынырнули откуда-то сбоку и тут же открыли пулеметный огонь. Пара десятков «шустриков», вражеских истребителей, резко прошли над броненосцем, сбросив по торпед, которые тут же устремились к «Ярославичу».

Второй летун, Остей ур-Тар, тут же врубил общевойсковую сирену. Расчетное время поражения брони боевыми торпедами две минуты. Только бы пушки успели сбить цели. Остей почувствовал, что аж вспотел от волнения. Форменная одежда показалась ему тяжелой меховой шубой на солнечном пляже.

В кормчую рубку влетел, на ходу натягивая полукафтан, командир корабля Искра Ратиев.

— Что происходит? Доложить обстановку! — распорядился он с порога.

Без лишних слов всю оперативную обстановку первый летун сбросил ему на персональный терминал. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: ничего страшного не происходит. Штатная ситуация. Только непонятно, на что надеялись самураи, когда запустили в атаку «шустриков». Такой мошкаррой ничего серьезного сделать нельзя. Разве что...

Искра Ратиев бросил быстрый взгляд на следящие экраны.

События разворачивались стремительно. Пушкарям удалось сбить все торпеды лжеликих, но времени для ответного залпа не осталось. Не повезло только одному истребителю противника. Пулеметной очередью ему срезали хвост, и, разбрызгивая фонтан огня и искр, он нырнул вниз и исчез в бездонной пустоте, в вечном падении. Остальные корабли Змеев зашли на новый виток, выпуская по второй порции торпед. Взыли двигатели броненосца, чуть моргнуло освещение на кормчей рубке, пошел перегруз всех обеспечивающих систем. Летуны привели в движение ладью, уходя с траектории поражения. Одновременно с этим пушки прицельными выстрелами расправились с торпедами и приступили к зачистке рядов противника. То там, то тут, пораженные точными выстрелами, взрывались «шустрики», но складывалось впечатление, что меньше их от этого не становилось. От взрывов боевых кораблей окружающее пространство превратилось в площадку для фейерверков. Несколько «пташек» пушки все-таки упустили. Они прорвались сквозь заградительный огонь и устремились навстречу «Ярославичу». Сперва их задача была неясна, но вскоре все обитатели кормчей рубки и орудийной палубы разгадали их маневр. Они шли на таран!

— Сбить этих стервецов во что бы то ни стало! — закричал по каналу общей связи Искра Ратиев.

Один из истребителей-самоубийц избрал себе целью кормчую рубку. На следящих экранах была видна вырастающая тушка легкобронированного истребителя противника. Не оставалось сомнения, если он протаранит борт «Ярославича», от кормчей рубки и от всех ее обитателей даже мокрого места не останется.

Ратиев вцепился в подлокотники кресла, вызывая к богам. Второй летун Остей ур-Тар громко выматерился и крепко сжал штурвал. Он попытался увести боевую ладью в сторону, чтобы избежать таранного удара.

— Камакадзе... — кто-то припомнил, и почти точно, это странное и страшное слово.

Так Черные Змеи называли своих храбрецов, которые ценой своей жизни уничтожали корабли княжества. Только броневая ладья слишком неповоротлива, а времени катастрофически мало...

Но никто из боевых офицеров даже не помыслил покинуть рубку, продолжая работать на своих местах.

Пушкарям удалось сбить двух «шустриков», идущих на таран абордажного и гостевых шлюзов. Вспыхнули две огненные свечки, истаявая в космической черноте. Но еще один продолжал неумолимо приближаться к кормчей рубке, уже заполняя своей тушей добрую

половину экрана.

Искра Ратиев успел пожалеть, что так и не смог ничего толкового на благо родины совершить, вот даже погибнуть красиво не получилось, когда слитные залпы двух орудий разнесли в клочья вражеский корабль. Огненная вспышка залила следящие экраны, ослепляя людей. Остей ур-Тар не сумел сдержать крик боли. По броне боевой ладьи в районе кормчей рубке застучали осколки «шустрика». А следящие экраны, дважды ярко мигнув, потухли.

— Что происходит?! — вскричал Ратиев, уже успевший справиться к этому времени с шоком от взрыва. Зрение, пускай не полностью, но частично восстановилось.

— Системный сбой, вызванный перегрузкой энергетической системы ладьи, экраны перезагружаются, — доложил Остей.

Но, слава богам, следящие экраны вскоре заработали.

Кажется, он все-таки недооценил возможности «шустриков».

Натиск на «Ярославича» временно ослаб. И поэтому появилось немного времени, чтобы взглянуть, как обстоят дела у соратника — броненосца «Строгого».

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять насколько все плохо. «Строгому» досталось основательно. В нескольких местах от таранных ударов истребителей броня оказалась повреждена. Автоматика корабля не справлялась с зашиванием ран. Ремонтные бригады пытались залить раны изоляционной пеной, только пробоины были слишком велики, да и машины Змеев все продолжали кружить над кораблем, расстреливая сквозь дыры трудящихся на открытых палубах ремонтников. Пушкири работали на пределе сил, а Змеи добивали раненый корабль. Да все норовили заслать торпеды внутрь броненосца сквозь пробоины.

Долго «Строгий» не протянет. Это было чудовищно, в голове не укладывалось, но несколько роев «шустриков» взяли вверх над броненосцем.

Искра Ратиев почувствовал, как гнев затопляет его разум.

— Полный залп! Надо помочь братьям! — рывкнул он по каналу общей связи.

Пушкири «Ярославича» уже слышали его команду и перенесли огонь на «шустриков», облепивших «Строгий». В считанные минуты они изрядно расстроили врага, сбив не меньше десятка. «Строгому» это, конечно, мало поможет. В следующей атаке они все равно легкая мишень. Разве что ремонтные бригады хотя бы успеют частично зарастить броню. Или его вообще срочно отбуксировать на базу...

Искра возликовал душой. Дали-таки супостату на орехи. Только вот один взгляд на терминал изрядно поумерил его радость. Он резко перевел взгляд на следящие экраны...

Пока они разбирались с легкими истребителями противника, к ним незаметно подошли три крейсера Змеев. Серые глыбы брони и стали сбросили маскировочные экраны и выросли из пустоты перед глазами изумленных белградцев.

Искра Ратиев ничего не успел сказать. В следующую минуту «Ярославича» накрыл огненный шквал. Это больше походило на избиение. Все-таки его первая мысль была правильной. Вражеские «шустрики» всего лишь отвлекающий маневр, который позволил тяжелым единицам незаметно подкрасться к ним. Пушкири работали на износ, пытаясь спасти корабль. Вскоре орудийная палуба взорвалась, пораженная одновременно тремя снарядами. С этого момента они были обречены.

Первым сдался «Строгий». Спустя несколько минут тотальной бомбардировки он взорвался, разбрызгивая вокруг себя огонь, осколки брони и переборок. Огонь бил короткими сполохами, возбуждаясь от вырывавшихся изнутри броненосца потоков кислорода. Взрывами выбрасывало наружу затянутые в доспехи тела людей, а иногда и их части...

«Ярославич» продержался на десять минут дольше.

Последнее, что увидел Искра Ратиев, это пришедший в движение весь Императорский флот Рё.

Вся флотилия Второй армии была поднята по боевой тревоге. По всем кораблям мгновенно разошлась информация, что лжеликие перешли в наступление. Отсиделись, шкуры гадские, раны зализали, флот обновили и снова поперли на княжество. И что же им на месте не сидится, лиходеям проклятым? Мало того, что далеко их родина от княжества, а Солнце на всех едино и на всех хватает. Или нет? Оно еще с десятков обитаемых миров вскормить способно, так нет же, все им мало, змеюкам подколодным. Об этом сегодня были все разговоры. И зрела в душах стрельцов святая ярость. От простых кашеваров да врачей до пушкарей и абордажников нарастал праведный гнев. О судьбе броненосцев «Ярославич» и «Строгий» знали все. И клялись сгореть в живом огне, но врага остановить.

Воевода Святослав Хлудовский знал настроение боевых команд, и это ему нравилось. Если бойцы сами рвутся в сечу, стало быть, Перун слышит их и поможет в трудную минуту.

После сообщения о наступлении самурайского флота воевода первым делом связался с Воинским приказом и доложил об изменении оперативной обстановки. Его попросили обождать, и вскоре он разговаривал лично с воеводой Вадимом Сеченем, главой Воинского приказа. На время доклада Святослав выгнал всех из кормчей рубки и разговаривал с командованием с глазу на глаз.

Указания воеводы Сеченя были четкими:

— Вскрыть пакет «Последний рубеж». Подробные инструкции вы найдете там. От себя же скажу. Стоять до последнего. Любой ценой остановить вражеский флот. Ни шагу назад!

Святослав Хлудовский поклялся живота²² не жалеть, но наказ воеводы исполнить.

— Солнце за нас! — поднял руку в приветствии Вадим Сечень, и трансляция оборвалась.

Пакет с инструкциями «Последний рубеж» был вскрыт и изучен. Теперь воевода руководил перестроением флота. Они встретят врага во всеоружии. Массивные бронированные корабли медленно передвигались, занимая определенные командованием места в боевом построении. Всего под началом Святослава Хлудовского оставалось девять тяжелых боевых ладей с тремя орудийными палубами и запасом торпед, чтобы весь самурайский флот отправить на свидание к предкам, двадцать средних броненосцев и легких боевых ладей, которым предстояло первыми встретить врага, и пара сотен легких боевых кочей для стремительных операций на территории противника. Этих сил вполне должно хватить для разгрома страшилищ.

Святослав довольно потирал руки. Несмотря на потерю двух броненосцев, он радовался тому, что ему предстояло лично возглавить крупное боевое сражение.

Когда вражеский флот показался вдалеке и первые данные поступили с радаров дальнего действия, воевода ужаснулся. Все их смелые расчеты летели в бездну. Самурайская армия превосходила их в несколько раз по численности. Против каждого среднего броненосца Змеи могли выставить по три своих. Что уж говорить о легких истребителях, от которых радары, казалось, просто свихнулись.

Воевода наблюдал, как самураи развертывали на их территории свои боевые порядки, и не шевелился. Он словно окаменел. Штабные командиры и летуны оглядывались на него, ожидая приказов, а он молчал, не в силах оторвать глаз от величественной мощи врага.

Змеи перешли в наступление. Тьма «шустриков» заполнила окружающее пространство, атаковав ближние ряды построения белградцев. Загрохотали орудия, Святослав не слышал их, но то, чего не слышал, дорисовывало воображение. Первые потери со стороны самураев. С десятков истребителей взорвались, но и княжество потеряло уже один броненосец. Облепив его со всех сторон, словно саранча, «шустрики» все-таки продавили оборону корабля, и он яркой огненной вспышкой залил следящие экраны флагмана.

— В бой! — взревел разъяренный воевода, и его грозный рык прокатился по всем

---

²² *Живот* — жизнь. Вместилище души.

палубам всех кораблей флотилии. — Солнце за нас!

Ровные ряды Второй армии дрогнули, выпустив на боевой простор легкие боевые кочи и истребители. Завязался отчаянный бой.

Святослав Хлудовский еще раз запросил Воинский приказ и лично воеводу Вадима Сеченя. Он доложил оперативную обстановку, отправил в сжатом виде все текущие расчеты по соотношению сил. Выслушав командующего Второй армией, воевода Сечень нахмурился и сказал только коротко:

— Стоять до последнего!

Потом подумал и добавил:

— Мы отправим вам поддержку. Ждите.

И отсоединился.

Святослав Хлудовский вернулся к наблюдению за разворачивающейся перед его глазами битвой. А тут было на что посмотреть. Две стороны вцепились друг в друга с таким лютым жаром, словно пара волков, не поделивших загнанного оленя.

Белградцы болезненно восприняли потерю броненосца и слаженно огрызнулись из всех орудий. В передних рядах флота самураев наметились щербины. Один за другим вспыхнули три корабля, рассыпая вокруг сполохи огня и раскаленные осколки.

* * *

Солнце за нас! Так звучал их боевой клич, доставшийся от предков. Многие произносили его, не вдумываясь в смысл этих слов. За долгие тысячелетия значение понятия стерлось, но боевой летун истребителя Военег Рысь вкладывал в эти слова особый сакральный смысл.

Ему уже доводилось участвовать в боях с лжеликими. Свыше двадцати боевых вылетов. Девятнадцать сбитых машин. Один раз горел сам. Совсем уж прощался с жизнью, но после катапультирования его все-таки спасли, подобрали. И каждый раз, когда он произносил эти простые слова: «солнце за нас!», он чувствовал, как в его тело вливается энергия извне, как она распространяется по всем его сосудам и венам и лавиной вторгается в мозг. Военег преображался. Каждое его действие в безвоздушке было слаженным, отработанным, просчитанным. Поведение противника он видел загодя и мог нанести упреждающий удар, поэтому командование ценило его. Хотя и не понимало, как у парня все так красиво получается.

Но этим утром Военег чувствовал: что-то пошло не так. И вскоре, когда сирена тревоги разнеслась по недрам боевой ладьи «Капкан», понял, что его так волновало и грызло.

Стяжник Тислав Рыбалко выстроил всех летунов Северного отряда перед боевыми кочами и провел короткий инструктаж. Ничего сверхъестественного. К такому повороту событий их готовили. Началось вторжение, и их задача минимизировать негативные последствия работы вражеских истребителей и нанести Змеям как можно больше урона.

По окончании инструктажа все разошлись по машинам.

Военег называл свой боевой коч с любовью «Ластивка». Даже добился от командования разрешения, раздобыл краску у завхоза Крутобока и написал название машины на ее гладком стальном борту. Пускай басурмане знают, кто им в зубы регулярно дает.

— Ну что, покажем им, почему у нас лихо стоит? — спросил его жизнерадостный Радомир, улыбнулся широко, демонстрируя всем щербатый рот. В боевом построении его кодовое имя было «Шестой».

— Смотри, как бы они тебе хвост не подпалили, — мрачно посоветовал Олег, во время полетов он отзывался на позывной «Третий».

В то время как Военег все звали просто «Ластивка». Втроем они составляли боевое звено, в котором командиром был Военег.

— А это уж наша задача хвост Радомиру уберечь да свой в обиду не дать, — заметил

Военег, надевая на голову шлем с системой индивидуального обеспечения кислородом, рассчитанной на восемь часов. Вполне достаточно для успешного выполнения задания или героической смерти.

Они заняли места в кабинах и активировали режим «герметизации».

Военег тут же включил внешнюю связь и напряженно вслушался в переговоры летунов, уже работающих в безвоздушке.

— ...сто сорок четыре, борт шестнадцать, атакую сектор двенадцать-тридцать восемь.

— ...принято. Иду в прикрытие.

Одновременно с этим он наблюдал за персональным терминалом, на который безостановочно поступали данные оперативной обстановки и предлагаемые тактические комбинации.

Взлетную палубу поспешно покинули все посторонние. Остался только обслуживающий персонал в боевых скафандрах. Открылись шлюзы, и боевые кочи один за другим вырвались на космический простор, покинув корабль-матку.

Настал черед и их тройки. Первым ушел на взлет Радомир, за ним последовал Военег, замкнул цепочку Олег.

Набрав высоту, они оказались над битвой, развернувшейся перед ними во всем своем величии. Первое, что бросилось в глаза Военегу, возглавившему их клин, это тяжелое положение, в котором оказался броненосец «Стремительный». Его со всех сторон окружили «шустрики» противника и расстреливали. Пушки как могли отвечали, но сил и возможностей бороться с такой мошкаррой не было. К «Стремительному» уже спешили на выручку несколько боевых звеньев. Только бы он продержался. Но они не успели. Воспользовавшись тем, что пушки были заняты отражением атаки «шустриков», к броненосцу подошли два тяжелых корабля Змеев и выпустили сдвоенный залп боевых торпед. Сразу в двенадцати местах броня броненосца оказалась пробита, и вскоре «Стремительный» взорвался. По каналу внешней связи пришло сообщение, переданное в последнюю минуту с погибшего корабля:

— ...прощайте, братцы!

Услышав эти слова, пропитанные горем и болью, Военег ничего не мог с собой поделать. Ненависть и ярость ослепили его, он вцепился в штурвал, словно в рукоять боевого меча, прошедшего не одно сражение. Пальцы привычно легли на гашетку. На внешнем экране появилась сетка прицеливания. Военег глухо зарычал и отправил свою «Ластивку» в стремительный полет, увлекая клин за собой.

Он выбрал себе цель. Один из самурайских кораблей, расстрелявших «Стремительный». Он должен отомстить за погибших товарищей. И пускай он никого не знал из тех, кто служил на взорванном броненосце, но все руссы — братья. И другого не дано.

— Солнце за нас! — выкрикнул он, чувствуя, как открылись каналы, по которым в его тело заструилась бешеная небесная энергия.

Радомир и Олег поддержали его клич. Интересно, а они испытывают что-нибудь похожее, когда его произносят? Как-то не удосужился спросить, а вот сейчас почему-то Военег понял, что не может спокойно умереть, пока не узнает это.

Судно Змеев приближалось, разрастаясь на глазах. Вскоре он уже занимал добрую половину экрана, когда «Ластивку» внезапно атаковали. Вспухли защитные экраны, рассеивающие пули противника. Долго они не продержатся. Экраны на мелких птахах горят в первые же минуты боя, но кому-то и жизнь спасают, хотя бы до успешного выполнения боевой задачи.

Военег резко задрал нос истребителя, уводя его высоко вверх. Одновременно с этим передал в эфир:

— Третий, Шестой, я атакован. Прикройте!

Но он тут же увидел, что и у них дела обстояли не лучше.

«Третий» танцевал в космосе, окруженный сразу двумя партнерами, которые поставили

цель уничтожить его. Резко огрызнулся им в ответ из спарок, но большая часть снарядов уходила в пустоту, никого не задев. «Шестой» преследовал самурайский истребитель и так увлекся этим, что не заметил, как у него на хвосте повисли три преследователя.

Военег быстро сориентировался в обстановке. Что ж, придется свои проблемы решать самому. Тут же он почувствовал, как перед его мысленным взором возникла огненная вспышка, предупреждая об опасности. Он тут же крутанул «Ластивку» и бросил ее резко вбок. И вовремя. Место, где он только что находился, прошили два крупных снаряда. Они улетели в сторону и оказались сбиты пушкарями Змеев. Военег выровнял машину, нашел противника и вдавил гашетку в штурвал. Заработали мелкокалиберные пушки правого и левого бортов. Стальные трассы устремились к зазевавшемуся истребителю самураев. Через секунду он взорвался. Военег, не теряя времени, перенацелил оружие на ближайшего «шустрика» и вскоре его постигла участь собрата. Полыхнуло знатно.

Тем временем «Шестой» уже догнал своего «зайца» и пустил ему кровь. Правда и сам попал под раздачу. Преследовавшие его истребители навалились со всех сторон. Радомир вытворял со своей машиной такие акробатические кульбиты, что самые лучшие асы самураев могли позавидовать. Военег бросил быстрый взгляд в сторону «Третьего». Олег, кажется, справлялся. Одного врага он уже развалил на куски. Теперь преследовал другого. Попробуешь навязать свою помощь, обидится. И Военег устремился навстречу Радомиру.

— Шестой, вижу тебя. Встречай, — передал он по каналу внешней связи.

— Давно бы так. А то я вижу, совсем не чешетесь, — раздался радостный голос Радомира.

Вдвоем они быстро разобрались с преследователями. Поочередно пустили их на космическую пыль. Только закончили работу, как пришел срочный приказ с флагамена:

— Внимание. Северный и Восточный летные отряды, организовать прикрытие боевой ладьи «Искоростень».

Военег тут же посмотрел в то место, где должен был находиться корабль. Опять эта мошकारа. Сколько же у страхолюдин «шустриков» в наличии? Их все жжешь и жжешь, а конца и края не видно.

Военег привычно занял центральное место в клине и устремился на помощь ладье.

Только на подлете он увидел, насколько необычная мошकारа атаковала их корабль. Были тут, конечно, и обычные «шустрики», куда без них. И было их великое множество. Аж в глазах рябило. Но среди них встречались и набравшие жирок собратья. С виду такие же истребители, только раза в полтора больше. Видно, с торпедной заправкой. Вокруг них крутилось с десятков обычных «шустриков», надежно перекрывавших к ним все подступы. Стоило только кому-то из боевых кочей славян попытаться пробиться к пузатому истребителю, как враг наваливался со всех сторон и сжигал наглеца.

Военег неотрывно следил за приближающимся сражением. И вскоре увидел интересное. Звенья вражеских «шустриков» сопровождали пузатого собрата до опасной близости с боевой ладьей, после чего рассеивались по сторонам, оставляя корабль в одиночестве. Такую мишень позорно не сбить. И пушкари «Искоростени» уж постарались. Сначала один, а потом за ним другой и третий модифицированные истребители взорвались, выпуская на волю какие-то серые густые облака. Они устремились навстречу друг другу и вскоре образовали ловчую сеть, которая тут же упала и оплела броню боевой ладьи.

— Внимание! Внимание всем! Говорит «Искоростень». Мы атакованы неизвестным оружием. Выведены из строя от шестидесяти до семидесяти пяти процентов следящих камер. Повреждены системы навигации и прицеливания. Мы ослепли и, чувствуя... вскоре оглохнем, — пришло сообщение по каналу внешней связи.

Пару раз это сообщение повторилось, и вскоре связь с боевой ладьей «Искоростень» прекратилась.

Военег видел, как навстречу ослепленному и оглушенному кораблю устремились несколько вражеских караванов, сопровождавших модифицированные истребители, начиненные секретным оружием самураев.

Наперехват одному из этих караванов Военег направил свое звено. Он понимал, что это уже не спасет положение. «Искоростень» ослеплен и не способен сопротивляться. Как избавиться от этой напасти, неизвестно. Он увидел, как с другой стороны к парализованному броненосцу устремился тяжелый корабль Змеев. Ему наперехват вышла малая боевая ладья. Она явно не могла соперничать с ним в огневой мощи и, стремительно наращивая скорость, шла на таран.

Подлетая, Военег открыл прицельный огонь, один за другим уничтожая истребители противника. Спаренные мелкокалиберные пушки белградских кочей-истребителей рвали на куски тушки «шустриков». Заметив новую угрозу, те бросились врассыпную...

Модифицированный и явно автоматически пилотируемый истребитель остался в гордом одиночестве. Он был перед ним. Достаточно нажать на гашетку, но Военег внезапно понял, что железноликие только этого и ждут. Несмотря на то что он видел последствия расстрела истребителя-ловушки, инстинкт боевого летуна прямо верещал ему утопить гашетку. Перед ним находился беззащитный враг, его надо уничтожить. Во что бы то ни стало.

Спохватившись, Военег задрал штурвал и прошел над «пузаном», не причинив ему вреда. Разворачивая машину, он думал о том, как уничтожить ловушку, не причинив вреда своим. Облако так и так выплеснется в пустоту и будет притянuto к ближайшему объекту, так что засорять оперативный простор нельзя. Но и оставлять эту ловушку нетронутой тоже нельзя. На полном ходу «пузан» приближался к ослепленному «Искоростеню». Протаранит и без того потрепанное судно. Вот так развилка.

Военег стиснул от злости зубы, лихорадочно соображая и перетасовывая варианты дальнейшего развития событий. Пока что он видел только одно: надо приказать Олегу уходить подальше и издалека взрывать пузана. Дострелить должен. Выплеснувшееся облако будет притянuto к ближайшему объекту, а пока им является исковерканная металлическая конструкция, находящаяся в свободном дрейфе. Когда-то она была вражеским истребителем.

Решившись, Военег собрался было отдать приказ, но тут увидел, как «Третий» оторвался от их звена и пошел на сближение с «пузаном».

— Куда? Отставить! — взревел по каналу внешней связи Военег.

Но Олег его то ли не слышал, то ли не желал отвлекаться. Для себя он уже все решил.

— Ластивка, что он делает?! — возник в голове голос Радомира, полный боли и страха. — Светлые боги, что же он делает?! Командир, останови его! Останови!

— Шестой, отставить панику! Прекратить сопли на штурвал наматывать! — резко окрикнул он Радомира и, смягчившись, добавил: — Я ничего не могу сделать. Прости. Он сам так решил.

Между тем «Третий» подошел вплотную к модифицированному истребителю и открыл огонь из двух спарок. «Пузан» взорвался сразу же, высвобождая серый густой туман, который мгновенно накинута на боевой коч Олега, обволок его сплошным непроницаемым коконом.

С замершим дыханием Военег наблюдал за дальнейшим развитием событий. Он понимал, что Олег обречен, но все-таки надежда еще теплилась у него в душе.

Внезапно включилась внешняя связь, и множество голосов зазвучали одновременно. Ужасная какофония. Такое ощущение, что он оказался на базарной площади, куда завели какую-то диковинку и на всех точно не хватит. Наконец, ему удалось разобрать отдельные сообщения, и волосы на голове зашевелились:

— Внимание! Всем!!! Говорит «Коловрат»! Мы атакованы неизвестным оружием... Ничего не видим, не можем двигаться... и стрелять.

— Это говорит «Варяг»! Мы подбиты... Видимость — ноль! Неизвестное оружие...

Их были десятки... разных голосов от молодых и бойких, наполненных страхом перед смертью, до суровых, прокопченных воинской службой, принадлежащих явно ветеранам. И все докладывали об атаке неизвестным оружием и смерти всех систем корабля. Военег резко перенацелил следящие камеры и вывел полученные данные на экран. Приблизил

изображение и ужаснулся.

Это было похоже на полный разгром. Основные силы самураев даже не вступили в бой. Они рассредоточились в пространстве и подкрадывались к боевым ладьям и броненосцам княжества, которых всю обрабатывали «шустрики», подставляя под точные удары пушкарей «пузанов», начиненных густым, ядовитым для технической начинки туманом. Обездвиженные и ослепшие ладьи белградцев оказывались легкой добычей для врага. Вот первый корабль супостатов прошил таранным носом борт «Варяга» и замер неподвижно. Вот второй проделал то же самое с броненосцем «Коловрат». Это — позор! Протараненные броненосцы могут быть взяты на abordаж. А это плен! И горше вдовьих слез то, что враг способен произвести ремонт захваченных судов и поставить их в свой строй. Позор!!!

Один за другим сильнейшие взрывы от точного попадания самурайских снарядов и торпед разорвали в клочья тяжелые боевые ладьи «Киев» и «Смолоть».

Пока только флагман держался в стороне. Его прикрывали три тяжелые боевые ладьи и несколько броненосцев, расстреливая звенья вражеских истребителей на подступах. Пушкари Змеев прицельно и намеренно били по своим «пузанам» издалека. Находящиеся в центре модифицированные истребители взрывались, а высвободившиеся вирусные облака набрасывались на корабли белградцев. Правда, невооруженным взглядом было видно, что долго так флагман не продержится. К нему уже стягивались четыре крупных броненосца самураев, время от времени выплевывая торпеды. И только чудом эти торпеды взрывались в стороне. Но это пока. Пока пушкари врага не внесут поправки в подрыве на дистантных трубках.

Когда со слезами на глазах Военег, сделав круг, вернулся на исходную, то увидел страшную картину. От «Третьего» почти ничего не осталось. Облако съело коч, словно особая едкая кислота. И, закончив с этим, самоуничтожилось. В пустоте плавали только фрагменты обшивки корабля, которыми по какой-то неведомой причине облако побрезговало.

Ярость ослепила Военегу. Он с места разогнал машину до устрашающей скорости. Краем глаза он видел, что «Шестой» следует за ним. «Ластивка» ворвалась в боевые порядки Змеев, занятых добиванием смертельно раненной «Искоростени». Военег понимал, что боевой ладье и ее экипажу уже не поможешь. Но он просто не отдавал себе отчет в том, что делал в эти минуты. Его вели за собой слепая ярость и праведный гнев. Гашетка под рукой, казалось, скоро расплавится, так сильно он на нее жал. Один за другим взрывались «шустрики» Змеев. «Ластивка» упорно совершала заходы на врага. И с каждым разом все меньше оставалось подвижных целей. Но и боекомплект подходил к концу, а вместе с ним и запас топлива.

Где-то рядом в поте лица трудился Радомир, круша ненавистного противника. Военег не видел, но чувствовал его присутствие, когда взрывался то один, то другой «шустрик», особо сильно мешающий «Ластивке». Миг отрезвления наступил внезапно, когда у него на глазах коч Радомира вознесся к праотцам огненным фонтаном, попав под перекрестный огонь сразу двух змеиных «шустриков».

Военег, конечно, отомстил убийцам, взорвал обе машины. Только вот беду это уже не поправит. Сегодня он потерял двух друзей. Сразу двух. Все боевое звено вышло из строя. Теперь он воин-одиночка. А одиночки в их нелегком ремесле долго не живут. Ну что ж, он не боялся смерти. Сейчас он ее даже страстно желал.

Военег устремился было к кипящему рядом бою, но не долетел до цели. Приборы взвыли в один голос, предупреждая летуна, что ресурс машины близится к нулю. Снарядов и топлива для продолжения почти не осталось. Следует идти на дозаправку.

Военег взвыл от злости.

Он попытался вызвать «Капкан», но космос встретил его молчанием. Никто не отзывался на его призыв. Военег развернул коч и направил его к месту дислокации материнского корабля. Но на его месте кружились в пустоте тысячи обломков. Все, что было когда-то грозной тяжелой боевой ладьей.

«Это конец, — злорадно подумал Военег. — Ну, ничего, вы меня так просто не

возьмете...»

Он выбрал ближайший вражеский корабль и собрался было уже бросить «Ластивку» в таранную атаку, когда по каналу внешней связи пришло сообщение:

— Коч, позывной «Ластивка»! Вас вызывает стяжник Ставр! Прием?! Слышали вашу проблему. Готовы принять на борт! Прием?!

Сигнал исходил от отступающей боевой ладьи, которая еще совсем недавно обороняла флагман Второй армии.

Не раздумывая, Военег направился ей навстречу. «Ластивка» вошла в гостевой шлюз. В это время боевая ладья стяжника Ставра не прекращала движения. Посадив коч на палубу, Военег включил разгерметизацию салона и стал выбираться из кабины. Его всего трясло, словно в лихорадке. Шлюз закрывался, отрезая его от бескрайнего, ослепительно прекрасного и в то же время такого убийственного Пространства. А со всех сторон к нему спешили механики и медики, готовые оказать необходимую помощь.

«И все-таки солнце за нас!» — подумал Военег.

* * *

Воевода Святослав Хлудовский неподвижно восседал в командирском кресле и неотрывно смотрел на следящие экраны. Изредка он отдавал короткие, рубленые приказы, корректируя работу слаженных корабельных команд, только и это не помогало. По всему было видно, что этот бой княжество проиграло. Что бы они ни делали, какой бы тактики ни придерживались, самураи одержат верх. Их чудо-оружие, неизвестной технологии вирусное облако, лишило белградцев возможности сопротивляться. И как ни крути, сражение проиграл он — воевода Хлудовский. Кто будет слушать его сказки про новое оружие врага? Кому нужны его оправдания? Победителей не судят, а пораженцев не прощают. Чудо-оружие — будь оно проклято! Куда смотрят боги?!

И откуда оно взялось на его голову? Ведь еще недавно гремели бои в этом секторе и страшилища ничего такого не применяли. Вот же додумались, греховное отродье. И все на его голову. Что ж, сам, старый дурак, виноват, ты хотел войны. Нате, получите и распишитесь. Подвигов и вечной славы захотелось. Будет тебе теперь вечная слава. Уж теперь точно его никто не забудет, а этот бой будут изучать в учебниках по стратегии и тактике во флотских училищах. Какой позор!

Воевода сейчас был похож на черный могильный камень. Он наблюдал за гибелью своей армии, и ни один мускул не дрогнул на его лице. И врагу не пожелаешь пережить такое. Сотни тысяч людей, родных, братьев по оружию, гибли у него на глазах, и он бессилен был чем-либо помочь им.

О полном разгроме Второй армии надо было доложить в Воинский приказ, но Святослав Хлудовский не мог этого сделать. Вот уже битый час дальняя связь не работала. Он приказал связистам непрерывно повторять вызов, но не верил, что у них что-то получится. Скорее всего, проклятушие Змеи успешно глушили все попытки дальней связи. Но воевода должен был предупредить Воинский приказ о разгроме армии, а главное — сообщить о новом чудо-оружии самураев.

Воевода вызвал командира одной из легких боевых ладей охранения. Им оказался стяжник Ставр. Воевода распорядился на полных спешить к княжеству и сообщить обо всем, что они видели здесь, в секторе, а главное — не забыть о вирусных облаках. Ставр принял приказ воеводы, обещал исполнить, хотя по голосу было слышно, что отступление пришлось ему не по душе.

Теперь Святослав Хлудовский наблюдал за удаляющейся ладьей, понимая, что это конец. Осталось жить совсем чуть-чуть. Стало быть, надо подороже продать свою жизнь.

Черный могильный камень пришел в движение. Воевода поднялся из кресла и рывкнул по каналу внешней связи:

— Внимание, братья! Полный вперед. Все орудия к бою! За отцов и дедов! За

княжество — огонь!

Глава шестая Потери

Нет горше той утраты, которую нельзя оплакать...
Белградская поговорка

С утра небо заволокли серые непролазные тучи, и зарядил густой холодный дождь. Казалось, сами боги оплакивают безвременную кончину князя...

Воевода Зорян Кнут стоял возле стрельчатого окна княжеского терема и взирал на мостовую, где еще несколько часов назад кипело сражение и падали мертвые тела соратников. Сейчас ничто не говорило о разыгравшейся нынешней ночью трагедии. Разве что многочисленные дружинники, затянутые в боевые доспехи, при оружии, патрулировавшие территорию детинца, да черное пепелище, бывшее некогда баней, в которой не раз доводилось воеводе париться в компании князя и близких.

Воспоминания захлестнули Зоряна, и он крепко стиснул зубы, чтобы не пустить слезу. С Ярославом они вместе выросли. Отец Зоряна, воевода Яробор Кнут, возглавлял личную охрану прежнего князя Мстислава Всеволодовича. И отроком Зорян дневал и ночевал на территории детинца. Немудрено, что, встретившись, мальчишки очень быстро сдружились, так что потом от их колобродов порой гудел весь детинец. Если бы не высокое положение отцов, то уж давно бы бабки с пестунами вооружились бы розгами да отхлестали бы озорников, чтобы потом неповадно было. Вон, даже баню в свое время чуть было не спалили, а вот поди же, почитай тридцать с лишком лет потом простояла, чтобы принять свою судьбу от вражеского лихоимства. Друзья выросли и встали плечом к плечу во главе княжества. Теперь же что-то оборвалось в душе... там словно пропасть, черная пустота. Этой ночью он не князя потерял, а друга близкого, частицу своего детства, и смириться с этим было очень не просто. Кто-то обязательно за это ответит. Кнут поклялся, что не успокоится, пока не найдет всех виновных и не перебьет, как бешеных собак.

В дверь настойчиво постучались и, не дожидаясь разрешения, в княжеский приемный покой вошел Ждан ур-Зор, по-военному чеканя шаг. Не доходя до воеводы, он остановился, вытянулся в струнку и застыл, ожидая, когда воевода почтит его своим вниманием.

— Докладывай, — приказал Кнут, не оборачиваясь.

Ждан прокашлялся и заговорил:

— По вашему распоряжению в детинец прибыли дознаватели из Тайного приказа. Мы заняли комнаты первого этажа и сейчас ведутся пристальные допросы всех уцелевших дружинников-рынд, несших караул этой ночью. В допросах участвуют штатные ведуны. В усиление им мы запросили у Совета еще и волхвов. Вскоре они должны прибыть.

— Как уроды пробрались в детинец? — ошпарил вопросом воевода.

— Мы пытаемся выяснить этот вопрос. На данный момент это задача номер один. Но пока ясности нет. Думается мне, что без крысы в тереме не обошлось. Почитай не в скорняцкую лавку тати забрались, а к самому князю в покои, да еще так удачно...

Кнут резко обернулся и сверкнул глазами. От этого взгляда тут же хотелось стать очень маленьким и спрятаться куда-нибудь в самую глухую дыру, чтобы никто никогда не нашел. Уж очень свиреп был воевода Зорян Кнут.

— Удачно, говоришь, — тихо произнес он, но уж лучше бы орал. От этого шепота кровь в жилах в студень превращалась. — Ты понимаешь, что говоришь-то, собака ты бешеная. Нашего князя убили! Вороги под самым носом шмыгают да творят бесчинства, а ты говоришь, что они удачно?! Да я тебя вместе со всеми нерадивцами в дальнем остроге сгною. Ты у меня вместо теплого места в приказе на передовую отправишься. Там свою глупость кровью искупать будешь.

— Повинен, боярин. Каюсь, глупость сморозил, — тут же ответил Ждан ур-Зор, низко

кланяясь.

Воевода хоть и крут на расправу, но отходчив. Понятное дело, нервы сейчас у всех взвинчены до предела, а уж про Кнута и говорить нечего.

— Мой помощник не имеет права на глупость. Чем выше находишься и чем больше людей от тебя зависят, тем дороже обходится твоя глупость. Запомни это, голова деревянная. Надеюсь, в будущем от тебя ничего подобного я не услышу.

Воевода отвернулся к окну и замолчал, о чем-то размышляя.

— Крысу найти, коли такая водится, во что бы то ни стало. Проверить каждого человека в детинце. Справиться по семьям, друзьям, знакомым... Также установить, кто где находился на момент вторжения лжеликих. Соотнести реальное количество обитателей детинца с тем, что мы имеем на сегодня. Считать потери и живых вместе. Почему-то я уверен, что кое-кого мы не досчитаемся. Возможно, это и будут искомые крысы. Исполнять! Жду доклад о первых результатах как можно скорее.

Ждан уже хотел было развернуться, чтобы идти выполнять поручение, но боярин остановил его.

— И еще... — Кнут помолчал и добавил: — Приведи ко мне этого княжеского секретаря, который присутствовал при убийстве князя да задницу свою от пола отодрать не смог. Хочу лично допросить его. Да чтобы ведун на допросе присутствовал. Лучший из наших. Все!

Ждан поклонился и молча вышел из княжеских покоев, испытывая внутреннее облегчение.

Кнут оторвался от созерцания безрадостного пейзажа за окном и неспешным шагом направился к пустующему княжескому престолу. Он медленно опустился на боярскую скамью и, сжав в кулак бороду, крепко задумался. И было о чем.

Пустующий княжеский престол это серьезная проблема даже в мирное время. А тут еще и Змеи активизировались. Жди беды. Князь, конечно, наследников оставил. Только вот княжич Игорь мальчишка еще совсем, четырнадцать годов только исполнилось. Ему не государством управлять, а девок дворовых тискать. Какие уж тут серьезные дела государевы. Да и война теперь...

Кнут болезненно поморщился. Ослабление княжеского престола может привести и к серьезному внутреннему разброду. В боярской думе и без этого согласия не было. Славные рода боярские вечно враждовали друг с другом. Вятские гордились своим чистокровием и презрительно косились в сторону новиков и нордусов. Они были первыми руссами и сохранили чистоту веры и происхождения, не допустив к себе иную кровь. Вот ты подумай, дурни какие. Ну и где же ты сейчас во мраке веков отыщешь чистоту своей крови? Говорят, что и баб у руссов почитай совсем не было. Чистота! Тьфу. Воевода едва сдержался, чтобы не плюнуть на пол.

Новики гордились тем, что их предки испокон веков жили на этой планете. Они корнями были связаны с этой землей. Многие из них становились ведунками и волхвами, поскольку Сила была в их сердцах с рождения. Небольшая часть новиков помнила и хранила в себе тайну перерождения предков. Оборотничество было редким явлением, которое государство пыталось поставить на свою службу.

Нордусы кичились тем, что ведут роды от древнего вымершего народа, хранителей многих древних знаний. Каждый был славен и хранил верность своим интересам. В последние годы противостояние между боярскими родами обострилось. К чему может привести мальчишка на троне? Как тут заставить бояр закусить удила да двигаться в ту сторону, не куда им самим угодно, а куда для государства полезнее.

Воевода понимал, что князю Игорю без советников и опекунов не сдюжить. Осталось только понять, кто станет напутствовать князя на путь истинный, чтобы на первых порах ошибок не наделать. В нынешнее военное время любая ошибка могла обернуться катастрофой. По закону мать княжича Милава должна стать его соправителем. Только вот будет ли с этого толк. Бабское ли дело государством управлять, да к тому же в разгар войны.

Да и сил у Милавы не хватит. Слишком много горя навалилось на нее за последнее время. Мало того, что любимый муж убит, так еще и старшая дочь погибла. Тут как бы умом не тронуться, а не за государство радеть. Можно было бы, конечно, сыграть на желании отомстить. Только вот месть не лучший советчик в воинском искусстве. В горячке можно таких делов наворотить.

Кнут поднялся и направился к выходу. Надо проверить состояние княгини и поддержать ее. Заодно посмотреть на юного князя. Ему скоро на престол взойти предстоит. Понять бы, чем он дышит.

Воевода Зорян Кнут был старым и умным сановником. Он понимал, что в сложившейся ситуации ему предстоит взять на себя все бремя ответственности за молодого князя. Даже если наместником юного князя станет его мать Милава, фактически учить князя управлять государством предстоит ему.

Кнут вышел из княжеских покоев. Не обращая внимания на вытянувшихся перед ним дружинников из Тайного приказа, он пошел тяжелым шагом вперед по коридору. За тяжкими думами он и сам не заметил, как дошел до крыла терема, где обитала семья покойного князя.

На этой половине здания пройти было трудно от толпившихся дружинников, стрельцов, гридней... Эту ночь все запомнят надолго. Черное крыло позора теперь коснется многих. Возможно, и самого Кнута. Они потеряли не только князя, но и его старшую дочь. Никогда доселе руссы не знали такого поражения. Даже в стародавние времена, когда княжество раздирали междоусобицы. Кнут был готов к всенародному попреканию. Да и что ему людская молва, когда он сам корил себя больше других. Огонь ненависти и злобы сжигал сердце. Он гнал от себя поспешные мысли. Месть должна созреть, как хорошая брага. А торопыгство удел юнцов!

По личному распоряжению Кнута были предприняты повышенные меры предосторожности — усилены все караулы. Нельзя было допустить даже возможность нового удара. Тщательно обыскивалась не только вся территория детинца, но также и улицы города. Возможность того, что кто-то из врагов или их пособников мог затаиться и уйти от праведного возмездия, была высока.

Перед лицом боярина услужливые дружинники распахнули двери покоев княгини. Раньше о таком даже помыслить было нельзя, чтобы без приглашения и одобрения князя, даже без стука вторгнуться на эту территорию. Сейчас было не до любезностей. К тому же Милава была не одна, а в окружении практически всего уцелевшего женского населения терема. Бабки, мамки-няньки и прочая челядь набилась в просторные покои княгини, и, казалось, занимались каждая своим делом. В этом кажущемся хаосе все-таки была слаженность и осмысленность. Кто возносил богам молитву за опочившего князя и его дочь. Кто в отдельной комнатке хлопотал над телом убиенной княжны, приготавливая ее к погребальному костру. Отдельное место в покоях занимала огромная кровать под балдахином. Впрочем, пологи были откинuty. На кровати лежала княгиня Милава — краше в гроб кладут. Вокруг нее сгрудились врачеватели, о чем-то своем разговаривали, предлагали разные варианты настоев и лекарств для поддержки эмоционального и физического состояния женщины. В изголовье кровати стоял сам волхв Медун, старый мужчина с длинными белыми волосами, длинной бородой, худой, как вяленая вобла, в серых длиннополых одеждах. Он опирался на резной деревянный посох и молча смотрел на мертвенно-бледную княгиню. Детей князя не было видно. Вероятно, они находились где-то во внутренних комнатах.

Появления воеводы никто не заметил. Бабки как причитали и молились, так и продолжали этим заниматься. Только волхв скосил глаза и неожиданно ожил. Медленно, стараясь лишний раз не шуметь, он направился навстречу Кнуту.

Воевода уже очень давно не видел Медуна. Его воспитанники верно служили князю, охраняя детинец, сам же волхв вел жизнь затворника, не покидая своих покоев. Даже князь ходил за советом к нему.

— Плоха княгиня, боярин. Очень плоха, — тихо произнес волхв. — Слишком серьезный удар приняла. Теперь жить не хочет. Мы ее целебными отварами поим, только все не то. Если жить не захочет, то бесполезно все будет.

— Рано еще панику наводить, владыко. Времени мало прошло. Придет в себя. У нее сын да дочка остались. Милава сильная женщина. Справится, — твердо сказал воевода. Только вот сам он в этом не был уверен до конца.

— Я буду приглядывать за ней. Да силами своими питать. Сколько могу — все отдам. Вытянем княгинюшку, — заверил волхв. — Как же так получилось, воевода, что тати в терем пробрались да такое бесчинство учинили?

— Разберемся, владыко. Только вот и тут помощь твоя потребуется. Мне все твои ведуны нужны будут. Каждый вершок детинца следует тщательно осмотреть. Пока что мы даже не знаем, как Змеи к нам проникли. Каким ходом прошли. Не могли же они через центральные ворота, миновав «Ведунский пригляд», пройти. Разбираться будем, владыко.

— Я пока здесь нужен. Но я распоряжусь, чтобы все ведуны собрались...

— В княжеской приемной. Я лично дам им инструкции для работы. Только тех, кто уже при деле, отрывать не след. Пусть трудятся, — распорядился воевода.

— Хорошо, боярин.

— А где Игорь и младшенькая? — спросил Кнут.

— Там, в комнатах. С ними ведун Морожич беседует. Помогает справиться с бедой. Только вот как с таким справиться — ума не приложу.

Кнут кивнул, бросил быстрый взгляд на княгиню и произнес:

— Помоги ей, владыко. Мы не можем еще и княгиню потерять.

— Сделаю все, что в моих силах, боярин.

Кнут направился во внутренние покои в поисках юного князя и его сестры. Вскоре он нашел их. Князь Игорь стоял возле портрета отца и, стиснув зубы, хмуро его разглядывал. Его рука сжимала рукоять меча. Сестра сидела в углу на стуле и безучастно смотрела в пол. Рядом возвышался рослый ведун с косматой медвежьей гривой волос. Одним только своим видом он мог внушить врагу ужас. Воеводе доводилось с ним работать. Казалось, ведун выточен из единой глыбы льда. Может, за это его и прозвали Морожич. Несмотря на такой страшный вид, не было лучшего врачевателя душ, чем Морожич. Может быть, за исключением его учителя, волхва Медуна.

Когда воевода вошел в комнату, ведун о чем-то говорил. И его монотонный голос мог бы и безумца усыпить.

Заметив Кнута, Игорь резко обернулся и сверкнул глазами.

«До чего же на отца похож», — подумал воевода.

— Приветствую тебя, княжич. Прими мои соболезнования. Тяжелая утрата нас постигла, — произнес Кнут, склонив голову в знак скорби.

— Утрата, говоришь! Мой отец — мертв. А твои люди ничего не сделали, чтобы это предотвратить, — хлестнул обвинениями Игорь.

Кнут поднял голову и смело встретил взгляд молодого княжича. В ясных голубых глазах юноши застыли боль, непонимание и недоверие. И воевода понимал его чувства. Он тоже испытывал это.

— Я вырос с твоим отцом. Я всю свою жизнь был рядом с ним плечом к плечу. И то, что случилось, для меня очень тяжелый удар. Но мы выстоим, и выстоит княжество. Никто не мог предусмотреть такую безразмерную наглость врагов...

— А должны были предвидеть! — уже менее зло заявил Игорь.

— Должны были, — согласился воевода. — Прав ты, княжич, должны были. Но вот только сделанного назад не воротишь. Мы накажем виновных. Если ты считаешь нужным, я тоже понесу наказание. Но сейчас надо о делах государственных думать. Я пришел к тебе не только ради соболезнований, но и о будущем поговорить. Твоим и Белгородского княжества. Со смертью Ярослава Мстиславовича тебе предстоит взойти на престол. Большая ответственность для тебя. Время нынче беспокойное. Любой шаг неверный может

обернуться не только для тебя, но и для всей земли руссов катастрофой. Ты должен понимать это.

Воевода пристально посмотрел на княжича. Кнут увидел сейчас в нем не мальчика, но мужа, пускай и юного годами. Может, не теперь, но очень скоро он сможет стать правителем, достойным отца. Ярослав вступил на престол тогда, когда Белгородское княжество и не подозревало об Империи Змея Рё, осваивало космическое пространство, в надежде разгадать загадки звезд. То было спокойное время, не чета нынешнему.

Игорь выдержал его взгляд, а когда игра в гляделки закончилась, отвернулся. Плечи его поникли. Понимал мальчишка, что игра в солдатики закончилась, теперь взрослая жизнь наступает, да и вовсе не такая безоблачная, полная романтики и приключений, какой казалась еще несколько дней назад.

В углу тихо заплакала Купава, младшенькая дочка Ярослава.

Ведун Морожич неслышно подошел к ней, опустился на колени перед хрупкой девочкой и возложил руки ей на голову, словно пытался спрятать в своих больших ладонях. Он обернулся к Кнуту, нахмурился и произнес:

— Не время сейчас, воевода, слова мудрые глаголить. Сейчас время скорби. Завтра будешь о делах государственных беседы вести.

— Прав ты, Морожич. Ухожу я. Помоги им.

— Постой! — обернулся Игорь. Некоторое время он молча разглядывал неподвижную фигуру воеводы, словно оценивал, а потом произнес: — Я хочу, чтобы ты был рядом, когда я взойду на престол. Ты поможешь мне?

— Воля твоя, княжич. Помогу, — тут же ответил Кнут.

Ни говоря больше ни слова, он развернулся и вышел.

* * *

Хорошее это дело, крысу найти. Только вот сказать — одно, а сделать — другое.

Покинув княжескую приемную, Ждан ур-Зор спустился на первый этаж на хозяйственную половину, занятую служащими Тайного приказа. В большом зале, служившему теперь передней,²³ было полно народу. Здесь ожидали своей очереди предстать перед дознавателем обитатели детинца. Не протолкнуться было от собравшейся дворовой и домово́й челяди во главе с тиунами, ну и, конечно, ожидали тут и дружинники-рынды, стоявшие в эту ночь на охране детинца. Набралась довольно пестрая компания. Зал находился под охраной гридней из Тайного приказа. Покинуть его можно было только после встречи с дознавателем. И из комнат, где проходили допросы, были две дороги. Либо на волю через черный ход в терем, либо через тот же ход, только в цепях и напрямик в подвалы Тайного приказа, где опытные каты продолжают дознание более активным способом.

Ждан чувствовал, что сегодня в Тайном приказе свободных подвалов не останется. Ведь не важно, какой проступок совершил служивый. Любая незначительная на первый взгляд халатность могла привести к катастрофе. Так что и заснувший на посту, и «крыса» окажутся вскоре соседями. Правда, Ждан очень уж сомневался, что им удастся найти заснувших, скорее всего они погибли в первые же секунды нападения.

Ждан огляделся по сторонам, но, не заметив ни одного знакомого лица, подошел к ближайшему дружиннику:

— Где мне Колуна найти?

— Так, кажись, в третьей допросной он, — отпрапортовал дружинник.

Ждан кивнул и направился в третью допросную. Ею оказалась бывшая кладовая, откуда вынесли мешки с мукой и зерном, поставили стол, два стула и приступили к работе. Здесь трудился Колун, лучший заплочных дел мастер Тайного приказа, особым

---

²³ *Передняя* — приемная.

распоряжением воеводы Зоряна Кнута назначенный ответственным за проводимые в детинце допросы.

Колун сидел за столом, подперев голову руками. Вид у него был очень несчастный и утомленный. Больше никого в комнате не было. Предыдущего подопечного, кого-то из охраны, только что бесчувственного вынесли под руки.

— Приветствую тебя, — поздоровался с порога Ждан. — Есть какие-нибудь результаты?

Колун поднял косматую голову и устало посмотрел на Ждана.

— Здрав будь, — буркнул дознаватель. — Ну нет никакого покоя... Только на пять минут прикорнул. Я ведь почитай уже часов двадцать не спал. Только после работы собирался в кровать забраться, чарку выпил за здоровье, а тут такая свистопляска началась. Работы невпроворот и непонятно, когда это все закончится. И я наконец-то смогу хотя бы часок вздремнуть. Чего хочешь-то, боярин?

— А ты, я смотрю, как обычно в настроении, — улыбнулся Ждан. — Какие результаты? Что узнать удалось?

— Да толком-то ничего. Служба, конечно, в детинце шла из рук вон плохо. На мой взгляд... Отчет о работе охранной сотни будет отдельно составлен. Тут столько ляпов и просчетов, что все их перечисления заняли бы времени до утра. Одно сказать, что два из пяти постов находились в момент нападения не на своем месте. Это уже беда. Камеры слежения оказались каким-то чудесным образом частично отключены, частично засвечены. Записи все белые, словно снег. Охранная сигнализация внешнего периметра детинца вообще показывает, что никто посторонний его не пересекал. Так что пока мы топчемся на одном месте.

— Ну, не могли же злодеи по воздуху перенестись.

— Не могли. Воздушный периметр также чист все отчетное время.

Ждан помотал головой.

— Ничего не понимаю. Сказка какая-то. Быть такого не может. Они должны были как-то сюда проникнуть. Нужно найти дыру. Вероятно, кто-то изнутри им помогал. Так что всех нарушителей из подвалов не выпускать, пока «крыса» не отыщется. Когда установим, каким образом Змеи проникли в детинец, нужно будет выяснить, как они попали на планету и где скрывались все это время.

— Да яснее ясного все. Господине, не изволь беспокоиться. Сделаем все в лучшем виде.

— Где воеводу Стояна Воронца допрашивают? — спросил Ждан. Он неспроста интересовался главой ближней княжеской дружины, которая отвечала за охрану детинца. С ним побеседовать в первую очередь надо. Одно дело дознаватели, другое — личное впечатление составить. Как один из лучших служивых смог так опростоволоситься.

— Его первым делом допросили. Ничего интересного он нам рассказать не смог. Сейчас помогает работе наших дознавателей. Кажется, ты его можешь найти на кухне. Там он себе штаб устроил и всем руководит.

Колун неопределенно махнул куда-то рукой, но Ждан и сам неплохо разбирался в хитрой планировке княжеского терема, чтобы без посторонней помощи найти нужное помещение.

Приказав Колуну немедленно сообщать ему обо всем интересном, Ждан покинул допросную комнату и отправился на поиски Стояна Воронца. Он нашел его там, где и сказал Колун. Воевода выглядел весьма подавленным, но, несмотря на все переживания последних суток, он усиленно работал. На данный момент он сидел во главе большого кухонного стола и, засучив рукава, выслушивал доклад одного из своих подчиненных. Завидев Ждана, Воронец заметно оживился и поднялся из-за стола:

— Здравия тебя, Ждан ур-Зор.

— И я тебя долгих лет, воевода.

— Скоро уже бывший воевода. После всего случившегося не могу я больше за охрану

детинца отвечать. Так что готов... хм, понести всю тяжесть наказания.

Не обратив внимания на слова Воронца, Ждан спросил:

— Удалось узнать, как эти страхолюдины проникли на территорию детинца?

— Точно пока сказать не могу. Но мысли есть. Мы сопоставили количество мертвых и выживших охранников со штатным расписанием и обнаружили некоторое расхождение. Двадцать дружинников пропали. Вот полный список.

Стоян Воронец протянул Ждану лист бумаги. Ур-Зор мельком проглядел пронумерованный список. Имена и фамилии, которые ему ничего не говорили. Ни один из пропавших не принадлежал к знатым фамилиям. Так, захудалые обедневшие роды. Но это еще ни о чем не говорило.

— И что из этого следует?

— По моему приказу мне доставили из архива личные дела исчезнувших. Я их уже проглядел. В принципе ничего интересного. Их объединяет только одно. Недавно они были в увольнительной в Белграде. Вернулись накануне дежурства, а потом испарились.

— Очень любопытно.

Ждан чувствовал, что в этом списке и кроется тайна появления лжеликих на территории детинца.

— В городе эти дружинники были в среднем двенадцать часов. Я считаю необходимым отправить по месту их пребывания в городе разыскников, — твердо заявил Воронец.

— Зачем это нужно? — спросил Ждан, смерив оценивающим взглядом воеводу. — Ведь они уже вернулись из увольнительной и пропали на территории детинца?

— Я считаю, что эти люди были похищены или убиты в городе, затем под их личиной Змеи проникли на территорию детинца и нанесли удар.

— Как такое возможно? — удивился Ждан.

— Технологии Змеев нам доподлинно неведомы. Мне сложно сказать, как это было технически, но я считаю, что мы должны проверить все версии, и эту в том числе.

— Ага, — кивнул Ждан, — особенно если учесть, что никаких других версий у нас больше нет. Но, даже если Змеям удалось замаскироваться под наших рынд и как-то изменить на время внешность, то как они смогли миновать «Ведунский пригляд»?

— Это очень интересный вопрос. И у меня на него нет пока внятного объяснения. Ведуны работают с особым психоэнергетическим слепком человека. Каждый работающий или имеющий допуск на территорию детинца человек имел особую метку, по которой ведуны отличают чужого от своего. Если Змеям удалось подделать внешность наших воинов, то почему бы им не подделать метку.

Ждан с минуту помолчал, оценивая услышанное.

— Как-то это все уж слишком сложно. Но в любом случае продолжайте двигаться в этом направлении. Можете взять необходимое количество разыскников из Тайного приказа и отправить их в город. Пусть все разузнают.

Стоян Воронец просиял. У него появился шанс хоть немного искупить свою вину. И ведь стыдно было признаться даже себе, что в последнее время он совсем позабыл о службе. Домашние проблемы: неизлечимо больная жена, требующая постоянного ухода и внимания, остро переживающий из-за этого сын-подросток, вконец отбившийся от рук. Какая уж тут служба. Разрываясь между долгом и семьей, он отдал предпочтение последнему. Большую часть своих обязанностей он переложил на плечи подчиненных, сам же периодически сквозь пальцы приглядывал за происходящим. В итоге и получилась такая солянка — вездесущий русский авось аукнулся хуже некуда. Хоть в петлю! Но в петлю воевода не хотел. Хотя бы из-за сына... В своих самых страшных снах он уже похоронил жену и даже, грешным делом, поглядывал на...

Но чудовищно нависший над судьбой и карьерой камень необходимо было столкнуть в другую сторону. А посему немедленно изыскать главных виновников — лазутчиков врага!

Ждан вышел из кухни. Воронец уже не обращал на него внимания. Он развил бурную деятельность, формируя поисковые команды. Ур-Зору оставалось найти друга детства,

княжеского писаря и советника Буляту Рыжего, который по странному стечению обстоятельств оказался свидетелем обоих ужасных убийств.

Для этого Ждан вернулся к Колуну, который уже в компании с незнакомым ведуном трудился над очередным бойцом охранной дружины. Вызвав Колуна в коридор, Ждан сразу же спросил, где найти Буляту Рыжего.

— Зря ищешь, — хмыкнул Колун.

— В смысле? — насторожился Ждан.

— Ранен он и вдобавок головой тронулся. Мы над ним битый час трудились, а он ни «му» ни «кукареку». Чушь какую-то бессвязную несет. Если есть желание, можешь почитать. Все записано.

— Он смог рассказать, как князя убили, как Сбыславу?

— Ничего толкового. Даже ведунам разговорить не удалось. Мы вызвали волхва, так он сказал, что на Рыжего трагедия произвела такое впечатление, что он рассудком помутился. Одно ясно, что он к убийствам отношения не имеет. С железномордыми не сотрудничал, ни в чем не замешан. Это мы уже несколько раз проверили.

— Так где он теперь?

— В центральную городскую лечебницу отправили вместе со всеми пострадавшими в ночном бою. Понятное дело, под усиленной охраной.

— Спасибо. Помог. Не смею больше отрывать, — разочарованно сказал Ждан.

Колун окинул взглядом ожидавших своей очереди на допрос людей, тяжело вздохнул и скрылся за дверью.

В больнице сейчас делать нечего. Если уж волхв сказал, что Рыжий тронулся умом, то, стало быть, ничего толком из него не вытянешь. Так он и доложит воеводе Зоряну Кнуту. А вот когда основной поток работы в детинце схлынет, надо будет все равно в больницу съездить. Туда же отправили и раненого Волкова. За ним сейчас присматривал ведун Чеслав, который сильно огорчился оттого, что не участвовал в ночном сражении и не смог прикрыть друга. Во время разведывательной миссии Чеслав выложился по полной и погрузился в восстановительный сон. Так что он все ночное побоище банально проспал.

От размышлений Ждана отвлек настойчивый призыв по внутренней связи. Отжав кнопку рации, он принял вызов. Поступившие новости чрезвычайно взволновали его. Как говорится, беда не приходит одна. Ждан тут же поспешил на поиски воеводы Зоряна Кнута.

* * *

Ждан нашел его в княжеской приемной. Воевода сидел за рабочим столом князя и работал с личным терминалом, куда поступали все отчеты следственных и дознавательных групп. Пускай он видел только голые цифры и факты, но все же держал руку на пульсе, хотя и предпочитал заслушивать доклады лично.

Уловив шаги, воевода поднял голову от экрана. Увидев на пороге секретаря, он свернул рабочий экран, закрыл терминал и поднялся ему навстречу.

— Слушаю тебя, Ждан. Чем хорошим порадовать можешь?

Судя по голосу, воевода еще не был в курсе случившегося. Если бы он знал все последние новости, то уже рвал бы и метал молнии. Его свирепый рык разносился бы по всему этажу, а в приемном покое было бы тесно от дружинников. Что ж, тем хуже для Ждана. Ему предстоит огорчить воеводу.

— По внутренним, своим каналам я получил сообщение, что несколько часов назад на подступах к Лаве произошло боевое столкновение Второй армии воеводы Хлудовского с войсками Черных Змеев...

Зорян Кнут внутренне напрягся. Уставился хищным взглядом на своего секретаря и шумно задышал. Кажется, сердце заработало у него втрое сильнее против прежнего.

— Ну, чего замолк. Не томи. Про твои внутренние каналы я тебя потом спытаю. Ишь, завел моду... Ну давай — говори!

Ждан набрал побольше воздуха в легкие, словно перед длительным подводным погружением, и выпалил, внутренне сжавшись в ожидании взрыва.

— Армия Хлудовского потерпела полное поражение. Сам большой воевода — погиб.

Воевода медленно опустился на стул. Силы, кажется, оставили его.

— За что же так боги ополчились на нас... — тихо произнес он.

Ждан промолчал.

Наконец, Кнут заговорил:

— Что-нибудь удалось разузнать по ночным убийцам?

— Почти ничего неизвестно. Буйслав находится в больнице. Волхвы говорят, что он разумом помешался. У воеводы Стояна Воронца появилась интересная версия проникновения врага в детинец. Сейчас проверяем.

— Проконтролируй это лично. Что еще?

— Пока все. Работаем.

— Работайте... Слышишь — работайте! — воевода вдруг подскочил к Ждану и пристально взглянул тому в глаза. — Делай что хочешь! Переверни весь Белград, да хоть все княжество, но! Найди мне татей! Чую сердцем — кто-то им подсобил джуге...

Воевода отпрянул, шумно выдохнул и вернулся за стол. Еще несколько секунд он тяжело дышал, уставившись на стол.

— Все. Можешь идти, — распорядился Кнут.

Ждан поклонился и покинул княжескую приемную. А воевода погрузился в мрачные думы. И было от чего. Как ни велика была потеря князя, но известие о разгроме Второй армии вконец расстроило Кнута.

* * *

Что же за седмица такая, что не новость, так хуже некуда. Вначале диверсия на Ельницких верфях, теперь вот убийство князя и разгром Второй армии. Куда смотрел воевода Хлудовский, что подпустил Змеев так близко к себе? Кнут был с самого начала против того, чтобы на столь ответственный пост, как командующий Второй Космической назначать штабного офицера, ни разу не участвовавшего в крупных сражениях в Пространстве. Но в Воинском приказе свои игрушки и интриги. Воевода Вадим Сечень очень не любил, когда в его вотчину совались посторонние. Князь Ярослав во всем ему доверял. Может, это и была главная ошибка.

Кнут раскрыл личный терминал. Голографический экран развернулся над рабочей поверхностью. Воевода запросил Воинский приказ, лично его главу Вадима Сеченя. Ждать пришлось недолго. Все-таки Зорян Кнут имел высший допуск, как-никак не последний человек в государстве.

На экране появилось усталое лицо воеводы Сеченя.

— Когда я должен был узнать об этом, Вадим? — тут же спросил его Кнут.

— Прости, Зорян. Но у нас такая... что не было пока возможности доклады и рапорты составлять. Не до бумажек пока. В ближайшее время я вышел бы на связь с докладом.

— Это плохо. Информацию придерживаешь.

— А ты что, нет? Когда собирался сообщить о смерти князя? — неожиданно с нотками обвинения в голосе спросил Сечень.

— Войско не должно пока ничего знать. Тем более сейчас, когда мы потерпели столь сильное поражение, — тут же твердо заявил Кнут.

— Войско ничего не узнает, это я тебе обещаю, — заверил глава Воинского приказа. — Во всяком случае, до появления официального обращения...

— Насколько серьезно положение?

— Основные силы Хлудовского разгромлены. Змеи применили неизвестное нам оружие, которое блокирует все системы связи, наведения, слежения. В общем, корабли становятся слепыми, глухими и немymi. Змеи прошли сквозь наши корабли, как нож сквозь

масло. Некоторым все-таки удалось спастись... Несколько броненосцев, легких и средних боевых ладей из-за пробоин вышли из боя. С разными степенями повреждения они направляются сейчас на соединение с Первой армией. Основной массив информации о сражении мы получили от стяжника Ставра. По личному приказу воеводы Хлудовского он отправился к нам. Также благодаря Ставру мы имеем записи с экранов внешнего обозрения, так что можем проследить за ходом боя и проанализировать его.

— Есть ли образец нового оружия Змеев?

— Нам не удалось его получить. Ждем подхода остальных кораблей. На одном из них есть образец.

— Когда они подойдут? — спросил Кнут.

— Ориентировочно часов через десять.

— Что делает прорвавшаяся армия Змеев?

— Их передовой отряд полным ходом идет к княжеству, — ответил Сечень. — Часов через восемнадцать они столкнутся с Первой армией, если, конечно, не промешкают.

— Нам срочно нужны образцы этого нового оружия. Если мы не поторопимся, то Первую армию постигнет та же участь, что и войско Хлудовского, — заявил Кнут. — Отправьте самые скоростные ладьи на перехват нашим кораблям с образцами. Для убыстрения процесса на ладьях отправьте и умников со всем необходимым оборудованием. На сборы полчаса. Задача — в спешном порядке найти способ борьбы с новым оружием Змеев. До подхода их войск мы должны знать его и оснастить каждый корабль Первой армии соответствующим оборудованием. Задача ясна?

— Ясна-то ясна. Только вот по какому праву ты командуешь? — осторожно спросил Сечень. Очень ему не понравилось, что Зорян Кнут распоряжается его Воинским приказом как собственной вотчиной.

— Вместо убиенного князя Ярослава, как ты понимаешь, будет князь Игорь. По его личному приказу я становлюсь его советником. Да и не дело в такой напряженной обстановке власть делить, Вадим. Если промешкаем, то скоро нечего делить будет, — раздраженно ответил Кнут.

— Прав, Зорян. Извини. Только я это все и без твоих распоряжений давно сделал. Быстроходы давно уже летят навстречу нашим кораблям с образцами. И на каждом лучшие специалисты. Как получим результаты исследований, я сообщу.

Кнут нахмурился. Он не сомневался в профессионализме Сеченя, только в любом случае надо все проконтролировать, чтобы потом не вышло осечек.

— Пока есть время, надо активизировать работу на орбитальных верфях. Посмотри, сколько у нас там собирается кораблей и на какой степени готовности они находятся. Все наиболее собранные единицы срочно доукомплектовать и отправить в строй, на поддержку Первой армии, — распорядился он.

— Будет сделано, Зорян. Что-нибудь еще?

— Доставь ко мне в Тайный этого стяжника Ставра. Побеседовать бы с ним, узнать из первых уст, так сказать, — замаскировал под просьбу приказ Кнут.

— Хорошо. Через час он будет у тебя.

Не дожидаясь новых распоряжений и не прощаясь, Сечень разорвал соединение.

Кнут проверил последние новости. Ничего интересного не наблюдалось. Он закрыл терминал, убрал его в карман и направился на выход. Надо было поспеть в Тайный приказ и подготовиться к приему стяжника Ставра.

* * *

Кнут не мог сказать, почему его так заинтересовал Ставр. Дознание можно было доверить и другому человеку, только вот поговорить с очевидцем одного из самых крупных космических поражений славян он желал сам.

Оказавшись в Тайном приказе, он прошел в свой кабинет и распорядился доставить

стяжника, как только тот появится на пороге учреждения. Связался с Жданом, который в этот момент отправился в Белгород и участвовал в проверке версии воеводы Стояна Воронца. В подробности Ждан не вдавался, да и Кнут не выпрашивал. Приедет — доложит.

Кнут занялся составлением «Обращения к народу по случаю трагической гибели великого князя Ярослава Мстиславовича». Первым делом этот документ должен быть разослан всем боярам и главам родов, после чего будет обнародован по общекняжескому телевидению. Также в этом документе нужно было упомянуть наследника убиенного князя и назначить дату вступления на престол. Пока же княжич Игорь не взял в свои руки бразды правления, временщиком назначалась княгиня Милава. Кнут заглянул в календарь. Игоря надо в кратчайшие сроки возвести на престол. Нет времени рассусоливать да соблюдать все традиции и формальности. Тут Змеи в спину дышат.

Воевода работал над «Обращением», когда ему доложили, что стяжник Ставр прибыл. Вслед за этим в кабинет Зоряна Кнута вошел высокий рослый мужчина в сопровождении пяти гридней.

— Здравия желаю! — Стяжник, завидев начальство в чинах, тут же подобрался.

— Проходи, Ставр. Располагайся. Все свободны, — распорядился Кнут.

Дружинники поклонились и вышли. Ставр нерешительно застыл на пороге.

Воевода поднялся из-за стола, подошел к стяжнику, приобнял его одной рукой за плечо и уверенно направил в сторону гостевого кресла. Ставр подчинился и аккуратно опустился на край, словно это и не кресло вовсе, а орудие пыток.

Что ж, эта робость неудивительна. Простой стяжник перед лицом всесильного главы Тайного приказа. Как тут не заробеть.

Кнут вернулся за свой рабочий стол и посмотрел на гостя. Он ничего не мог с собой поделать. С первого взгляда Ставр ему не понравился. Было что-то неприятное в этом человеке. Вроде бы обычный молодой человек, только вот взгляд у него равнодушный, отсутствующий. Рыбий такой взгляд, словно ему все равно, что с ним будет сейчас. И ведь неправильно он о нем сначала подумал. Ставр нисколько не робел перед начальством. Ему было просто все равно. И в этом равнодушии было какое-то сумасшедшее отчаянье.

— Откуда ты взялся, молодой человек? — неожиданно спросил Кнут.

Ставр удивленно посмотрел на воеводу.

— С позиций! — ответил он.

Воевода усмехнулся. Хороший ответ.

— Расскажи о себе.

— Да нечего особо рассказывать. Родился в семье смердов. Поступил в услужение к купцу Косматому, лет десять ходил у него в приказчиках. Потом завел свое дело...

— Удивительная история для профессионального военного. А в войско-то как попал?

— Так это. Добровольцем пошел. Решил, что негоже в стороне стоять, когда такая беда в княжестве приключилась, — по-простому ответил Ставр. Только вот под этой напускной простоватостью скрывалось что-то... но воевода никак не мог уловить — что. Да и имя его откуда-то воеводе было знакомо, только Кнут никак припомнить не мог. Надо будет у Ждана спросить. Пусть проверит.

— Это ты молодец. Это ты правильно решил. Расскажи о битве возле Лавы. Только во всех подробностях. Хочу знать точку зрения очевидца. Да и это чудо-оружие... О нем тоже не забудь рассказать, — попросил Кнут. Почти ласково попросил, хотя мог и приказать.

Ставр поудобнее устроился в кресле и приступил к рассказу.

Воевода внимательно слушал, стараясь не упустить ничего важного. Ничего... и все же было в этом стяжнике что-то...

Зорян приложил ладонь к виску, слегка прикрыв ею правый глаз. «Нет, в самом деле, и чего я к нему цепляюсь? — подумал он. — Может, и нет за ним ничего...»

Глава седьмая

Ветер войны

Любой план можно считать идеальным, но противник все едино внесет в него свои коррективы.

Из наставлений по воинской службе

Большой воевода²⁴ Бурислав Секира был абсолютно спокоен. Он сделал все возможное, надлежащим образом подготовившись к встрече с врагом. Он сделал все... все, как учили.

Флот Первой армии стоял тремя эшелонами по высоте, на расстоянии версты друг от друга. Верхний эшелон занимали самые быстрые и маневренные бронепалубные боевые ладьи. Восемь однотипных ладей проекта «Вересень» должны были контролировать верхний сектор, а в случае надобности поддержать атакой сверху.

Средний эшелон — броневой кулак ударной группы — шесть однотипных броненосцев проекта «Булава». Гроза и мощь всего княжества. Самый новейший, модернизированный недавно «Секира», уж так совпало, являлся флагманом всего флота. Уступали эти броненосцы только «Яробою», но тот еще не вошел в состав флота, да и неизвестно теперь успеет ли... После диверсии на верфях у инженеров и рабочих забот полон рот. А ведь обещали «Яробой» ввести в состав именно армии Бурислава.

Шесть броненосцев с огромным запасом прочности, с пятьюдесятью орудиями всех калибров, с тремя десятками сдвоенных торпедных аппаратов, с четырьмя десятками кочей-истребителей на каждом — главный козырь воеводы и главная надежда княжества.

Нижний эшелон представлял собой недавнюю историю княжеского флота. Пять устаревших броненосцев типа «Тур», сила которых заключалась только в десяти кинетических орудиях. Три учебных ладьи, спешно перевооруженных и дооснащенных, и вошедших в состав армии всего три месяца назад. И самая многочисленная группа в этом эшелоне — кочи, аж четырнадцать номерных бортов, с тридцатого по сорок четвертый. На эти небольшие суда еще можно было положиться. И пусть они не имели усиленного бронирования, но зато их шесть торпедных аппаратов, оснащенных новой механической подачей, способны выпускать новейшие скоростные снаряды по четыре шутки в минуту.

Воевода почесал спину о спинку кресла, и темно-коричневая кожаная обивка приятно захрустела. Бурислав наморщил лоб, провел пальцем по густым бровям. Он сделал все, как учили. И даже больше.

Горький опыт поражения Второй армии заставил его внести коррективы в стандартное построение флота. Секира знал про новое оружие противника. Он заставил весь аналитический и технический отдел армии дневать и ночевать у мониторов с записями, дешифровками и донесениями того боя. И его упорство принесло свои плоды. Нет, с точностью ему никто объяснить не смог все нюансы нового оружия страшилищ, но основные принципы были понятны. А это уже много, это уже половина успеха... если боги будут благосклонны... В сущности, что руссы поняли: большие истребители противника, взрываясь, освобождали какую-то дрянь, которая накидывалась на электронную начинку кораблей. И вывод воевода сделал простой и бесхитростный. Большим вражеским истребителям нужно было подойти довольно близко, чтобы «туман» смог сработать. Следовательно — не подпускать их близко! И все! Рецепт готов! Все гениальное — просто! Уверовав в свою правоту, воевода более озадачился старым приемом самураев. Не менее коварная штука, по сравнению с которой все эти взрывающиеся «пузаны» — мелочь, хоть и неприятная.

Итак: вражеская «глушилка» работала на довольно большом расстоянии и могла накрыть приличный квадрат. НО! Она не могла работать долго и, захватив часть кораблей, волна ослабевала. Следовательно, чем больше волна захватит кораблей, тем меньше ее сила

---

²⁴ *Большой воевода* — командующий армией или флотом.

в дальнейшем. И поэтому... Старый трюк самураев, и пора с ним кончать.

Воевода собрал все имеющиеся у него под рукой не боевые единицы, а также всю ненужную рухлядь: посыльные суда, заправщики, сторожевые кочи, транспортники и даже... два своих личных катера. Вся эта группировка была выдвинута вперед, на расстояние шести-семи верст от основной армии. Для пущего устрашения врага мелкие суда были закреплены друг с другом. Их борта местами нарастили листами металла, в которых обильно натыкали труб в роли оружия. На палубах сделали дополнительные надстройки и фальшивые орудийные башни. Вблизи, конечно, — свалка, но с расстояния, с которого враг мог применить свое грозное оружие, выглядело вполне убедительно. Во всяком случае, воевода на это сильно рассчитывал.

И, безусловно, резерв! Бурислав притащил три десятка торпедных катеров во главе с броненосной «маткой». Резерв был неблизко... а где его спрячешь в открытом Пространстве. Вот и оставалось только одно — расположить у планетарного спутника. Маскировка так себе, но иного выхода у воеводы не было. В случае крайней нужды, на максимальном форсаже, катера могли подойти к месту сражения минут за двадцать. «Матка» — минут за сорок. Но толку от ее присутствия было бы немного... разве что четыре ракетные установки да восемь истребителей. Но это все крайности. А пока воевода еще раз взглянул на монитор, где были выведены последние разведанные. Боевая группа противника внушала уважение. Девятнадцать броненосных гигантов напозлази на Вторую армию княжества из глубин Пространства при поддержке почти сотни судов различного класса. Возможно, разведка засекала не всех, но и эти силы внушали уважение. Шестидесят шесть бортов руссов против сотни вражеских, счет никак нельзя было считать равным, и не только из-за численности, но и из-за разности в вооружении и в весомости бортового залпа. По этому показателю флот Бурислава тоже уступал Змеям.

— М-да... — тяжело вздохнул воевода.

Тревожные часы ожидания тянулись бесконечно долго. «Скорей бы бой», — думал он про себя и постоянно поглядывал на зуммер связи. Ему удалось, наконец, обаять зуммер взглядом, и тот противно пискнул. На панели загорелась красная кнопка.

— Слушаю!

— Это Большой?

— Это Большой, код четырнадцать пятьдесят девять, — подтвердил Секира, — прием?

— Большой, прием. Код четырнадцать сорок. Это Насест. «Птахи» на подлете. Ждите! Прием?

— Насест, понял тебя! Как идут? Время прибытия? Прием?

— «Птахи» идут клином... впереди «шустрики»! Будут у вас минут через сорок... «старика» часа через два. Прием?

— Понял тебя, Насест. Много «шустриков»? Прием?

— Десятка два-три... ближе не подойти. Прием?

— Принято! Уходи в «куратник». Там примут! Как понял?

— Понял тебя, Большой. Делаю круг и ухожу.

Командиры на мостике заметно напряглись. Да и воеводе было отчего задуматься. Враг, естественно, выслал вперед разведку — «шустриков», три десятка. Нельзя допустить, чтобы они приблизились и раскрыли ловушку воеводы.

— Центральный! — резко вскинув голову, пробасил Бурислав. — Воеводу Остея на связь!

Через пару секунду командир бронепалубных боевых ладей вышел в эфир.

— Вот что, Владимирович, — по-приятельски обратился командующий к своему старому другу, — выдвигайся-ка ты вперед со своими... да займи сектор подле нашего гостинца. Через тридцать минут там будут разведчики противника, ты их близко не пушай. Коли полезут — бей сразу, коли будут в сторонке стоять — не трогай. Понял ли?

— Понял, Бурислав.

— И еще... дождеешься главных сил его, и как они в порядки встанут, сразу уходи. Да

не мешкай!

— Понял.

— Ну, помоги тебе Перун.

— Солнце за нас!

Связь отключилась, а уже через пару минут воевода узрел, как верхний эшелон пришел в движение. Восемь бронепалубных ладей пошли навстречу врагу.

Время издевалось и тянулось бесконечно. Воевода уже сотни раз все передумал, все пересчитал. И вроде не находил ошибок в расчетах. План построен безукоризненно... хотя, конечно, враг способен внести в него свои коррективы.

Мысли прервало дребезжание дежурного зуммера. На сей раз ответил первый летун:

— Разведка противника вошла в видимый сектор.

— Хорошо. Настройте камеры слежения.

— Сигнал нечеткий... есть. Правый монитор.

Воевода заметил, как поле монитора разделилось на четыре сектора и в каждом появилось отдельное изображение с камер слежения, установленных на бронепалубных ладьях. Бурислав увидел вдали тени самурайских «шустриков». Вот они сбились в большую стаю, и вдруг, резко разлетевшись в стороны, устремились в атаку. Камеры дрогнули. Ладьи дали залп. Подрывные дистантные снаряды рванули перед носами «шустриков», обильно окатив их шрапнелью. Сразу три единицы рванули на подлете. Вот еще одна закувыркалась, потеряв управление, и шедший следом за ним «шустрик» едва успел отвернуть в сторону, но налетел на пролетавших рядом — взрыв. Минус еще две единицы. Воевода ехидно улыбнулся. Меньше минуты боя, а у врага уже потери.

Неожиданно самураи забрали круто вверх. Достигли верхней точки, развернулись и пошли в пике.

— Камеры переключай, — закричал Бурислав, потеряв врага из виду.

Монитор моргнул и выдал новую картинку. Почти все «шустрики» атаковали не ладьи, а мусор, собранный воеводой для отвлечения.

— Чтоб вас... Надей! — воевода вскочил с места. — Активируйте приманку. Залп!

Бурислава осенило вовремя. Самураи пошли на проверку. И теперь необходимо было срочно ответить. На приманках заранее установили радиоуправление всем тем небольшим арсеналом, что располагался на судах.

— Есть активация! — доложил первый летун.

Воевода уже и сам видел на мониторе. Орудия, в основном мелкокалиберные, открыли беспорядочную стрельбу. Наводить их на таком расстоянии, используя только камеры слежения, было весьма не простой задачей.

Бурислав дернул себя за ус. Сейчас вся надежда на расторопность Остея. Сможет ли он отогнать «шустриков». А те кружились как заведенные. Правда, им удалось подбить какой-то старый транспортник. Сбитое с тормозного подвеса корыто завалилось на бок, ударилось о соседа и как будто примагнитилось к нему. Остальные получили незначительные повреждения. Карусель продолжалась еще несколько минут, пока «шустрики» не потеряли половину своих и тогда, включив форсаж, поспешили ретироваться.

Вот тут время очень сильно обмануло Бурислава Секиру.

— Основные силы противника вошли в видимый сектор, — доложил Надей.

— Приказ воеводе Остею — отход! — тут же среагировал командующий.

— Есть отход.

Полчаса пролетели пулей. Группа Остея малым задним отошла от ловушки, а затем, взяв выше, пошла на разворот. В конце маневра бронепалубники заняли исходную позицию.

— Тишина в эфире! — Бурислав напрягся.

Противник заканчивал боевое перестроение, и теперь его флот, образовав гигантский полукруг, медленно пошел на сближение. Воевода ждал чуда и дождался. Над вражеским построением вспыхнул столб яркого света, и в следующий миг он накрыл... волна полностью поглотила корабли-ловушки и двинулась дальше.

Секира замер. Ему показалось, что волна достигла и его флагмана... мониторы моргнули, пискнули... хрюкнула боевая сигнализация.

— Фу... — шумно выдохнул воевода. Волна, потеряв силу, лишь слабым отголоском прошла по броненосцам. — Осмотреться в отсеках! Первый летун — повреждения?

Минутная пауза. Надей получил донесения со всех постов и отрапортовал.

— Все на местах. Повреждений нет. Враг входит в зону поражения главного калибра.

— Ну тогда... — прошептал Бурислав, делая паузу.

Он дал время Змеям подойти поближе. Он даже дал им время первым начать дело. Лавина огня накрыла корабли-ловушки. Лжеликие так увлеклись, что даже не замечали, что ответная стрельба велась абсолютно хаотично и безрезультативно. Но так вечно продолжаться не могло.

— Открыть огонь! — скомандовал воевода.

Через минуту главный калибр броненосцев ударил по врагу.

* * *

Залп был настолько удачным, что воевода едва не подпрыгнул в кресле. Его броненосцам удалось накрыть сразу два вражеских судна.

— Восемь попаданий в «Исэ», — сообщил пост наблюдения. — Двенадцать в «Фусо»...

«Отлично», — подумал большой воевода. Всего пару дней назад пришли первые алфавиты вражеского языка, и его штабисты первыми во всем княжестве разложили суда противника по строгому классификатору.

— Отлично, — вслух повторил Бурислав и обратился к первому летуну: — Надей, всем броненосцам сосредоточить огонь на этих двух кораблях. Добиваем!

Корпус флагмана едва заметно дрогнул. Воевода сдвинул брови.

— Одно попадание в грузовой отсек. Пробоя — нет!

— Приказ воеводе Остею! Выдвинуться вперед и поддержать нас огнем. Цель... — большой воевода на миг задумался, глядя на монитор, — левый фланг, ладьи типа «Сецуна».

Бой нарастал. Флоту Секиры везло несказанно. Корабли самураев, с жадностью накинувшись на подставленную ловушку, методично разносили на куски ненужный хлам. И пока не один из броненосцев белградцев не получил серьезных попаданий. Ответный огонь был слаб. Лишь через несколько минут самураи сообразили, в чем дело, и начали маневр на перестроение, дабы перенести удар на броненосцы противника. Да и боги заботливо берегут равновесие, и через десяток минут пришел тревожный доклад.

— В «Копье» четыре попадания. Есть пробой!

— Приказ «Булаве» — прикрыть «Копье».

Еще через мгновение уже сама «Секира» вздрогнула от попадания.

— Пробоя нет! — доложил вахтенный.

Воевода, потребовав стакан воды, вновь припал к мониторам. Камеры четко фиксировали, что сосредоточенный огонь всех броненосцев окончательно вывел «Исэ» и «Фусо» из строя. Еще немного — и их можно дожать.

Следующий залп разломил «Фусо» пополам. Боевой гигант обнажил свое чрево, в котором жарко полыхал пожар, оттуда вырывались сполохи и снопы искр от рвущихся внутри боеприпасов. Пламя жадно хватало потоки кислорода, вырывавшегося наружу, а затем затухало, когда «пища» кончалась.

— Минус один... — довольно ухмыльнулся большой воевода.

— «Исэ» выходит из боя! — оповестил вахтенный. — Есть попадания в «Ясима»!

— Минус два... Что у воеводы Остея?

Оператор быстро переключил камеры, и Бурислав резко отшатнулся от монитора. Одна из его бронепалубных ладей без единого огонька неподвижно зависла в Пространстве. Остальные продолжали бой.

Большой воевода уже хотел сам вызвать на связь командира ладей, но Остей опередил его.

— Большой, это Младший, как слышишь?

— Слышу тебя!

— «Травень» подбит... критическое попадание в энергетическую установку.

— Уже вижу!

— Взрыв! — вахтенный позволил выход эмоциям.

— Что?! — Большой воевода обернулся на крик.

— Одна вражеская ладья взорвалась, господин.

— Отлично, — и уже повернувшись к монитору, продолжил: — Остей, продолжай давить. Смотри за верхним сектором, чтобы не обошли.

— Понял.

Связь отключилась, и Бурислав нажал другую клавишу.

— Старик, это Большой, прием?

— На связи, — на мониторе появилось изображение воеводы Мила ур-Вара, командующего нижним эшелоном.

— Доложи обстановку.

— Спокойно. Атаку «шустриков» отбили. Потери: один катер.

— Добро. Следи за нижним сектором, чтобы не обошли. И будь готов поддержать нас.

— Сделаем... — как-то рассеянно ответил ур-Вар.

Бурислав наконец дождался воды, вестовой услужливо подал на подносе запотевший стакан. Воевода разом выпил, вернул емкость. Одна мысль не давала покоя Секире: не пора ли выпускать истребители. Атака рискованная, но в случае успеха могла дать преимущество. Он распорядился вопреки всем правилам подвесить истребителям по одной торпедой весом в тонну. Почти две с половиной сотни таких игрушек могли наделать больших дыр в жирных боках самурайских броненосцев.

— Торпедная атака! — Возглас вахтенного вывел воеводу из раздумья. — Катера противника по правому борту.

— Поворот! Все разом! — скомандовал Бури слав. — Курс двести!

Команда ушла на все броненосцы, и те, повинаясь, дружно начали маневр. При этом мелкий и средний калибр активно работали по торпедам.

— Две в «Копье»! Есть пробой!

Секира метнул взгляд на монитор и понял, что дело плохо. Развороченная корма «Копья» выглядела ужасно. Еще секунда — и внутри сдетонировал боекомплект задних плутонгов.

В эфир прорвался голос командира погибающего броненосца.

— Большой... прием... эвакуируюсь... прошу поддержки...

— Выводи истребители! — гаркнул в ответ воевода. — Выводи!

Связь оборвалась, но его услышали. Секира это увидел на мониторе. Спасательные катера покидали корабль, а следом стартовали уцелевшие истребители.

— Принять эвакуационную партию, — распорядился воевода, — истребителям приказ атаковать «Сикусиму»!

— Есть, — подтвердил вахтенный. Его тут же перебил первый летун Надей.

— Две ладьи типа «Сецуна» выходят из боя.

— Отлично, — довольно хмыкнул воевода. — Общий приказ по броненосцам — выпускать истребители. Цель — флагманский «Иватэ». Приказ группе ур-Вара — выдвигаться вперед и атаковать вражеские катера справа по курсу.

Десятки шлюзов открылись практически одновременно, выпуская из ангаров истребители. Бурислав молил богов, чтобы им удалось сделать свой смертоносный залп. Главное — подойти поближе, и тогда «Иватэ» несдобровать. Корабли противника не несли никаких опознавательных знаков, как раньше. Никаких цифр или букв, только неизменный черный змей. В такой ситуации определить «Иватэ» среди многочисленных

однотипных броненосцев было не просто. Воевода смекнул, что флагман должен иметь большое количество систем связи и усилителей, антенн... и он нашел их.

Истребители взяли разгон и плотным строем ринулись на цель. Враг среагировал и устроил безумную пальбу из зенитной артиллерии. Заградительный огонь разметал десятка два истребителей, но остальные вышли на нужный рубеж. Вот появились «шустрики», но поздно — залп. Торпеды начали разгон. «Шустрики», вместо того чтобы атаковать истребители руссов, принялись охотиться за торпедами.

— Попадание! — возликовал почти весь мостик управления. — Еще! Еще четыре! Ура! Еще два!

Торпеды одна за другой прорывались сквозь огненный вал и рвали корпус «Иватэ». Вахтенные насчитали двадцать одно попадание и почти все с пробоем! Это восторженное ликование было несколько омрачено сообщением, что группа ур-Вара столкнулась с катерами противника и уже потеряла два учебных судна.

— Отзывайте истребители, — распорядился Бурислав. — Пусть уходят ниже на помощь воеводе ур-Вару.

Он сам с замиранием сердца смотрел, как агонизировал флагманский броненосец Змеев. Еще несколько минут — и его борт стали покидать спасательные катера.

А еще через минуту противник сделал поворот — все разом.

— Они отходят... Они бегут! — первый летун вскинул кулак вверх.

— Рано, Надей, радуешься, — осадил его большой воевода, — и еще добить надо. Приказ всем! Общее наступление! Огонь не прекращать!

— Еще одна ладья типа «Сецуна» взорвалась, — Надей уже и вовсе не скрывал радости. — Солнце за нас! Это победа!

Возгласы одобрения наполнили мостик. Все были уверены, что враг не выдержал и бежит. Вот она расплата за погибшую Вторую армию.

— Нет связи с воеводой Остеем, — уняв веселье, заметил вахтенный.

— Что значит нет связи? Вызывайте! Повторить приказ — идем вперед! — Бурислав впервые за все время сражения встал с кресла.

* * *

— ...Покажи схему боя. Да сядь ты наконец! — Вадим Сечень, воевода Воинского приказа, был зол и едва сдерживал свой гнев. Как только он получил известие о закончившемся сражении, его охватила ярость. Большей глупости от Секиры он не ожидал. Большой воевода выглядел подавленным и угрюмым. Свою вину он признавал и готов был понести наказание по всей строгости...

— Сядь, — повторил Вадим и тяжело опустился в кресло.

Бурислав Секира уселся напротив.

— Показывай, — глава приказа пододвинул Буриславу карту.

Большой воевода откашлялся, взял чертильный стержень.

— Я расположил...

— Я расположил... — передразнил его Сечень, кажется, теряя терпение, — это я и без тебя знаю, как ты там что расположил. Я тебя спрашиваю на ху... какого ляда ты за ними кинулся?!

— Мы подбили четыре их броненосца... и четыре их ладьи... еще мелочь. Я... — воевода осекся, — мы потеряли только «Булаву», «Травень», «Копье»...

— Отлично! — ехидно похвалил его Сечень. — Броненосец и две бронепалубные ладьи, и все!

— Все...

— Ну-у-у... дальше.

— Они стали отходить. — Бурислав начертил на карте схему отхода противника.

— Неужели ты не видел, что это ложный маневр?!

— Воевода, — Секира резко отбросил стержень, — тебя там не было. Тебе не укорить меня больше, чем я сам корю себя. Пойми, полчаса боя и такие потери. Я бы на их месте, во спасение флота, начал бы перегруппировку.

— Они и начали! — глава приказа вlepил кулаком по столу. — У них перевес в численности, в бортовом залпе, а ты! Ты придумал себе, что они испугались тебя и дали плеча!

— Четыре броненосца...

— Замолчь! Когда? Когда, я тебя спрашиваю, Змеи бежали с поля боя? Стыдись, воевода! Тебя купили, как отрока несмышленного, а ты мне тут сказку сочиняешь!

Оба откинулись на спинки кресел и замолчали. Тягостно было на душе у обоих. У одного за поражение армии, у второго за поражение двух армий. «Ничего не скажешь — хорош, — корил себя Вадим Сечень, — за седмицу просрать две армии. Не доглядел. Ох, не доглядел... понадеялся...»

— Ладно, — сбавив обороты, продолжил глава приказа, — покажи-ка, как они тебя заманили.

Секира тяжело вздохнул и вновь склонился над картой.

— Они отошли на три версты. Вот сюда, за мои ловушки.

— Полукругом отходили, а потом прогнулись в обратную сторону? — догадался Сечень.

— Да, — подтвердил большой воевода. — Охватили нас... зажали...

— М-да... хорошо хоть у Остея ума хватило отстать от тебя.

— У него связь вышла из строя...

— Вот-вот, — покачал головой Вадим, — коли не вышла бы, он бы твой приказ повторил, и лишились бы мы еще и ладей!

— Мы Змеев знатно потрепали.

— Уймись, — глава приказа махнул рукой. А затем, выпрямившись в кресле, принялся энергично загибать пальцы. — Десять броненосцев, две бронепалубные ладьи, все учебные суда, десять кочей... да еще почитай весь транспорт... Тьфу. Ты куда «матку» дел, оглашенный?

— Она тут, — воевода Бурислав ткнул в карту. — Ее отход катера прикрывали...

— Хорошо хоть ушла. Катеров много ли проср... потерял?

— Восемнадцать.

— Ай, молодец! Благодарствую и от себя, и от имени... хвала богам, что князь не увидел этого позора.

— Знаю уже... — горько заметил Секира.

— Вот то-то... одни битвы сдают, другие князя прохлопали. Ай, да чего там. Все хорошо. И я тоже...

— Вадим, — обратился большой воевода к начальству по-домашнему, — у нас еще есть шанс. Им тоже досталось. Мы спалили четыре броненосца, еще три крепко повредили... это я тебе точно говорю. Скорее всего, их уже не восстановить. Около двух десятков ладей ихних... «шустриков» без счета...

— Ты вовремя начал хвастаться, дурья башка. Ты нас без броненосцев оставил, а сам грудь вперед. Твоя последняя оставшаяся «Секира» и та еле дышит. Куда нам теперь ее? На металл порезать? Ах, — воевода Сечень махнул рукой, — все едино — хлам.

— С других броненосцев еще остались истребители. Часть у меня на борту, часть ушла к «матке».

— Сколько? — оживился воевода.

— Около сотни.

— Удружил, нечего сказать. Полторы сотни истребителей угробил.

Опять наступила тишина. Вроде все уже сказано, теперь главе приказа надлежало в срочном порядке разработать план обороны Белграда. И главное — сдержать врага. Всем, чем можно... чем осталось.

— Ладно, ступай, — дозволил Сечень. — Вызывай «матку» с катерами. Все остатки соберешь в четвертом секторе. Я тебе еще две ладьи пришлю и коч. Истребители учебные забирай... перевооружаешь на месте. Свою «Секиру» срочно в ремонт. Возьмешь «Яробоя»...

— Мне? — удивился большой воевода.

— А кому? Или отца твоего будем с пенсионера вызывать?

— Не надо.

— У меня других воевод нет. Хлудовскому вечный помин уже пропели... И потом, я не подарок тебе делаю. Броненосец еще до ума довести надо. Вот и займись им как можно быстрее.

— Сделаю.

— Ступай и помни: за битого двух небитых дают! И урок свой крепко запомни.

— Запомню.

— Стой! Забыл спросить: а самураи «пузанов» что, не использовали?

— Нет, — покачал головой Секира.

— Странно...

— Может, кончились... они у них.

— Ага, — хмыкнул Зорян. — Ладно, ступай.

Когда Бурислав ушел, глава приказа закрыл глаза и произвел в уме нехитрые подсчеты. От Первой армии осталось: шесть бронепалубных ладей, четыре коча, «матка» с двенадцатью катерами и сотня истребителей. Избитый броненосец большого воеводы он считать не стал — пустое. Но оставался еще «Яробой».

Огромную надежду давала налаженная противовоздушная оборона княжества. Опять же можно мобилизовать все имеющиеся учебные, торговые, частные суда... но хватит ли времени спешно их перевооружить.

Вадим Сечень мотнул головой. Нет, не верил воевода, что Змеи наберутся наглости и сунутся в пределы белградской планеты. Ведь хоть и одержав победу в двух сражениях, они сами изрядно потеряли в них.

— Зубы обломают, — воевода накрыл карту своей большой ладонью. — Обломают...

Глава восьмая Тени прошлого

*От истока течет река, от предков идет корень, от сердца
твоего — сила.*

Белградская поговорка

От костра тянуло дымком и аппетитным запахом доходившего мяса. Оттуда долетали голоса: звонкий — брата и мягкий — матери. Всеволод сидел на нагретых солнцем деревянных мостках причала и смотрел на солнечные искры, пляшущие по поверхности изумрудной воды. Сидеть так ему было непривычно, да и не в охотку... С большим удовольствием он сейчас присоединился бы к отцу и дядьке Мстиславу, да пострелял бы по старому дырявому ведру или посшибал бы с елок рыжие шишки. Или за мясом последил, тоже ничего себе занятие. Все лучше, чем сидеть и на воду пялиться. Небось водяной дед отсюда не вылезет, место уж больно неподходящее. Для того заводь нужна, болотинка. А тут — пара верст вниз и самая стремнина.

Но — сидел и не спешил никуда убегать. Потому что рядом, подогнув колени, сидела Яра. И так же, шурясь, глядела, да только не на воду, а на свой собственный оттопыренный палец. И даже не на палец, а на тонкий желтый ободок на нем и синенькую искорку в центре. Перстенок, да еще с камешком редким, подарок на именины.

— Смотри, потеряешь, — предостерег он, наблюдая за Ярой.

Знакомы они были с самого рождения. Выросли вместе, и не счесть сколько раз вдвоем удирали из дома, прихватив по краюхе хлеба или по румяной ватрушке — в лес, искать

птичьи гнезда или выслеживать осторожную лисицу. Не для шкуры, а так, посмотреть. Однажды на них дикая свинья вышла, с поросятами. Яра тогда здорово испугалась, но виду не подавала. Свой, в общем, «парень». Надежный.

А сейчас что-то изменилось. И ходить Яра стала как-то иначе, плавно... Не шла, а, вот верное слово — выступала, словно боялась расплескать невидимую миску с водой. И смотрела-то так, будто испытывала: что скажешь, молодец, что сделаешь? Достоин ли меня? Надо сказать, основания так задаваться у нее были. Всеволод и сам не заметил, как из тощей козы выросла такая вот березонька — заглядеться можно. Он и заглядывался, чего греха таить... Но, чтобы Яра не сильно задавалась, иногда подначивал.

— Почему это — потерю? — вскинулась девушка.

— Так велико колечко-то. Не по пальчику.

— Скажешь тоже... — Она помолчала, но потом все же решила снизить до объяснения. — Это нарочно так подбирали. Я-то еще расти буду, а колечко-то нет. Вот и подгадали, чтоб и когда вырасту впору было.

— Потеряешь, — продолжал подначивать Всеволод. И улыбнулся, чтобы девушка не вздумала обидеться.

Яра покачала головой. Но под светлым солнышком как-то не тянуло ссориться.

— Ты сказку-то начал... — неуверенно проговорила она. Всеволод с изумлением заметил в ее голосе просительные нотки. Давно он их не слышал.

— Какую сказку? — даже не сразу вспомнил он.

— Про старого волка. Доскажи, а? Страсть как интересно, что с ним дальше-то стало.

— Это не сказка, — склонил голову Всеволод, — это на самом деле было. Так что конец-то не очень счастливый...

— Все равно Расскажи, — жалобно протянула Яра.

Парень закрыл глаза, словно вспоминая. Хотя вспоминать не было нужды, историю эту он знал наизусть.

— Старый волк решил убить охотника, — заговорил он медленно, словно сам прислушивался к своему голосу, — хоть бы пришлось ему весь остаток жизни того искать. Но боги милостивы — не пришлось. Потому что охотник пообещал своей невесте во что бы то ни стало добыть Старого волка и бросить его шкуру у очага. Так что прошло совсем немного времени, и они встретились — на мосту, переброшенном через речку. Волк прыгнул на него и мощным прыжком сбил с ног. Охотник едва успел выдернуть из-за голенища нож...

— Про то, как они сражались, можешь пропустить, — сказала Яра, — ты дальше рассказывай.

— Эх ты! Про то, как дрались — это же самое интересное!

Яра не возразила, но смотрела так выразительно, что Всеволод с сожалением вздохнул и продолжил:

— Старый волк сжал зубы на горле охотника, а тот вонзил нож в его бок по самую рукоять... И так они, обнявшись, словно братья, поднялись к Порогу. А встретил их могучий Перун. Посмотрел он внимательно сощуренными глазами и повелел, что срок жизни их еще не исчислен, и должны они вернуться на землю.

— Оба?! — обрадованно воскликнула Яра.

— Оба. Да только бог положил им наказание. Чтобы впредь неповадно было нарушать волю Старших. Должны они были поменяться телами. Охотник обернулся в шкуру волка, а Старый волк стал охотником. Бог предупредил охотника, чтобы тот домой не возвращался, потому что люди не узнают его и даже могут убить. Но охотник был смелым человеком. Он ответил, что другие, может быть, и не узнают его, но уж невеста-то не ошибется.

Оба так увлеклись старой сказкой, что не заметили, как стихли голоса на поляне.

— Он вернулся?

— Они оба вернулись. Только вышло все, как и сказал Перун — невеста не признала охотника в волчьей шкуре. И обняла Старого волка.

— Да неужто сердце ей не подсказало? — ахнула Яра и взмахнула руками.

Сверкающий ободок соскользнул с тоненького пальчика и без всплеска ушел в воду.

— Ой! — Яра в испуге прижала пальцы ко рту.

— Вот тебе и «ой», — наставительно сказал Всеволод, — я ж тебе говорил — потеряешь. Влетит? — спросил он. Девушка только кивнула, не отводя взгляда от точки на воде, куда упало колечко.

— Да ладно, не горюй, — мальчик встал, расстегнул пояс и рывком стащил через голову рубаху, — сейчас я его достану.

— Ты что! Где ты его достанешь, течение-то какое! — Яра едва не плакала. — Оно, поди, уже у островов.

— Оно же золотое. Значит — тяжелое. Далеко не уплывет. Тут рядом лежит. Я его найду, — пообещал Всеволод и нырнул в теплую воду.

...Она была прозрачной, и лучистое кольцо Яры мальчик заметил почти сразу. Оно блистало в самых зарослях длинной колыхавшейся травы. Всеволод знал, как опасно забираться в такие места, но там наверху Яра ждала свое колечко. Он отвел руками зеленую бороду и сцапал желтый ободок с синей искоркой в нем. И, с немалой радостью предвкушая, как восхищенно ахнет девушка, рванул назад, к свету.

А и не тут-то было! Потревоженная «борода» крепко оплела его ногу, вцепилась, словно вражьи руки. Мальчик дернулся раз, другой... Трава держала крепко и не собиралась отпускать свою добычу. Мальчик привычно потянулся за ножом, но тут же вспомнил, что подарок отца остался там, у костра, где две семьи собрались проводить седмицу. Он забился, как рыба в донке, и едва не «схватил огурца», но вовремя опомнился. Сберегая остатки воздуха, он тихонько, скупым и осторожным движением опустил вниз и вгляделся в зеленую бороду. Да-а, намудрил водяной дед, накрутил, напутал. Но распутать можно. Побольше бы времени, Всеволод справился с закрытыми глазами. А тут легкие уже начинали гореть. А пуще этого подгоняла мысль, что там, наверху, Яра с тревогой вглядывается в воду и, заметив неладное, не преминет позвать на помощь. И прибегут батя с дядькой Мстиславом, да найдут его, уже отрока, спутанного, как лягушонок. Ой, стыдно-то будет! Да и влетит почище, чем Яре за колечко.

Подгоняемый этой мыслью больше, чем близкой опасностью, мальчик тянул и рвал зеленые пряди, но чем больше он их дергал, тем туже затягивался узел на лодыжке. Мелькнула предательская мысль что ему, пожалуй, и не спастись. А сразу следом за ней — другая: разве же Водяной дед враг ему, мальчишке из рода Волка? Да быть того не может! Всеволод даже улыбнулся и, внезапно успокоившись, мысленно попросил: «Ну, будет уже, дедушка. Понял я все. Пусти, а...»

И борода, словно ждала этого, немедленно развязалась, а большая и мягкая водяная лапа подтолкнула мальчишку назад, к воздуху и свету.

Сколько он был под водой? Две минуты? Три? Вряд ли больше, Всеволод никогда не умел задерживать дыхание надолго. А показалось — вечность. Хватаясь за мостки одной рукой, он шумно дышал, пытаясь прогнать предательское головокружение и остановить хоровод блестящих звездочек в глазах. И не сразу понял, что Яры нет.

— Ну, как есть, помчалась за помощью, — недовольно пробормотал он, отплеываясь и вылезая из воды. Надежда на то, что происшествие удастся скрыть и избежать наказания, испарилась.

Он вылез, отряхиваясь и отфыркиваясь, словно большой пес. И вдруг даже не заметил, а, как тот же пес, почуял неладное. Вдоль позвоночника скользнула холодная змея. И уже в следующую секунду он понял, что его насторожило: звук чужого мотора. Причем, спроси его, чем мальчишке не понравился звук — ведь не сказал бы. Мотор как мотор, мало ли на их речке катеров. Но вот поди ж ты — насторожил. Он машинально натянул рубаху на мокрое тело, застегнул ремень.

Всеволод хотел было кликнуть Яру, но почему-то не стал, и, сам себе удивляясь, молча рванул на высокий берег.

* * *

От костра поднимался ровный и густой столб темного дыма, словно его потушили, опрокинув туда котел воды. Но зачем тушить костер? Они не собирались покидать гостеприимный берег так рано, дома хотели быть лишь ближе к ночи. А то и заночевать, если дождя не будет.

Вокруг были как попало разбросаны коврики, лежали перевернутые миски, валялся нож. Его нож. Инстинктивно Всеволод подобрал его и сунул в ножны на поясе. Что случилось? Где все? Отец, мама, братик Дан, сестричка Изяслава? Дядя Мстислав и тетя Лада? Где Яра? И почему же, боги светлые, тихо-то так кругом?

Не помня себя, Всеволод бросился туда, где ему послышался звук чужого мотора. Туда, где качался в легкой волне и их собственный большой катер.

Но катера не было. Ни родного, ни чужого.

Всеволод покрутил головой, стараясь поймать звук мотора и яснее определить направление. Куда они все делись, пока мальчик, как лягушонок, бултыхался в воде? И, главное, зачем? Не могли же они его тут бросить. Да и все остальное... Батяка первый всыпал бы сыночку по первое число, оставь он где-нибудь дымящий костер. Что такое лесной пожар в их роду понимали все.

Взгляд мальчика упал на траву под ногами. Это же... Эти бурые капли — кровь?

Он упал на колени и втянул воздух носом. Кровь. Не ошибешься. Запах свежей крови ни с чем не перепутаешь. Что-то случилось. И ушли родичи не сами, — понял Всеволод, — их увели. Кто? Разбираться некогда — нужно спасать!

Мальчишке даже в голову не пришло, что он мало что может один против того, кто справился с двумя взрослыми мужиками, далеко не последними в роду воинами. Он даже не подумал о том, что вряд ли сможет пешком, по берегу, нагнать быстроходный катер. Он просто бросился за звуком мотора, стараясь, как учили, сберегать дыхание. Заблудиться он не боялся — чай, катера посуху не ходят, а река — вот она, никуда не денется.

Он бежал вдоль берега, чуя кожей, что время на исходе, что он не успевает. Звук чужого мотора давно заглох вдалеке, лишь иногда ветер доносил что-то похожее на слабый рокот, который с каждым разом становился все тише и тише. Всеволод приналег, не обращая внимания на ставший неровным берег, и едва не поплатился за это, чуть не подвернув ногу. Сгруппировавшись, он снова вскочил, цепляясь руками за землю, и снова рванул вперед, почти касаясь кончиками пальцев земли. Жуткое неудобство от такого способа передвижения исчезло почти мгновенно. Тело перераспределило тяжесть на две передние конечности, бег стал куда быстрее, прыжок — длиннее и мягче. Всеволод сначала испугался оттого, что мгновенно ухудшилось зрение, мир потерял краски и словно подернулся дымкой, да и угол зрения сместился. Но зато в уши ударили звуки: шелест воды, шум ветра в лесу, крик птиц. И самое главное — отчетливый звук ДВУХ моторов, одного — очень знакомого. Мальчик повел носом и различил тянущиеся за катерами запахи сгоревшего топлива, железа, крови и слабый уже, но хорошо различимый запах своих. Родичей. Волковых.

Он бросился следом за теми, кого неизвестные увозили на катерах явно с недоброй целью, бросился на четырех лапах, держа по ветру длинный вытянутый нос-радар. Сила предков, как и говорил дедушка Артай, проснулась, лишь возникла в этом нужда.

Радоваться этому было некогда. Гордиться тоже. Всеволод припустил изо всех сил и почувствовал, что нагоняет шустрые моторы.

* * *

Всеволод лежал, укрывшись в траве высотой в полколена, чуть не в десяти шагах от корявой бревенчатой избы или, скорее, сарая, правда, с трубой. Должно, какое-то отопление тут было. Сарай был заперт на задвижку, а у самых дверей прямо на поваленном бревне

сидел здоровый детинушка, белобрысый, в холщовых портках, кое-как заправленных в сапоги, и рубахе без знаков рода. Разобрав это, волчонок прижал уши и еле сдержал тихий рык.

О том, что на островах раньше были разбойники, про то Всеволод знал. Но он также знал и то, что на разбойников этих дружина поместная ходила. Потрепали татей знатно, вроде бы ни один не ушел. Но тому лет пять как минуло. И с тех пор всегда было тихо. Так что же это — опять?

Волчонок осторожно повел носом. Он не ошибся. Они все были здесь. Кто-то ранен, пахло кровью. Родной кровью. Всеволод не знал, как это получается, но ошибиться или перепутать такие вещи было совершенно невозможно, как невозможно спутать соленое и сладкое или горячее и студеное.

Надо сказать, новое тело, так подсобившее недавно, слегка разочаровало парня. Конечно, бежать так было не в пример легче и быстрее. Да и плавать — волчонок пять раз благословил покровителя рода, пока добирался на остров. Разбойники устроились основательно, не забыли даже сторожевую вышку, так что у плывущего человека шансов не было никаких. Стоило на миг высунуть голову из воды, чтобы вдохнуть воздуха — и принимайте, светлые боги. А зверя, может, и заметили, но не тронули. Плывет себе какой-то щенок по своим делам — ну и пусть его. На шкуру пока все равно не годен — маловат. Именно это обстоятельство и разочаровало парня жестоко: берсерк из него получился справный, четыре лапы, хвост, два острых уха и целая пасть отличных острых зубов... Только вот мощи совсем не было. Вместо матерого зверя вышел из Всеволода оборотень-волчонок. Худой, долговязый, немного нескладный, с выпирающими лопатками и непропорционально большими щенячьими лапами. Не волк, а недопесок какой-то. Обидно...

И вот с этим, с позволения сказать, телом и придется идти в бой против всемеро превосходящего противника. Именно столько разбойников насчитал волчонок в окрестностях. К слову сказать, для разведки тело оказалось самым подходящим, в нем было легко следить, прятаться, а особенно вынюхивать и подслушивать. Большие уши, стоило их повернуть в нужную сторону, словно антенну, настраивая на нужную частоту, отчетливо разбирали разговор вполголоса за двадцать шагов. Именно так волчонок и узнал, где искать родичей. А еще узнал он такое, во что поначалу не поверил. Скрали их не для того, чтобы выкуп с рода взять.

Он лежал против двери уже почти полчаса, и не знал, на что решиться. Идти выручать своих волком или сначала обернуться назад. В том, что это у него получится, стоит лишь пожелать, Всеволод не сомневался. Сомнения были лишь в том, что удастся снова перекинуться в волка, ведь он так и не понял, как это вышло. С одной стороны, в привычном теле как-то сподручнее — крючок на двери откинуть, еще что. А с другой — оружия-то все одно — никакого. Даже ножа завалящего — и того нет, на берегу остался, там, где Всеволод неожиданно для себя обрел древнюю силу своего рода. Как опала с него одежда, так вместе с ремнем да с ножом там и осталась.

А у волчонка целая пасть оружия. Так само в бой и просится — Всеволод отчетливо услышал, как зубы его сами собой клацнули. От неожиданности он даже припал к земле — таким громким показался ему звук. Но тать, стороживший вход, ничего не услышал, продолжая сидеть и таращиться в синее небо, считать одному ему ведомых ворон.

Это и подтолкнуло волчонка к действию. Припав к земле, он стремительно и неслышно преодолел оставшееся до врага расстояние, и, сжав новое тело, как тугую пружину, внезапно и стремительно бросил его на здоровяка.

И тут же понял, как ошибся. Тело волчонка было быстрым, но слишком легким. А здоровяк только казался сонным. Заслышав шорох, он обернулся, прямо не хуже волка, и принял зверя, целившего в шею, на сгиб руки. Изумленно распахнулись голубые, совсем детские глаза, но крика, которого так опасался Всеволод, не последовало. Разбойник здорово удивился, но совсем не испугался.

— Ты чего, псина? — ошалело пробормотал он и тряхнул рукой.

Всеволод разжал челюсти, шлепнулся в траву, но тут же подпрыгнул снова, целя туда, куда наметил с самого начала — в горло.

— Спят! — буркнул здоровяк, легко отклоняясь и отправляя волчонка метким пинком в кусты, — бешеный, что ли?

У парня помутилось в глазах и сперло дыхание. Оказалось, в волчьем теле, таком удобном, драться-то сподручно лишь тогда, когда ты и родился волком. А человеку в нем неловко: кулак норовит сунуться поперед зубов, а какой у волка кулак? Может, от железных когтей и был бы толк, да только парень их машинально поджал, вот незадача! Подвело его волчье тело, ох подвело!

И тут случилось то, что заставило его волчьи уши загореться от стыда — здоровяк захохотал. Глядя на Всеволода во все глаза, он хлопал себя ладонями по коленям и закатывался, словно услышал хороший анекдот.

— Так ты, щенок, выходит, не совсем щенок, а?

Всеволод припал на передние лапы и зарычал. Показалось — грозно. Но здоровяка это развеселило еще больше.

— Ну-ну. Ведуну тебя подарить, что ли?

Они смотрели друг на друга, не отводя глаз, и мальчик лихорадочно соображал, что делать. Но разбойник сообразил первым. Он сделал обманное движение, и Всеволод, хоть и учен был, купился как... щенок. Метнулся туда, где разбойника уже не было, острые зубы бесполезно клацнули в воздухе, а здоровенная длань сгребла звереныша за шкребень и мощно приложила о дубовую стену. У волчонка в голове помутилось, но сознание удержалось. Выходит, впрямь волчье тело надежнее человеческого и крепче.

Здоровяк откинул дверной крюк и швырнул Всеволода в полутьму сарая. Или все-таки избы? Уже падая, тот различил, как захлопнулась за ним дверь и щелкнул крючок. Спас называется! Попал как кур в ощиц.

— Ой, волчонок! Смотрите, какой забавный! — голос Изяславки, сестры, прозвучал колокольчиком и выдернул мальчишку из ступора. Мотая головой, он поднялся на четыре лапы и огляделся.

Окон в избе не было, это Всеволод еще снаружи заметил, так что, несмотря на белый день, тут было темно, как в подполе. Но мальчику это ничуть не мешало отчетливо разглядеть всех своих родичей: отец с дядей Мстиславом, мама, сестричка, которой он понравился в его новом теле, Дан, тот, похоже, дремал, тетя Лада. И Яра. Она сидела, выпрямившись, и неотрывно смотрела на молодого волка.

Родичи были связаны. Женщины и дети — веревками, а мужчины какими-то железными стяжками, такими, что не порвешь. Они тут не раз попробовали, вон запястья-то как измяты... А еще, похоже, привели их в этот сарай с мешками на головах, да потом они освободились — мешки валялись рядом. Все это Всеволод различал очень отчетливо, несмотря на темноту. Гораздо лучше, чем в прибор ночного видения, который как-то дал ему опробовать дядя Мстислав. Волчьи глаза оказались способнее.

Открывшаяся дверь впустила немного света и тут же захлопнулась, так что родичи почти ничего разглядеть не успели. Кроме Изяславки, сидевшей ближе всех к двери.

— Кто здесь? — негромко спросил отец. Голос его был спокойным.

Не зная, как дать о себе знать, Всеволод попытался тявкнуть.

— Я же говорю, это волчонок! — крикнула сестра.

— Всеволод? — неуверенно спросила мама.

Мальчик опешил.

Словно уловив его недоумение, отец хмыкнул:

— Ты еще в зыбке пару раз перекидывался. Мы даже ведуна звали, думали, может, древняя сила проснется. Вот и проснулась. Ну, что сидишь? Раз догнал, так выручай, волк.

Опомнившись от изумления, что его тайна и никакая не тайна вовсе, Всеволод подскочил первым делом к отцу.

— Да зубов-то не жалея, — подсказал он, — новые вмиг отрастут.

Ой, и неприятное это дело, проволоку рвать. Пасть немедленно наполнилась кислой слюной с привкусом металла, собственной кровью от раненых десен, а чуть позже и обломками клыков. Но стяжку он сломал! С веревками оказалось куда как проще. Пока отец разминал запястья и, вполголоса ругаясь, в темноте пытался разломать такой же хитрый замок на руках Мстислава, волчонок вмиг перегрыз путы мамы и брата, а те быстро развязали Изяславу и Яру.

— Что дальше? — спросила мать.

— Дверь как заперта? — озадачился Мстислав.

— У-у-у, — обстоятельно объяснил волчонок.

— Очень понятно, — хихикнула Яра.

— Замок? Засов? Крючок? — Всеволод утвердительно твякнул. — Ну, это неплохо. Ключей, стало быть, не нужно. Охраняет нас только этот бугай? — Волчонок снова твякнул. — Одолеем, — уверенно проговорил Мстислав. — Где катера — знаешь?

— Да знает он, поди за ними и прибежал, — отозвался отец, — давай-ка, сосед, к двери. А вы, бабы, повизжите хорошенько.

От воя, который подняли мать, тетя Лада и Яра, волчонку захотелось немедленно закопаться в землю на пяток локтей. А когда к ним присоединилась пятилетняя Изяслава, Всеволод понял, что пять — слишком мало.

Кошачий концерт пронял и разбойника, охранявшего дверь. Сначала он попытался прекратить его, стукнув по ней своим пудовым кулаком. Не помогло. Он откинул крючок, распахнул дверь, солнечный свет ворвался в темноту, на мгновение ослепив уже привыкшего к темноте волчонка, и лениво спросил:

— Ну, что там у вас та...

— Привет пращурам, — буркнул отец и мощным ударом зажал его голову между дверью и косяком.

И впрямь привет пращурам. Мельком глянув на своего недавнего противника, Всеволод понял, что знахарь тут уже не нужен. Отправился здоровяк напрямик туда, откуда не возвращаются. Ну, легкой ему дороги. Делом он занимался нехорошим, но мужик был не злой.

— Веди, — кивнул отец, и Всеволод понял, что от него требуется: провести всю семью к привязанным у небольшого причала катерам так, чтобы не попасться на глаза разбойникам. Однако задача! Понятно, что путь, которым пробирался он сам, не годился: где спрячется щенок, вряд ли так же легко укроются семь человек. С опозданием Всеволод сообразил, что надо было продумать все это заранее, прежде чем кидаться на сторожа. А, чего там! Снявши голову, по... Что у волка вместо волос — шерсть? В общем, ни по чему не плачут. И Всеволод повел, чутко принохиваясь и прислушиваясь ко всему вокруг.

Островок был небольшим, но густо заросшим малинником. Нынешние хозяева не особо увлекались наведением порядка, а беглецам это было только на руку. Мать несла Дана, Изяславка довольно резво топала сама, с огромным интересом косясь на волчонка. Яра больше глядела по сторонам, чем на героического спасателя. Что, в общем, было правильно.

Они прошли уже почти полдороги, когда Всеволод вдруг остановился, прислушиваясь.

— Разбойники? — спросил отец. — Сколько?

Волчонок тихонько твякнул два раза.

— Идут в эту сторону?

Утвердительный кивок большелобой головой.

Не глядя, отец протянул руку назад. Мать так же, без слов, сняла с шеи шелковый платок и подала ему. Мстислав взял синюю косынку Яры, скрутил ее в жгут и, пару раз обернув вокруг кистей, проверил на прочность. Пока он это проделывал, женщины спрятали детей поглубже в малиннике и скрылись сами. Куда делись отец и дядя Мстислав, Всеволод увидеть не успел. Были — и вот уже нет. И ведь ни одна веточка не шевелится. Сам волчонок пока что так не умел. Поэтому он просто залег в траву, туда, где тень от кустарника была гуще.

Негромкие голоса становились все ближе. Стало понятно, что разбойники идут с причала. Говорили они как-то не слишком ясно. Вроде бы язык тот же, а слова и похожие, а чуть-чуть иные. А некоторые и вовсе незнакомые. Выходит, у татей какой-то свой язык, честным людям непонятный? Всеволод разобрал лишь то, что эти двое только что выполнили какой-то важный приказ и были страшно довольны, что остались живы. Чем они могли заниматься, таким опасным, если все враги здесь? И что такое «громкий горшочек»? Волчонок не понял, решив спросить потом у отца. Хотя откуда его отцу, берегшему честь плути жизни, знать уловки татей?

Разбойники прошли мимо куста, под которым укрылся Всеволод, и едва миновали его, как откуда ни возьмись, возникли две стремительные тени — из земли выросли? Два взмаха шелковыми платочками, два одинаковых коротких всхлипа — и два неподвижных тела улеглись рядом на теплую землю.

Волчонок только башкой тряхнул. Эх, далеко ему еще до настоящей воинской сноровки.

Отец и дядька Мстислав быстро освободили татей от оружия. У обоих на поясе имелись иглометы.

* * *

Катера покачивались в небольшой волне, накрепко пришвартованные к маленькой, но основательной деревянной пристани. Навскидку Всеволод сказал бы, что построили ее совсем недавно, весной или, может, в начале лета. Значит, разбойники «завелись» у них под носом тоже недавно. Неудивительно, что об этом еще никто не знал.

— Надо уходить, Святослав... — едва слышно прошептал Мстислав.

— Нужно сообщить в Сыскной приказ, — так же шепотом ответил отец.

— Вот-вот! И воеводе нашему, — согласился Мстислав. — Куда сначала?

— А зачем выбирать? Катеров-то два? Вряд ли они сильно отличаются друг от друга. Мы на своем пойдем прямо к воеводе и будем спешить. А ты возьмешь трофейный...

— Обокрасть воров? — просек Мстислав. — Доброе дело. Но у них наверняка охрана там...

— Тяф... — вставил свою медную полушку Всеволод.

— Что, тяфкало, знаешь, сколько их? — спросил отец.

Волчонок повел носом и лапой на песке довольно коряво, но понятно изобразил четыре черточки.

— Одолеем, — решил отец и, тоном, не терпящим возражения, приказал Всеволоду: — Останешься здесь. Будешь баб и брата охранять. Если что — уводи в глубь острова, понял?

Понял, чего не понять. В самый раз для собаки занятие — охранять. Но он-то не собака! Однако послушаться отца Всеволод не осмелился и послушно улегся у ног матери, уже привычно настраивая уши-радары на прослушивание окрестностей.

Яра сидела, закусив губу, и напряженно смотрела в сторону катеров, куда ушли мужчины. Она очень боялась, Всеволод чуял ее страх, как чуют дым, воду или пищу. Страх пахнул нехорошо, от этого шерсть на загривке сама собой поднималась дыбом и подергивалась верхняя губа, обнажая клыки. Волчонок старался держать себя «в лапах», но получалось плохо. Страхом пахло не только от Яры, мать тоже боялась, хотя по ней сказать этого было нельзя. Она вела себя так, словно пикник все еще продолжается, просто в другом месте. И без еды...

Вспомнив про мясную похлебку, которую так и не довелось попробовать, Всеволод сглотнул слюну. И тут же насторожился. Приближались шаги.

— Что? — встрепелась Яра. — Идут?

На небольшой полянке показались мужчины. Мстислав немного хромал. Отец как будто был цел и невредим.

— Идем скорее. Их тут больше, чем мы видели.

Всеволод вопросительно взглянул на отца — когда же ему наконец разрешат вернуть себе человеческий облик? Быть щенком уже изрядно поднадоело.

— Обожди, — улыбнулся тот, — вот отойдем подальше от островов... Пока нам тут твои уши нужнее, чем руки.

* * *

На катере мать заметно расслабилась, выпустила из рук младшего, а сестренка вообще принялась бегать и лазать повсюду, будто на прогулке. А вот волчонка почему-то не отпускало. И спроси его, что так настораживает — ведь не ответил бы. Чужой запах — но это понятно, разбойники были здесь. Что-то еще, кроме запаха... Что-то похожее на...

Через мгновение его осенило — на палубе пахло чужим страхом. Не страхом Волковых, которых везли на разбойничий остров. Страхом самих разбойников!

Светлые боги, а им-то чего бояться?

Отец спустился по маленькой металлической лесенке вниз, и вскоре послышалось сытое урчание давно прирученного зверя — мотора. Всеволод вытянул морду в направлении, куда ушел второй катер. На нем уходила Яра. А колечко-то... Так и не спас. Потерял там же, где и нож. Эх, «тяфкало»...

Всеволод уже хотел было вцепиться в рукав отца, как получил ответ на все свои вопросы разом. И чего боялись разбойники, и что за опасную работу они выполняли на катере. И что такое «гремучий горшок». Страшный ответ! С оглушающим грохотом палуба раскололась, словно орех в огромных щипцах. Наружу вырвалось пламя, опалив морду волчонка. Еще секунда, наполненная огненным ужасом, и катер ушел в воду.

Волчья шкура, которая ему так не понравилась, сослужила отличную службу. Оборотень и в самом деле оказался практически неуязвим ни для огня, ни для падающих обломков. Когда спустя несколько минут к месту катастрофы подошел катер, которым управлял Мстислав, из воды достали лишь одного живого — волчонка.

Всеволод забился на руках дядьки Мстислава, он пытался вырваться... прыгнуть назад в воду, найти — спасти. Но крепкие ладони соседа сжали до боли ребра и не пускали.

— Тихо, Всеволод, тихо...

Волчонок смотрел на расходящиеся на воде круги, под которыми остались все, кого он любил. Вся семья, вся жизнь... И он завыл, жалобно, как могут только волки.

Мстислав опустил его на палубу, глазами приказав жене заняться обезумевшим от горя зверенышем, а сам до полного отжал ручку акселератора. Катер чуть приподнялся и устремился прочь.

Когда вой сорвался в глотке, Всеволод рухнул прямо на ноги тете Ладе и заскулил, провожая свою печаль. Яра тоже не выдержала, обняла вздрагивающего Всеволода и заревела в голос. Тетя Лада отвернулась и подставила лицо под ветер, который срывал ее слезы. А Мстислав жал на ручку, вдавливая ее в опору, до предела разгоняя катер. Лишь скулы на его лице ходили ходуном от плотно сжатых зубов.

Долгие годы Всеволод не мог себе простить, что ведь все почувял, все понял, обо всем догадался. И не успел предупредить отца. Совсем чуть-чуть не успел.

* * *

Перед глазами, словно дымок от затухающего костра, медленно таяли картинки из прошлого.

Кружилась голова. Тело заполнила слабость. Он помнил, что еще недавно сила бурлила в его жилах, но теперь от нее ничего не осталось.

Всеволод почувствовал дуновение сквозняка на лице и открыл глаза. Сперва он ничего не видел, кроме белого цвета. Только потом, когда глаза сфокусировались, разобрал, что смотрит в потолок. Интересно, где это он? Чуть повернуть голову стоило огромного труда.

Никогда еще он не чувствовал себя таким беспомощным. И теперь все прояснилось. Он находится в больнице. Повсюду стоят койки и прикрепленные к ним медицинские аппараты, полностью контролирующие состояние больного. Палата была переполнена. Между койками ходили медсестры в белых халатах и чепчиках с символом восходящего солнца, озаменовывающего возрождение и выздоровление.

В памяти всплыли картины ночного сражения в княжеском детинце...

Волков обвел сухим языком потрескавшиеся губы. Хотелось пить. Он отвернулся, чтобы не видеть других больных, раненых. И в этот момент изголовье койки стало медленно подниматься вверх, пока не достигло угла в сорок пять градусов. Теперь ему было все видно, только вот смотреть не хотелось. Он закрыл глаза. И почти сразу же почувствовал горячую поверхность, коснувшуюся губ. Нежная ладонь скользнула ему под голову и приподняла его. Он открыл глаза и увидел кружку с чем-то теплым. Он припал к вареву с жадностью новорожденного волчонка. Пил и не мог напиться, пока у него не отобрали питье.

Сухой салфеткой ему промокнули губы и уложили на изголовье.

Волков перевел взгляд на заботливую медсестричку. Ее черты лица были смутно ему знакомы. Где-то он ее уже видел, только это было очень давно и в то же время недавно.

Она улыбнулась ему. Он хотел что-то сказать, только она не дала. Приложила палец к губам, запечатывая их незримой печатью молчания. Отвернулась и пошла прочь.

Волков закрыл глаза, но перед ним продолжала стоять она. Его медсестричка, спасительница. Откуда он знает ее? Почему от встречи с ней на душе стало так светло? С этими мыслями он не заметил, как уснул.

Она вернулась вечером.

К ее приходу он уже не спал и чувствовал себя намного лучше, чем утром.

Она приветливо ему улыбнулась и произнесла:

— Ну здравствуй, волчонок.

Теперь он узнал ее.

— Яра.

Подруга детства. Как же она все-таки изменилась, похорошела... Волков был несказанно рад встрече. Причудлива судьба, что свела их вновь вместе после стольких лет.

— Какой ты взрослый стал. Уже и не волчонок вовсе. А настоящий волк!

— Яра, я...

— Молчи, тебе нельзя разговаривать, — она вновь, как в прошлый раз, приложила ему палец к губам. — Молчи, тебе надо беречь силы. Сейчас будем делать перевязку.

— Ты не поверишь... я очень рад.

Девушка застыла и посмотрела в его глаза. «И я рада... волчонок», — сказал ее взгляд.

Глава девятая Вторжение

Воевода не имеет права на отход и оставление вверенной ему крепости, покуда не исчерпаны все средства и способы к защите оной.

Из наставлений по гарнизонной службе

Деревенька Камышово стояла на берегу озера Ройка, окруженная со всех сторон густыми непролазными лесами. Только две узкие дороги, так что еле-еле два грузовика разъедутся, вели сквозь лес к проезжему тракту, связующему все окрестные деревни с городом Мытово, столицей боярской вотчины ур-Камыдов.

Полсотни лет назад эти места принадлежали другому боярскому роду — Дорбышей. Только род захирел и угас, а земли князь Белгородский передал в управление одному из приближенных к себе родов. Да крестьяне и ремесленники не особо и возражали. Во-первых, кто бы их слушать стал, а во-вторых, жить при нордусах оказалось не в пример легче, чем

при вятших Дорбышей, которые пытались пополнить свою казну при помощи повышения налогов да прочих непомерных поборов. Спасти это их не спасло, но последние перед пришествием ур-Камыдов годы оказались самыми голодными. Что же до камышовских, то их, как поговаривали старики, сам лес спас, а может, и лешаки подмогли. Уж очень у них места глухие. Сборщики до них ни разу и не доехали. Кто заблудился да назад поворотил, а кто и просто сгинул с концами. Дороги проселочные для кого и дороги, а для кого и тропки-путаницы.

Завида, ведун местный, правда, знал, что дело тут не обошлось без волхва Каляды, у которого он уму-разуму да ремеслу учился. Сам Каляда давным-давно покинул Совет Волхвов и отправился странствовать по землям русичей. Стало быть, добровольно в изгнание пошел в поисках новых и забытых знаний. Постранствовав с десяток лет, он набрел на Камышово, да и полюбилось ему сие место. Тут и осел, а вскоре из местной ребятни выбрал себе толковых учеников — Завида и Чеслава.

Каляда многое дал отрокам. Когда же они сами стали ведунами, то пути-дорожки их разошлись. Чеслав ушел в Белгород, чтобы предстать перед Советом Волхвов. А Завид остался со стариком Калядом в родной деревне. Вот уже пять лет назад схоронил его на Громовом холме над озером, но деревню не покинул. Занимался врачеванием, предсказаниями погоды да охотой. Но то была только присказка...

* * *

В это утро он проснулся рано от щемящего чувства тревоги. Спустив ноги на стылый пол, Завид выбрался из-под одеяла. Заворочалась Лада, но ведун коснулся пробуждающегося сознания женщины легким заклятьем, погружая ее в глубокий сон. Сколько раз после он проклинал себя за это. Но сделанного назад не воротишь.

Завид облачился, взял стоящий у изголовья боевой посох и направился на улицу. Проходя мимо вешалки, он машинально взял стержнемет и закинул его на спину. Выйдя из теплой избы на холодный воздух, Завид поежился и натянул на голову капюшон, расписанный защитными рунами.

Над деревней поднимался густой туман, скрывающий крыши дальних домов. Завид медленно пошел вдоль по центральной улице деревеньки, напряженно вслушиваясь в обманчивую утреннюю тишину, нарушаемую лишь трелями просыпающихся птиц да говором домашней живности. Вроде бы все тихо и спокойно, только вот обманчивая эта тишина. Чувствовал Завид приближающуюся опасность, только никак понять не мог, откуда ее ждать.

Он почти дошел до берега озера, когда появились они, словно вынырнули из тумана. В пластинчатой броне и в шлемах, искореженных злыми скалящимися масками. В руках оружие невиданной формы и конструкции. Увидев впереди Завида, монстры направили на него оружие и открыли огонь. Ведун хоть и не был ни разу в бою, но не растерялся, словно невидимая высшая сила вела его. Он отпрыгнул в сторону, уходя с линии огня, стержнемет сам прыгнул в руки, и ответной очередью он положил двух лиходеев — слава богам! Но они появлялись один за другим, и, казалось, нет им числа. Тут по одному замучаешься убивать.

Завид еле успел скрыться во дворе соседней избы, как страхолюдины изрешетили забор и все постройки. Кто они такие? И откуда здесь взялись? То, что добра от них не ждать, это к бабке-знахарке не ходи, сам ученый...

Они пришли убивать и чинить разор, в том их злой умысел. Знал ведун про войну с Империей Змея Рё, знал, да не верил, что вот так и в его жизнь вторгнется беда. И нет иного места, окаянным. И велик Простор, а видно, проглядели воеводы что-то, допустили врага до своей земли. И гадать тут нечего — они и пришли. Завиду не раз доводилось видеть голографические фильмы, рассказывающие о вражьей империи.

Но времени на рассуждения у ведуна не было. Следующая очередь заставила его откатиться в сторону.

Разбуженная выстрелами деревня мгновенно проснулась. Из домов показались заспанные мужички. Разве это вояки? Разве они способны дать отпор татым? Вот так засада. Никогда Завид не думал, что попадет в такую передрягу. И где? В самом сердце Белгородского княжества! Завид пробежал по двору к избе. Навстречу ему из дома выскочил кузнец Ивач, подпоясывая на ходу портки веревкой.

— Чего за грохот? Куда бежишь-то? — спросил Ивач.

— Хватай своих. И уходи в лес, — успел крикнуть ему Завид, а сам устремился к огороду.

Только с советом опоздал. Во дворе показался воин, преследовавший ведуна. Ивач, увидев страшилище, широко открыл рот, а руки сами схватились за перила крыльца, в надежде выломать их и пустить в ход. Глупо, конечно, и все же он оторвал перила... Лиходей даже не заметил порыва кузнеца. Короткая очередь практически в упор — и Ивач умер на месте. Покачнулся, выпустил жердь из рук и завалился на крыльцо, заблокировав телом входную дверь, за которой уже слышались женские голоса.

Завид споткнулся, словно на невидимую преграду налетел. Это что же получается, он тут спину врагу кажет, а Змеи поганые тем временем будут его соседей расстреливать?... Ведун резко обернулся. Увидел неподалеку от себя противную желтую рожу-маску, уже нацеливавшую на него оружие, и вскинул руки. Ненужный стержнемет качнулся на ремне, больно ударив в бок. Между пальцами мгновенно образовалась невидимая сфера силы, которую Завид, не мешкая, метнул в Змея. Доспехи врага под воздействием ведунского волшебства смялись, словно были сделаны из картона. Шлем раскололся надвое, устрашающая маска пошла трещинами и разлетелась на мелкие осколки, обнажая искривленное от ужаса и боли желтое лицо. Змей застыл на месте и из глаз его пошла кровь. Тело пробрала судорога, и оно рухнуло на землю.

Завид удивленно уставился на свои руки. Он никогда не подозревал в себе такую силу. Вдалеке послышался металлический топот десятка приближающихся сапог. Он не был уверен, что у него получится проделать этот фокус с большим количеством людей. Но и отступить он не мог. В доме кузнеца осталась его семья. Надо их вывести отсюда.

Завид взял стержнемет на изготовку и бросился назад, к избе.

Змеи показались в тот момент, когда ему удалось отвалить в сторону труп Ивача, блокировавший дверь. Завид встретил трех врагов сплошным огнем, опустошая магазин. Змеи даже не успели огрызнуться в ответ. Так и полегли в некошеную траву возле проломленной изгороди, которую Ивач так и не собрался обновить.

Отворив дверь, Завид поймал вырвавшуюся на волю Любаву, жену Ивача. Она слышала выстрелы и успела сообразить, что беда приключилась. Увидев мертвого мужа, она залилась слезами и бросилась к нему, но ведуну удалось ее перехватить. Он встряхнул женщину, пытаясь привести ее в чувство. Не получилось. Тогда Завид отвесил ей несильную пощечину.

— Очнись. Детишек спасай. Ему уже не поможешь.

Это подействовало. Любава прекратила рыдать и осмысленно посмотрела на Завида.

— Бери детей. И выходи. Я жду.

Любава метнулась назад в избу.

Завид отщелкнул обойму. Со стержнями туго. Обойма почти пустая. Отбросив в сторону оружие, он подбежал к мертвому Змею и содрал с него оружие. Отщелкнул обойму, взглянул. Странная конструкция. Эта штука явно не стержнями стреляет. Но на это плевать, главное, что стреляет.

Разоружив трупы, Завид осторожно подкрался к проломленной изгороди (дед Мошкарь на пьяные глаза буянить начал, да вот и завалил загородку) и выглянул. Змеи рассредоточились по всей деревне. То тут, то там раздавались выстрелы. Враги, воспользовавшись внезапностью нападения, уничтожали деревню. Мужики спросонья ничего не могли им сделать. Зачастую они падали замертво в двух шагах от своей избы. Скоро вся деревня окажется в руках Змеев.

Гнев застил разум Завида. Он выскочил из укрытия, собирая в руках всю внутреннюю магическую силу. Его появление заметили четверо врагов, стоявших в оцеплении. Они обернулись к нему, и в этот момент Завид раскинул руки, заканчивая плетение силы. Поток энергии выплеснулся, сметая все на своем пути. Змеев слизнуло, не оставляя от них ничего, даже кусочка металла от доспеха. Изгородь двух ближайших изб разлетелась в стороны, как стог сена. Одна из жердин, словно копье, пробила вывернувшего из-за угла Змея насквозь. Одна изба покачнулась и развалилась — вот силища проснулась! Думать не хотелось, что случилось с теми, кто остался внутри.

Завид остуился, чувствуя, что силы в нем почти не осталось. Как бы ноги унести. Тут уже не до сражения, а супостаты, привлеченные взрывом, уже выбегали со всех сторон, норовя окружить ведуна. Как же их все-таки много. Завид попытался поставить морок, но силушки не хватило, и мираж вышел кривовато. Пусть такой, но глаза врагов отведет и хоть не надолго, но задержит. Ведун пошатнулся и стал заваливаться на бок...

Чьи-то теплые руки подхватили его и не дали упасть. Он увидел склонившееся над ним лицо Любавы и вспомнил о том, что оставил Ладу в постели. Как же она? Он должен вернуться за ней. Мысль потекла, исчезая в растворяющемся сознании.

Любава не только не дала ему упасть. Но и в чувство привела, отвесив весомую пощечину. Ну и тяжелая рука у бабы. Завид вострепнулся. Он все еще был очень слаб, практически обессилел, но надо было бежать, пока Змеи плотно не обложили.

Возле Любавы всхлипывали двое малых мальчишек, сыновья Ивача.

— Уходите околицей в сторону леса. Если разминемся, встречаемся на опушке, возле лешачьей полянки.

Любава кивнула.

Они обогнули избу, выбрались на соседнюю улицу. Первым выглянул Завид. Вроде чисто. Любава с детьми шмыгнула в соседний двор. Завид прикрывал их. До опушки леса оставалось всего ничего. Пару дворов. Тут уже Любава и сама может справиться. Он отдал ей один из чужих стержнеметов.

— Ты куда? — испуганно спросила она.

— Я за Ладой вернуться должен, — выдохнул Завид, оборачиваясь в сторону своего дома.

И тут полыхнуло. Столбы огня взметнулись к небу. Сомнений быть не могло. Это горел его дом. Один за другим вспыхнули еще дома. Похоже, Змеи намерены сжечь деревню.

Завид дернулся было к своему дому, но Любава схватила его за плечо и резко повернула к себе. Ничего себе сильна баба!

— Ты ей уже не поможешь.

— Я должен, — он посмотрел на нее с ненавистью.

— Дома горят. Там полно врагов. Ты и сам погибнешь, и мы сгинем. В лесу, одна с детьми. Мне страшно...

Что-то сомнительно, что эта железная женщина, настоящая жена кузнеца, могла чего-то бояться.

— Лада совсем не дура. А у вас и подпол большой. Она наверняка там спряталась. Когда здесь все закончится, мы вернемся и поищем ее.

Завид понимал, что это слабое утешение, но и бросить Любаву одну он не имел права. У нее двое сынишек. Их трое, а Лада одна. И их он может спасти, а вот как с Ладой получится, неизвестно. К тому же она, может, уже мертва.

В горле странно запершило, а веки предательски дрогнули. Он отказывался в это верить.

— Надо идти, — потянула его за руку Любава. Огонь разливался по деревне. Ведун поборол себя, широко раскрыл глаза, отгоняя слезу.

— За мной! — рывкнул он, увлекая Любаву и детишек за собой.

Утро выдалось дивным. После серых непроглядных дождей с утра выглянуло солнышко, согревшее продрогшую землю. Край Долуда проснулся задолго до утренней побудки и, как это водилось за ним, выскочил в одном исподнем на площадь перед дружинными казармами. Поприседав, он сделал несколько кругов вокруг плаца, полсотни раз отжался, после чего бросился бегом к колодцу. Вытянув ведро, он встал, набрал воздуха в легкие и опрокинул ведро ледяной воды на себя. Аж дух захватило! Но от этого кровь быстрее заструилась в жилах, моментом ушли остатки сна. Стяжник Край Долуда был готов к службе. Теперь дело за малым — разбудить бойцов и устроить им утреннюю разминку.

Военная крепость Мельничный Ручей находилась на границе между землями, принадлежащими боярским родам ур-Ламов и ур-Камыдов. Здесь была сосредоточена система ПВО данного сектора, бронесамостоятельный полк и полтысячи пехотинцев.

Вернувшись в казарму, Край стянул с себя мокрое исподнее и облачился в форму. Застегнувшись на все пуговицы, он затянул вокруг пояса кожаный ремень с кобурой, внутри которой лежал пистолет, пристегнул за спину горизонтальные ножны с родовым мечом и нахлобучил на голову меховую шапку. Оценив свой внешний вид в зеркале, стяжник остался доволен увиденным. Староват, конечно, стал, вон и морщины лицо испещрили, не то что несколько лет назад, когда у него были жена и сын — Ольга и Игорь, — но ничего. Он еще поборется за место под солнцем.

Стареть Край стал аккуратно после гибели жены и сына, которому тогда еще и пяти лет не исполнилось. Накануне дня рождения отпрыска, в месяц лютый²⁵ Ольга собралась к родителям. Он сам провожал их на вокзале и не знал тогда, что видит родных в последний раз. Поезд не доехал до города Изборска, вотчины бояр Маловичей. На подходе к городу взрыв буквально разметал в щепку и стружку несколько вагонов, другие сошли с рельсов, налезли друг на друга... Погибших тогда исчисляли десятками. В этот траурный список попали и Ольга с Игорем. Официальная сводка говорила о подвижке грунтовых пластов, в результате которой произошло смещение рельсов и их разрыв...

Край затряс головой, избавляясь от воспоминаний, и отвернулся от зеркала. Почитай три года уж прошло, а он ничего не забыл. Если бы не служба, то свихнулся бы окончательно.

Когда он вышел из своей комнаты, в казарме зазвучала сирена побудки. Она пропела положенные двадцать секунд, после чего торжественно зазвучал княжеский гимн.

Мы родины своей
Отважные сыны.
Мы встанем как один —
И двинутся полки.

В сердцах своих мы веру
Отцовскую храним.
И врагу любому
Отпор всегда дадим.

Не успел еще закончиться второй куплет, как казарма наполнилась грохотом, топотом сапог и громкими командами десятников. Довольно ослабившись, Край вышел на плац, вытянул за цепочку из кармана полукафтана хронометр и, зажав его в левой руке, стал следить за стрелками. Из казармы выбегали и строились дружинники, а он не отрывал взгляда от циферблата. Наконец, когда стрелки остановились на делении «6», означавшем шесть утра, Край вернул хронометр в карман и пристально осмотрел выстроившихся в пять

---

²⁵ Февраль.

колонн по десять дружинников.

Все были на местах. Ни одного опоздавшего. Хорошо для новичков. Управились. А то в первое время после прибытия не всем по утрам бредила нервы сирена побудки. Кто-то умудрялся под такую музыку блаженно спать дальше. Пришлось с этим бороться. Хорош боец, если во время авианалета врага он одеяло между ног тискает, словно желанную милку.

Край Долуда набрал побольше воздуха в легкие и рывкнул:

— Здравия желаю, братия!

И тут внезапно рвануло...

Здание за их спиной провалилось внутрь, осело и вспухло изнутри от взрыва, разлетаясь горящими обломками в разные стороны. От неожиданности дружинники попадали на бетон плаца, закрывая головы руками. Край тоже не удержался и пригнулся, припав на одно колено. Но в ту же секунду он уже распрямился и заорал:

— По местам! Нападение!

Все-таки он отлично вымуштровал своих бойцов. Они бросились врассыпную, при этом в их действиях не было хаоса. Каждый дружинник действовал слаженно, без паники. Десятники мгновенно разобрали своих подчиненных, и вся масса бойцов, словно ветром унесенная, очистила плац. Вои устремились по местам согласно боевому расписанию.

Долуда бросился в центральный терем, где располагался командный пункт крепости Мельничный Ручей. На бегу он пытался связаться со штабом — безрезультатно. Стяжник попробовал резервный канал — тишина.

— Да что же это такое... О боги!

За спиной рвануло, кто-то истошно заорал... но голос тут же потонул в серии очередных разрывов.

Край не успел добежать до терема, как с севера показались стремительно приближающиеся истребители чужеродного вида и конструкции, воинские уже успели прозвать их «шустриками». Обтекаемые черные формы, хищно изогнутые носы и раскинутые в сторону крылья. Откуда взялись эти машины? И кто ими управляет? Новая разработка «умных лбов»?

В следующую секунду «шустрики» зашли в вираж над крепостью, открывая шквальный пулеметный огонь. Край метнулся в сторону. Упал больно на задницу и вкатился под прикрытие крыльца библиотеки. И то место, где он только что стоял, вспороли пули. И куда только смотрит ПВО? Такого просто быть не могло? Эти твари должны были быть сбиты при приближении к крепости.

Но артиллерия молчала, позволяя безнаказанно хозяйничать чужим машинам на их территории. Вот сыпанули из соседней казармы дружинники. Все как один новобранцы. Месяца два как в крепости. Проходящие над их головами истребители выкосили пулями половину стяга. Несчастные юнцы умирали с выражением ужаса на лице. Никто из них и подумать о таком не мог. Даже в самом страшном ночном кошмаре представить. Ведь они даже не на передовой. А в какой-то глухой провинции, куда никак не могли долететь враги.

Ухнуло знатно. Это один из бомбардировщиков засеял территорию крепости кассетными бомбами. Один за другим взлетели на воздух продуктовые и вещевые склады, еще две казармы, дом отдыха воинов и знахарский пункт.

Край заставил себя подняться с земли и выбрался из-под крыльца. «Шустрики» поднимались в небо для нового захода на крепость. Огонь уже пожирал всю южную часть Мельничного Ручья.

— Вот сволочи! Болотная отрыжка! — Сердце Края разрывалось от ненависти и ярости.

Эти люди повинны в смерти его жены и сына, и теперь они пришли за ним. Да и не люди они вовсе, а монстры железноликие. Он не сомневался, что это Змеи добрались до их крепости, хотя откуда они здесь взялись?

Свободная секунда — истребители противника ушли на новый вираж и стяжник рванул в терем. Благо он не пострадал, да и сомнительно было, чтобы его так сразу накрыли. То, что

возвышается над землей — это игрушки, главное внизу. Пять метров глубина и монолитная армированная плита, на дублетной подушке.

Край влетел в штаб, наполненный разноголосьем. Командование было в полном сборе. Даже прибывшие накануне вечером из столицы ведун и старший гридень из Тайного приказа были тут. За экранами терминалов сидели операторы, отслеживавшие обстановку вокруг крепости. За большим рабочим столом, превращенным в голографическую карту местности, склонились сотники, пытаясь разобраться в проблеме. Только вот пока они совещаются, Змеи разнесут крепость по камешку.

Завидев возле огромного экрана во всю стену, отображающего изгиб реки Мельничной с лесами и полянами, сотника Избора Малышева, своего непосредственного начальника, Край бросился к нему.

— Что происходит? — вот так по-простому, без условностей субординации спросил он.

— Все очень плохо. Змеи каким-то образом сумели пройти через нашу Первую армию и совершили высадку на землях бояр ур-Камыдов.

— А как же ПВО их пропустила? — удивился Край.

— А у нас уже нет никакого ПВО, — спокойно ответил Избор Малышев. — В нужный момент оказалось, что все управляющие цепи не отвечают на команды. Попытка перейти на ручное управление системами ПВО ни к чему не привела. Система не отвечает на любые попытки воздействия. Так что мы оказались с голым задом перед противником. Посмотри сюда.

Избор направил лазерную указку на экран. Картинка на нем тут же сменилась. Вместо пейзажа вокруг Мельничного Ручья показалась орбитальная карта земель, принадлежащих боярскому роду ур-Камыдов, стилизованными башенками были выделены военные крепости.

— Мы получаем сейчас оперативную сводку. Высадка произошла вот здесь.

Указка ткнулась в ничем не приметную поляну, окруженную со всех сторон лесами и озером.

— Деревня Камышово. Оказалась стерта с лица земли. Мы не располагаем данными, какие воинские силы были высажены в этой точке, но думаю, что приличные. По крайней мере, бронесамеходами и истребителями Змеи располагают. За несколько часов до рассвета дистанционно были уничтожены крепости Знатная, Южино, Гольцево. Они даже не успели оказать сопротивление. Дежурные погибли в первые же секунды атаки, остальные не проснулись. Мы получили данные с орбитальных спутников, которые засняли все события. Земли рода ур-Камыдов захвачены Змеями. Причем Змеи обошлись малой кровью. Сейчас они нацелились на нас. Мы да Добродеево в прицеле первого удара. Сколько протянем — неясно. Но подмога не придет, не выстоим. Отправлены срочные депеши в столицу княжества и боярину Всеславу ур-Ламу в Горелово. Но пока нет ответа.

Избор Малышев помолчал и продолжил:

— Странные все-таки дела на землях ур-Камыдов творятся. Известно, что город Мытово, резиденция боярина, под раздачу не попал. А также крепости Дно и Сетеево, которые находятся от нас севернее. Так что, Край, ты теперь оперативную обстановку знаешь. Пехота Змеев готовится к переправе через границу земель реку Мельничную. С того берега нас обрабатывают пушки. Где твои орлы?

— Заступили на боевые посты.

— Добро. Дуй к ним и бери под свое командование хозяйственную сотню. Невелика пособа, но что есть. Задача: всеми имеющимися средствами очистить небо от залетных птичек. По возможности проредить ряды врагов при переправе.

— Понял.

Край ударил правым кулаком себя в грудь и бросился на выход.

Избор Малышев проводил его долгим взглядом, наполненным грустью, и произнес тихо:

— Да поможет вам Солнце!

* * *

Отлежаться в госпитале Волкову не дали. Выдернули, можно сказать, прямо с больничной койки и привезли пред светлые очи воеводы Зоряна Кнута, который приказал старшему гридню немедленно отправляться в крепость Мельничный Ручей. При этом он не объяснил, почему такая спешка и что Всеволод должен там делать. Сказал только, что на борту «Войца» его ждет пакет с подробными инструкциями.

Пришлось подчиниться.

Вступив на борт ладьи, гридень обнаружил, что вся команда в сборе. Даже ведун Чеслав был тут. Все потери в живой силе стяга были восполнены из новобранцев. Так что хоть сейчас в бой. Вот этого-то Волков и опасался.

Вскрыв пакет с инструкциями, гридень обнаружил лист бумаги, исписанный мелким текстом. Он внимательно все изучил, а потом вернулся и прочитал повторно.

Теперь все становилось куда понятнее. Пока он в больничке валялся, флот Черных Змей разгромил Вторую армию, приблизился к княжеству и вступил в сражение с Первой армией. О результатах битвы ничего не говорилось. Но главное в том, что предположительно часть войск противника высадилась на планету. В задачу старшего гридня входило произвести разведку на территории предположительной высадки противника. Для этого он вместе со своей командой должен отправиться в крепость Мельничный Ручей, находящуюся на границе с землями боярского рода ур-Камыдов, где и находилась точка вторжения.

В крепость Мельничный Ручей Всеволод Волков попал уже под вечер. Познакомившись с командиром крепости, старший гридень выслушал доклад о текущем положении дел и отправился на отдых. Наутро была запланирована заброска на территорию противника. Но, как часто случается, планы затрещали по швам под натиском реальности.

Волков проснулся от суматошной стрельбы и звуков разрывающихся снарядов. Спросонья он не растерялся, собрался за считанные секунды и, предупредив свой отряд, бросился в штаб, где царила полная суматоха, к ликвидации которой уже приступили командиры.

— Отставить панику! — метал молнии воевода Любомир Стержень. — Я вас всех...

Применив неуставные отношения к подчиненным, в виде разнообразных словесных оборотов, ярко окрашенных матерными приемами, воеводе удалось быстро наладить порядок в штабе.

Поначалу несколько растерявшиеся связисты мало-помалу наладили устойчивый канал визуальной связи. Дешифровщики принесли последнюю сводку...

Положение дел сразу стало проясняться. Ранним утром неизвестные силы атаковали крепость. Часть построек разрушена взрывами, территория охвачена огнем — автоматическая система залила пеной только часть зданий, остальные гидранты не сработали, а, что вернее, были выведены из строя налетом врага. Пространство над крепостью плотно обложили «шустрики» противника, но гарнизон умудрился даже ручными средствами сбить трех «пташек». Под стенами крепости враг разворачивал десантно-штурмовую группу с тяжелой техникой.

Волков уже собирался покинуть штаб, не его это бой, не его цель, когда на пороге появился ведун Чеслав. Завидев гридня, он поспешил к нему:

— Друже, что делать будем? Люди уже на ладье, ожидают только твоего приказа.

— Вязываться в эту свалку мы не имеем права. У нас свое задание, стало быть, надо поспешать. Прямо сейчас и отправляемся. Лучшего времени и не придумаешь, — задумчиво произнес Волков.

— Нехорошо это как-то... — отозвался Чеслав, — пока наши под огнем сидят, мы бежать будем. Дело-то у нас, конечно, важное, но и своих бросать не по-людски.

Волков понимал, что ведун правду говорит, только вот и по-другому поступить он не мог. А что если они вяжутся в бой и, не дай боги, погибнут. Кто тогда исполнит

возложенную на них миссию?

— Иди на «Воец», я тебя догоню, — распорядился он.

Чеслав бросил на него злой взгляд, но даже слова не сказал, подчинился и ушел.

Всеволод приблизился к группе командиров, среди которых выделялся воевода Любомир Стержень, и сообщил:

— Мы немедленно отправляемся в тыл врага. Когда будем проходить над противником, проведу аэрофотосъемку и данные отправлю вам. Это все, что я могу сделать в данной ситуации.

— Понимаю, старший гридень. И не осуждаю вас, — ответил воевода.

Волков коротко кивнул и покинул штаб крепости.

На «Войце» его уже ждали. Поднявшись на борт ладьи, Всеволод прошел в кормчую рубку. Сидевший в кресле Чеслав хмуро посмотрел на него, но смолчал. Волкову самому не хотелось бросать товарищей в бою, но выхода не было. Хотя... постой... а что если...

Гридень усмехнулся, включил личный терминал и запросил стяжника Маруна Медведева.

— Ты, часом, не помнишь, у нас на ладье маячки остались?

— Да было, кажись, пару штук... Пушкарей спросить надо. Это в их ведении товар находится.

— Делай что хочешь, но пару маяков мне раздобудь. И пусть они приготовят их к запуску.

— А зачем? — не понял Медведев.

— Будем над речкой пролетать, как рыбное место увидим, сразу и пометим, чтобы на обратном пути с удочками посидеть, — отчего-то разозлился гридень на стяжника за его недалёковидность.

А план ведь прост, как яичница.

Волков связался со штабом крепости и посвятил воеводу Стержня в свой замысел. Воевода план одобрил и заверил, что его пушкари будут готовы к залпу.

С этим «Воец» поднялся в воздух. Волков прилип к следящим экранам.

Старт боевой ладьи не прошел незамеченным. Над Мельничным Ручьем кружилось с десяток вражеских «шустриков». На глазах у старшего гридня один из истребителей прошелся над крепостью, поливая ее огнем из бортовых пулеметов, когда сразу из двух крупнокалиберных стержнеметов защитники крепости зацепили гада. Хвост машины загорелся, ее закрутило вокруг своей оси. Она прошла над крепостной стеной и рухнула возле берега реки. Взрыв взметнул стену огня к небу.

«Молодцы, ребята, хорошо стреляют, — оценил работу расчетов Волков. — Вы только теперь не ротозейничайте».

Три двойки уцепились было за ладью, но мощь бортовых скорострельных пушек быстро сбила пушок с «пташек». Одна пара рухнула сразу за стенами крепости, а еще один стервятник развалился на куски прямо в воздухе. Остальные поспешили ретироваться и отошли за реку, под прикрытие своей артиллерии.

Следящие экраны «Войца» показывали гридню всю оперативную обстановку. Поле боя лежало перед ним как на ладони. Враг еще не успел начать переправу через речку, но сосредоточил на противоположном берегу серьезные силы. Несколько десятков пушечных самоходов, с десятков орудийных расчетов и с пару сотен живой силы. Солидный отряд вторжения и пока недоступный для артиллерии крепости. Воевода Стержень берег снаряды и дожидался, пока Змеи перейдут реку, чтобы уж бить наверняка. Волков решил облегчить ему жизнь.

— Приготовиться.

«Воец» взял выше, беспрепятственно прошел над рекой и, чуть сбавив скорость, полетел над позициями противника. Враги спешно задирали стволы к небу, но им не успеть. Скорость! Именно на это и рассчитывал Всеволод. Теперь цель! Навигационные маяки, служившие для обозначения пространственных маршрутов, должны были послужить

отличной наводкой для артиллеристов крепости.

— Сброс! — приказал Волков.

Пушкири слаженно отстрелили маяки по обозначенным целям. Один маяк упал в центре сосредоточения пушечных самоходов, другой оказался среди живой силы противника. В следующую секунду слаженный артиллерийский огонь накрыл позиции Змеев.

Заметившие поднявшийся в воздух вражеский корабль, «шустрики» Змеев рванули было за ним, но поздно спохватились. «Воец» был уже вне их зоны досягаемости, а вскоре и вовсе пропал со следящих экранов. К тому же сильные потери в наземной группе сил заставили вернуться к воздушной атаке на крепость.

Волков надеялся, что Мельничный Ручей выстоит. Он составил срочную депешу о положении дел на границе, зашифровал ее и отправил в Тайный приказ.

«Воец» уходил на захваченные врагом земли.

Глава десятая Разведка боем

Находясь в дозоре, надлежит передвигаться скрытно, со всеми мерами опасливости. Ни в коем случае непотребно предавать себя в руки врагу.

Из наставлений по воинской службе

Темно-серый корпус боевой ладьи практически сливался с наплывающими грозowymi тучами. Еще несколько минут — и отблески заходящего светила пропали в мрачной пелене. Надвигающаяся громада туч полностью закрыла небосвод. Лучшей маскировки нельзя было и пожелать. «Воец» на малых плавно вплыл в середину темного строя, на пределе чувствительности ощупывая радары землю на предмет возможного движения.

— Есть сигнал с верхнего сектора, — доложила служба слежения, и тут же на мониторе старшего гридня четко обрисовались ярко-красные точки.

Всеволод задумчиво потер бровь — сомнений быть не могло. Огромные туши десантных транспортов медленно ползли вниз.

— Какой это у них рейс? — на этот вопрос Всеволоду ответили с пульта слежения. Вновь тепловидовая картинка замерцала многочисленными пятнами. Внизу наблюдалось скопление живой силы противника.

— Зона высадки — сектор В, — тревожно доложил первый летун.

«Удел ур-Камыдов», — подумал Всеволод.

— Картинка есть? — спросил он со слабой надеждой.

— Нет. Видимость десять процентов. Помехи сильные...

— Снижаемся.

Всеволод прекрасно представлял себе опасность этого маневра, но уходить, не проверив данные, он не мог. В Тайном и Воинском приказах ждут достоверных сведений.

— Снижаемся! — повторил старший гридень свой приказ, видя, как на лице первого летуна застыл немой вопрос.

Ну что ж, его Всеволод тоже понимал. Именно он ответственен за судьбу боевого корабля. И если по вине старшего гридня произойдет нечто... но думать об этом сейчас хотелось меньше всего.

Через несколько секунд «Воец» начал осторожное снижение. По мере того как падала высота, приборы четче фиксировали движение вниз и в воздухе. Низко висащие грозовые тучи все еще хранили белградцев от обнаружения. Увеличив мощность приборов до максимума, «Воец» снимал расположение вражеских войск, которые хозяйничали в секторе, как у себя дома. Лагерь был огромен. Десятки тысяч людей из брустверных панелей и броневых плит спешно возводили укрепленную линию по всему периметру. Сотни

вездеходов и бронированных самоходов занимали позиции, перекрывая все дороги и тропы. Несколько полков пушкарей возводили батареи, беря под контроль открытые участки местности вокруг зоны высадки. Чтобы получить полную картину масштабного вторжения, Всеволод решил выпустить разведывательные кочи. Спустя десять минут три пилотируемых коча и два беспилотника уже утюжили пространство всеми имеющимися средствами слежения и фиксации.

Генератор частотных помех работал на пределе, давая разведке шанс оставаться незамеченной. Каждая минута слежения была на вес золота...

Всеволод оперативно получал картинки на монитор и, тут же кодируя их, отправлял в Белгород. Пусть воеводы проникнутся моментом и почешут широкие лбы. Еще ни разу за всю многовековую историю княжество не знало такого нашествия. Еще никогда вражья нога не топтала священной земли предков.

Старший гридень перевел взгляд на второй монитор, куда стекалась информация от беспилотников, следящих за грузовым караваном самураев. Около сотни круглобоких гигантов, напряженно урча двигателями, надвигались из-за туч, словно ожиревшая хищная тля, готовая пожрать все живое. Имея представление о размерах этих судов, Всеволоду не составило труда представить себе то количество полков и техники, которое сейчас находилось в чревах транспортников. И от осознания этого недоброе предчувствие сжимало сердце. Кровь, бурлящая от выброса адреналина, требовала действий. Ну невозможно же вот так просто наблюдать, как на твою родину, широко раскинув пасть и кляца стальными зубами, наползают вражьи твари.

— Разведке вернуться! — коротко бросил Всеволод и отправил в Тайный приказ последнюю шифрограмму. — Орудия к бою!

Первый летун нервно сглотнул, но возразить не посмел, хотя в глубине души и полагал эту затею чистым самоубийством. Кто-то из младших чинов едва слышно процедил сквозь зубы: «Безумие», а кто-то, наоборот, был рад окончанию безмолвного созерцания. Тут же взвыла сирена, призывая весь экипаж ладьи занять свои места согласно боевому расписанию.

Как только вернулись разведывательные кочи, Всеволод отдал команду на ускорение. Прогретые маршевые двигатели рванули ладью вперед. Расчет гридня был прост. На подходе к земле, когда истребительное прикрытие отходит в сторону, транспортники особенно уязвимы. Такой превосходный шанс пощипать врага Всеволод упустить не мог. Тем более при снижении они сбрасывают скорость до предела, тем самым представляя собой отличные мишени.

Оставаясь до последнего под прикрытием плотных туч, «Воец» занял позицию на расстоянии в полторы версты от транспортников самураев.

Но терпение богов не может быть бесконечным. Пушкарки в ожидании приказа замерли у своих орудий, когда радар внезапно жалобно пискнул, обнаружив две быстролетающие цели. Сбоку от ладьи, на удалении всего в паре десятков метров пронеслись «шустрики».

— Внимание — «шустрики»! — Впрочем, в комментариях Всеволод не нуждался.

То, что их визуально обнаружила маневровая группа врага, было более чем очевидно. Тянуть дальше было неразумно, и старший гридень дал добро на открытие огня. Орудия главного калибра глухо твякнули и в ту же секунду зенитки яростно заработали, провожая «шустриков» длинными очередями. Пилоты Змеев, видимо не желая изображать безрассудную отвагу, резко ушли в сторону. Они забрали круто вверх, развернулись и произвели пуск...

— Четыре ракеты...

— Вижу... — оборвал Всеволод, — давайте «горох»!

«Как не вовремя они тут оказались, — про себя посетовал гридень, — время дорого...»

Для «гороха» пришлось отвлекать главный калибр, который уже всюду крушил десантные транспортники. Вот одна из башен развернулась и два ствола синхронно выстрелили «бочки». Дистанционный детонатор подорвал их в момент, когда ракеты находились на подлете. «Бочки» рванули, и тысячи стальных шаров смертельным облаком

накрыли пространство в радиусе ста метров. Расчет оказался верным — ракеты вовремя вошли в зону поражения... Лишь одной удалось прорваться, но и ее сбили зенитчики, правда почти в упор, у самого борта ладьи.

Время неумолимо истекало. Уже почти четыре минуты орудия боевой ладьи безнаказанно избивали вражеский десант. Четыре судна, взорвавшись, камнем упали на землю. Еще два корабля, получив несколько пробоин, окутанные дымом, медленно отползали в сторону. Остальные же, сбитые с толку внезапным нападением, пытались выйти из-под обстрела невидимого врага. Среди грузовой армады началась паника. «Толстяки» разворачивались, мешали друг другу маневрировать... произошло несколько столкновений.

Всеволод решил добавить им прыти.

— Торпедные аппараты!²⁶ — рявкнул он в азарте боя.

Старший гридень прекрасно понимал: именно сейчас «шустрики» самураев докладывают высокому начальству о контакте с вражеской единицей. А Змеи далеко не мальчики. Сейчас они прощупают сверхмощными радары все и вся и сообразят, что наглая ладья всего одна. И вот тогда — здравствуйте! Тогда начнется самое интересное. Подойдут ребята посерьезнее двух «шустриков» и раскатают «Воец» в творог. Если навалятся гуртом, никакая броня не спасет. Хотя «Воец» был из последней серии, с усиленным бронированием и увеличенным вооружением.

— Есть торпедные аппараты! — доложили с пульта.

— Первый и третий — цель триста!

Две тяжелые «хрюшки», вырвавшись на свободу, умчались к целям.

— Цель сотка! Второй и четвертый — залп!

Скорость у торпед приличная... Тринадцать секунд ожидания...

— Цель триста — есть попадание... два!

Еще несколько секунд в томлении.

— Цель сто — есть попадание... одно!

— Всем орудиям перенести огонь на цель полтыщи! Добиваем гада! — Всеволод определил самого крупного из всех транспортников и решил отдать ему должное.

«Воец» вздрогнул всем корпусом от дружного залпа орудийных башен. Всеволод с превеликим удовольствием отметил на мониторе серию попаданий в цель пятьсот. Грузовой корабль вспыхнул, как хорошо промасленный факел, не иначе на борту была горючка.

Дав пушкарям произвести еще один залп, старший гридень отдал команду на прекращение огня. Орудийные башни замолчали, работали только зенитки. К двум «шустрикам», кружившим вокруг ладьи, присоединилось еще четыре единицы. «Воец» начал маневр на разворот, как небеса наконец-то разродились яркими вспышками. Сначала сухую, а спустя всего минуту пошел ливень.

— Ну, дождались... — благоговейно выдохнул Всеволод, поминая добрым словом Громовержца, что так вовремя прикрыл их отход. С момента начала обстрела транспортников прошло девять минут...

Но радость оказалась преждевременной. Корпус ладьи неожиданно вздрогнул от попадания. Старший гридень завертел головой, пробегаая взглядом по мониторам слежения. Кругом были яркие точки. Они пульсировали, одни поменьше — истребители, другие много больше — грузовые суда. Иных целей Всеволод не узрел. Хотя броненосцы самураев вполне могли войти в строй десантных кораблей. Зенитчики колотили как заведенные, не жалея уже перегреваемых стволов. Истребителей прибыло еще, и теперь они, собравшись в стаю из десяти единиц, кинулись в атаку.

Двое разлетелись на куски еще на подлете, остальные же произвели массированный ракетный залп. Огонь из курсового оружия они не открывали ввиду его полной

---

²⁶ В современном понимании белградские торпеды ближе к ракетам. Но по местной классификации ракетами называют снаряды более мелкого калибра, с удельным зарядом взрывчатого вещества менее 10 кг.

бесполезности. Что могли сделать пусть даже крупнокалиберные стержнеметы бронированным бортам ладьи? Только если антенны посбивают... да и к ляду их!

Очередной удар заставил Всеволода вопросительно глянуть на первого летуна.

— Попадание в аккумуляторный отсек, — ответил тот, — это не ракеты... и не торпеды.

— Главный калибр... — догадался Всеволод, но что толку.

Видимость почти нулевая, и камеры слежения ничего не фиксировали. Вернее, только дождь и стену черных облаков. Да и главный калибр мог садить с двадцати, а то и сорока верст — тупо по квадрату, совершенно не опасаясь задеть своих же истребителей. Через мгновение собственно так и произошло. Крупнокалиберная болванка, словно кеглю, сбита «шустрика», кинула его в сторону. Он завертелся, как юла, и ударил соседа. Оба истребителя, выписывая причудливые пируэты, устремились к земле. А болванка со свистом пронеслась дальше, благо мимо ладьи, и бахнула где-то в стороне, видимо подорванная дистанционной трубкой.

Было очень похоже, что вражеский броненосец лупил наугад. Истребители, потеряв от плотного зенитного огня еще одну единицу, спешно уходили из зоны «дружественного» обстрела. Наглядная гибель двоих, от своих же болванок, придавала им прыти.

Всеволод встретился взглядом со старшим летуном — и тот все понял без слов. Отстрелив ложную цель с аппаратом усиления магнитного приема, «Воец» начал разгон.

Через пару минут «ложник» начал работать на полную, выдавая себя за крупную цель. От него фонило так, что он сейчас на радарх самураев должен был выглядеть как упитанный броненосец. «Воец» же тем временем, сделав зигзаг, забрал выше и вышел из сектора поражения. «Ложник» двигался не спеша, позволяя ясно себя засечь.

Ливень все усиливался, а Перун без устали метал молнии на головы Змеев. Уже на пределе чувствительности радаров Всеволод заметил на мониторе, как их ложная цель была накрыта.

Жалобно пискнул приемник, оповещая начальство, что «ложник» уничтожен. Ну и слава богам!

* * *

«Воец» удачно покинул территорию, контролируемую противником, и, хвала богам, его не преследовали. Оставаясь в плотных слоях грозового фронта, ладья сбавила ход и теперь осторожно кралась на восток. Аппаратура ничего не фиксировала, кроме редких и теперь уже далеких электрических разрядов. Бог-Громовержец, видимо устав, вскоре и вовсе прекратил досаждать людям.

Наконец, Всеволод дал команду на снижение. Еще несколько минут назад ему в подробностях доложили обо всех имеющихся повреждениях.

— Всего две дырки, а сколько проблем... — пробурчал старший гридень себе под нос, размышляя о скорейшем возвращении в столицу.

В сущности, это мало что меняло. Все, что он видел, все, что зафиксировали камеры и радары, было дважды зашифровано и отправлено по назначению. Но...

Аккумуляторная станция накрылась окончательно, а вместе с ней вышел из строя основной генератор. Теперь вся надежда на резервный. Но это еще полбеды. Удручало другое. Второе попадание, в любом ином случае пустяк: подумаешь вещевой склад! Но за перегородкой находилась топливная магистраль. Только чудом не произошло возгорания. Вовремя сработала азотная система пожаротушения, напроць заморозив весь отсек с перебитым топливопроводом. Второе кольцо подачи тут же подключилось к работе, но потери были налицо. Ладье срочно требовалась дозаправка, а до ближайшей базы двести верст. Да и особых иллюзий насчет врага Всеволод Волков не питал. Ну не могут они позволить себе безнаказанно спустить с рук избиение грузового конвоя. Тем более что «Воец» погулял знатно. Минимум с десятков транспортников было подбито или уничтожено.

Сами по себе эти единицы пустяк. Главное то, что находилось у них в брюхе. А по совокупности тоннажа — это ого-го какие убытки для десантирующейся армии самураев.

От этой маленькой победы ехидная ухмылка пробежала по лицу Всеволода.

— Дай-то Перуне...

Хотя рано радоваться. Рано... возможно, уже сейчас самураи готовят облаву по всему сектору. Если успеют оперативно сработать да станцию с орбиты спустить — хана! Эта передвижная бандура враз нащупает даже мелкую цель, не то что боевую ладью. И никакие глушилки, помехи и ложные цели тут не помогут. Вопрос — успеют ли подтянуть, вопрос — успеет ли «Воец» уйти на малых. Ускориться ладья более не могла — топлива не хватит для рывка.

Через минуту перед Всеволодом замер старший механик.

— Сколько? — коротко спросил гридень.

— Коли так пойдем, то еще минут двадцать... самое большее тридцать, господине.

— Течь?

— Исправили все что могли, господине. Если неспешно пойдем... на малых в самый раз до базы посуху дотянем.

— Я понял. Благодарю.

Старший механик чуть поклонился, развернулся и поспешил в свое хозяйство.

— Двадцать минут — какая малость, — прошептал Всеволод, — какая малость...

Малость в любом другом случае, но не на войне. За эти минуты сколько всего может произойти... И еще одна деталь не давала покоя старшему гридню: почему этот сектор? Почему удел ур-Камыдов? Всеволод раскрыл на мониторе карту близлежащих к столице уделов. И до Белграда не близко... крепости по дороге с усиленными гарнизонами. Он еще раз пробежался по карте, условным обозначениям...

«Вот уж коли я бы высаживался, — продолжил Всеволод свои размышления, — то уж в уделе Лучка Кромаги. Намного лучше.²⁷ И войск с той стороны меньше, и дорога к Белграду короче да прямее... Хм, почему ур-Камыды?»

Размышления прервал подошедший командир ладьи. Он ткнул рукой в монитор.

— Тут склад пахотной артели... был...

Всеволод уже и сам видел картинку. Печальное зрелище: разбитые налетом здания, искореженная техника, трупы...

— Думаешь, там есть аболгин?²⁸

Первый летун пожал плечами. Шанс, конечно, был, но весьма призрачный. Вид развороченного склада наводил на грустные мысли, вот только если подземное хранилище могло уцелеть.

— Высылайте коч, — решил Всеволод, — даю пять минут на проверку.

Первый летун отдал приказ, и спустя минуту разведывательный коч уже несся к цели. И он почти уложился вовремя. Летун сразу же сообщил, что подземное хранилище цело, но наливная горловина завалена обломками. Всеволод колебался. Если начать расчистку и заправку, то «Воец» надо сажать. А если их атакуют, то прикованная к земле боевая ладья — отличная мишень. Но и следовать дальше малым ходом тоже опасно. При нападении ладья не сможет ускориться, да и маневрировать в бою топлива не хватит. Выходило, что...

— Куда ни кинь, всюду клин.

— Что? — не расслышал первый летун, все это время находившийся рядом.

— Выпускайте все кочи, и пусть стерегут периметр. Стрельцов на расчистку завала. Пусть оборудуют несколько огневых точек на случай неожиданностей...

— Есть! — Первый летун незамедлительно начал раздавать указания помощникам.

---

²⁷ *Летие* — краше, *лепота* — красота.

²⁸ *Аболгин* — вид высококачественного углеводородного топлива.

Долгие тягостные минуты приземления и начала работ заставили старшего гридня изрядно понервничать. Стяг стрельцов занял круговую оборону и приступил к расчистке горловины. Часть экипажа тоже была подключена в помощь. Всеволод, стараясь не выдавать подчиненным своего внутреннего напряжения, покинул ладью. Он находился среди стрельцов, наблюдая за их действиями. Ох, как ему хотелось ускорить процесс. Но боги жестоки, они никогда не позволяют играть со временем. И, наверное, это то небольшое, чем люди еще не научились управлять. Они еще не отобрали эту привилегию у богов. А ведь были где-то идиоты, кричащие о том, что, мол, люди выше богов. Вот где крамола... в головах безмозглых школяров. Рядом пристроился ведун Чеслав и, приноровившись к шагу гридня, стал вместе с ним топтать изрытую воронками землю.

— Поработали, пакостники, — процедил он сквозь зубы, оглядывая разорение артельного склада.

— Что? — переспросил Всеволод, занятый своими мыслями.

— Я говорю, сколько народу положили.

— Ах да... Ничего, не век им нашу землю топтать.

Наконец, из-под завалов показался толстый рукав. Два техника сумели внизу запустить насос и «Воец» начал жадно поглощать «горючку». Всеволод облегченно выдохнул, но тут в наушниках пискнул позывной.

— База! База ноль один! Это обоз ноль два...

— Обоз ноль два, слышу тебя, — ответил Волков, — это база ноль один!

— База, наблюдаю движение внизу. Тепловое излучение слабое...

— Сколько их? Где?

— Около десятка. Угол тринадцать... на север от вас. Расстояние меньше версты...

— Тебя понял, обоз ноль два. Продолжайте наблюдение! База ноль два? — гридень немедленно вызвал командира ладьи.

— База ноль один. База ноль два слушает! — ответил первый летун.

— Заканчивайте заправку! Того, что взяли, должно хватить.

— Есть!

— База ноль один, — вновь подал голос разведчик, — это обоз ноль три, прием?

— Слышу тебя, обоз ноль три, что там у тебя?

— Вижу гражданских... пять человек, прием?

— Понял тебя, обоз ноль три.

— Там дети! База ноль один, как понял, прием? Там дети!

— Понял тебя! Давай координаты!

— Угол тринадцать, расст...ё! чтоб вас... база, база, «шустрики» повсюду... я атакован! База...

Эфир тут же взорвался многоголосьем.

— Я обоз ноль один, иду на помощь!

— Я обоз ноль два иду! Держись, Талуй!

— Дождались... — Всеволод до боли сжал кулаки. А в мозгу невидимые молотки забивали невидимые гвозди — дети, дети, дети!

— Стяжника ко мне!

Марун Медведев вырос как из-под земли.

— Выделишь мне три десятка, сам с остальными на ладью!

— Как? Ты... не пушу!

— Кругом! На ладью бегом — марш! — отрезал Всеволод и для пущей убедительности приложил стяжника сложносоставным бранным словосочетанием. Тот не очень понял смысл сказанного, особенно если учесть, что гридень от злости проглотил окончания. Но эмоциональный напор подействовал. Стяжник вдруг подтянулся, секунду помедлил, а затем уже сам, глотая окончания, начал загонять половину стяга на борт ладьи. Так же, на бегу, он отловил трех десятников и наказал им следовать за старшим гриднем, напоследок грозно погрозив им кулаком.

— Я с тобой, — твердо изрек Чеслав с таким видом, что спорить старший гридень не стал.

— База ноль два?! — почти проорал Всеволод, включив кнопку передатчика.

— На связи!

— База ноль два — взлет! Идите по пеленгу. Угол тринадцать. Мы посуху.

— База ноль один — тебя понял! Выполняю!

Волков быстро организовал из трех десятков длинную цепь, и они бегом двинулись к лесу.

* * *

Появление «Войца» внесло резкую коррективу в расстановку сил. «Шустрики» самураев, только что завалившие один коч белградцев, прыснули врассыпную, заметив нового игрока на поле. Зенитчики боевой ладьи мгновенно подключились к работе. Всего несколько суматошных минут — и «шустрики» противника, потеряв одну машину, спешно ретировались. Оставшиеся три коча проводили их ракетным залпом. Еще один из «шустриков» взорвался, окрасив темное небо яркой вспышкой.

— База ноль один! База ноль два! Сектор чист! — немедленно доложил один из летунов.

— Тебя понял, — первым отозвался Волков. — Я почти на месте. Будь начеку!

Два огромных ссохшихся баруда лежали крест-накрест, образуя практически неприступную баррикаду. Между гигантскими стволами было вдоволь места почти для десяти человек.

Первым их почуял Чеслав.

— Стой, — тихо произнес он, подняв руку.

Всеволод тут же остановил стрельцов.

— Что там?

— Смотрят на нас, — ответил Чеслав, — ведуна чую...

— Так, хорошо, — сдержанно улыбнулся гридень, — стало быть, точно наши. Вперед!

— Постой, — Чеслав завертел головой. — Вон там они... за повалом.

Всеволод подал условный знак, и стрельцы, забрав круто вправо, стали обходить бурелом. Приблизившись на двадцать метров — замерли.

— Ну, коли там ведун, тебе и говорить, — изрек Всеволод, — скажи, чтоб не боялись и выходили.

Чеслав закрыл глаза и уже через секунду вступил в немой диалог с притаившимся ведуном. Незримая беседа длилась не более двух минут.

— Завида его зовут... — начал ведун, — и, кажется, я его знаю...

— М-да... — протянул гридень, — тесен мир.

— Он с женщиной. С ними пятеро детишек. Двое женщины этой, остальных в лесу подобрали... их деревню сожгли самураи.

— Ясно. Пусть выходят.

Ведун напрягся, посылая мысленный приказ. Еще минута — и среди поваленных деревьев началось шевеление. Первыми вылезли из укрытия два отрока лет десяти, следом показался мужчина...

Всеволод кивнул десятнику. Стрельцы живо оказались подле завала и стали помогать беглецам.

Старший гридень и ведун подошли ближе. Чеслав внимательно присмотрелся к мужчине, а затем, будто утвердившись в своих догадках, стремительно ринулся навстречу.

— Завида...

Радость по поводу встречи была недолгой. Всеволод быстро осмотрел прибывших, а затем повел свой отряд назад. Ладья могла сесть исключительно на открытом пространстве, а такое имелось только подле разрушенного склада.

Слава великим, добрались быстро, детей по очереди несли на руках. Враг больше не осмелился показаться, и все же Всеволод торопил.

«Воец» снизился сразу же, как только отряд вышел на точку погрузки. Эвакуация заняла не больше минуты.

— Курс, господине? — спросил первый летун.

Старший гридень уже развернул карту на мониторе. Запас топлива теперь позволял ему большую широту маневра. И хотелось ему навестить точку, откуда они отправились на разведку.

— Зайдем проведать крепость Мельничный Ручей.

— Есть, — отозвался командир ладьи. — Курс полета пять.

«Воец» плавно заложил вираж и лег на заданный курс. До крепости всего два часа ходу.

Глава одиннадцатая

На святое дело!

Храбрость и верность — удел истинных воев.
Белградская поговорка

Боевая ладья «Воец» стремительно приближалась к столице княжества Белграду. Завид напряженно вглядывался в следящие экраны, которые отображали панораму огромного города, раскинувшегося на берегу реки Белой. В своих мечтах Завид часто представлял себе столицу, сердце княжества, но реальность превзошла все ожидания. Огромный белокаменный город, окруженный высокими стенами, выглядел непобедимым. Еще никогда вражеский меч не нарушал этой красоты. Неужели все это будет разрушено и пограно сапогами Змеев? Думать об этом не хотелось, но избавиться от предательских мыслей Завид не мог. Так ярко были воспоминания о горящей деревне и мечущихся по крестьянским дворам Змеев с перекошенными в дьявольской ухмылке стальными масками. Деревня, в которой он родился и вырос, всегда казалась незыблемой, оплотом постоянства. Мир мог сойти с ума, бояре выяснять друг с другом отношения, но это забытое богами поселение на краю озера стояло и жило своей тихой, незаметной жизнью. Так было испокон веков и должно было продолжаться дальше.

Завид редко выбирался за пределы деревни. Все больше лесом жил да бедами и горестями соседей, которым по мере сил и способностей помогал. Да вот пришлось бросить все и спасаться бегством. Любаву с детишками он спас, вывел из горящей деревни, а Лада так там и осталась. Теперь он клял себя за то, что бросил ее одну. Но что он мог сделать? На руках женщина с детьми. Не тащить же Любаву за собой в пекло, где верховодят проклятые вороги. Только он понимал, что это жалкое оправдание. Он должен был что-то придумать и вернуться. А теперь назад пути нет. Сделанного не воротишь. Кем-то нужно было пожертвовать, и он сделал свой выбор. И он не простит себе этого. О боги...

Завид напряженно всматривался в приближающийся город, боясь повернуться и показать сидящему рядом Чеславу блестящие от душевной муки глаза. Вот же оно как приключилось. Он уже и думать забыл о друге детства, с которым постигал сложную науку ведунскую. Вспоминал только изредка и все больше предметно. На охоте встретится мишка, хозяин лесной, и сразу же в памяти всплывает первая самостоятельная охота на медведя, в которой он чуть было с жизнью не расстался. Если бы не Чеслав, спину прикрывший, так бы и сгнил в лесу с разорванной грудью. Никакая сила бы не спасла. К тому же в нем тогда и силы-то никакой не было, а лесной хозяин суровый дедушка. Не любит непрошенных гостей, которые к тому же за его жизнью пришли.

Потому и было велико изумление Завида, когда на второй день странствий по лесу он наткнулся на своих. Долгожданное избавление от скитаний. Среди княжеских воев увидел он знакомое лицо.

Когда они прибыли в Мельничный Ручей, перед Завидом встал выбор: остаться на границе в крепости или отправиться вслед за старым другом. И он сделал выбор. Любава с детьми осталась в крепости, гридень Волков уговаривал ее лететь вместе с ними, в Белграде безопаснее, но она наотрез отказалась покидать родные края. Гарнизонное командование обещало устроить женщину с детьми и с оказией переправить их в соседний городок Мален.

Завид же решил следовать за другом. Новый неведомый мир притягивал его. К тому же жажда мести жгла его изнутри.

— Скоро будем на месте, — обратился к нему Чеслав.

Завид обернулся, коротко кивнул и вновь уткнулся в следящий экран.

Приближающийся город, словно бы надвигающийся из пустоты, собирающийся проглотить его, завораживал.

— Будешь у меня жить попервости. А там и жилище себе подберешь. Я тебя покажу своему наставнику, чтобы он мог порекомендовать тебя для вступления в Союз Ведунский. Тогда тебе и работа будет, и уважение. А без Союза никуда и не податься. К тому же, после того как враг на землю нашу вторгся, для ведунов время наступило. Нельзя отсиживаться в стороне.

— А кто собирался? — буркнул Завид.

— Вот и хорошо.

Через некоторое время «Воец» опустился на военном аэродроме на окраине города. Завид охотно выбрался из кресла, успел уже всю задницу себе отсидеть, и вышел на свежий воздух вслед за Чеславом.

Стяг попарно покидал борт под четким руководством стяжника Маруна Медведева. Чуть в отдалении стоял старший гридень Всеволод Волков и наблюдал за разгрузкой ладьи. К нему и направился Чеслав. Завид не отставал.

— Какие планы? — с ходу спросил Чеслав.

Всеволод взглянул на друга. Казалось, он не понимает, о чем его спрашивают. Но вот осмысленность вернулась во взгляд.

— Я отправляюсь на доклад в Тайный приказ. Воевода Кнут жаждет знать все сводки с передовой, так сказать, из первых уст. А вы куда?

— Ну не у одного тебя начальство есть, — усмехнулся Чеслав. — Мне бы тоже к волхву Избору на доклад попасть. А потом Завида пристроить надо. Только вот чует мое сердце, что недолго нам бездельем маяться.

— Да какое там безделье. Уверен, что завтра нам на передовую пропуск выпишут. И не может быть по-другому, пока отечество в опасности.

— Прав ты, Волков, ой как прав, — нахмурился Чеслав. — Пойдем мы.

Завид кивнул гридню и направился вслед за другом к виднеющемуся невдалеке приземистому зданию аэровокзала.

— Подождите немного. Сейчас я тут закончу и подброшу вас до Избора, — окликнул их Всеволод.

— Благодарим тебя. Мы будем в зале ожидания, — сказал Чеслав.

Ждать пришлось недолго. Все это время Завид на месте не сидел. Он обошел весь зал ожидания, с любопытством разглядывая мельтешащих по делам дружинников и обслуживающий персонал аэродрома. Его интересовало все. Каждая деталь, привычная для Чеслава, выглядела для него чудно и притягивала внимание. Местные же не обращали на него внимания. Подумаешь ведун. Что они ведунов не видели, пускай и в столь потасканной и грязной одежде. От этого сам Завид чувствовал некоторый дискомфорт. Не привык он в грязной одежде ходить.

По-военному чеканя шаг, появился Волков, на ходу говоря с кем-то по устройству внешней связи, маленькой коробочке, умещающейся в ладони. Приблизившись к ведунам, он спрятал устройство в карман кафтана.

— Ну что, поехали. Кстати, есть предложение. Вечером после всех докладов и прочего встретиться в «Медвежьей крови». Я позову Ждана. Когда еще удастся посидеть вместе.

— Хорошее предложение, — согласился Чеслав.

Завид сделал вид, что его это не касается. Хотя пойти вместе с ними в эту «Медвежью кровь» очень хотелось. Судя по всему, это какое-то питейное заведение. Однажды ему довелось побывать в корчме «Глухари» в селе Медянки, в трехстах верстах от родной деревни — вот было чудесно. А тут столица, и корчма должна быть на несколько порядков выше.

— Ты, кстати, тоже приходи, — сказал Волков, обращаясь к Завиду. — Мало ли как жизнь потом сложится. Человек ты наш. Бабу с детьми не бросил и из пекла вытащил. Так что право сидеть с нами за одним столом заслужил.

Завид невольно почувствовал гордость за себя. Попытался подавить. Греховное это чувство. Он сделал то, что на его месте любой мужик бы сделал. Чего тут гордиться.

Больше за всю дорогу Волков ни слова не проронил. Он уверенно вел самоход по улицам Белграда, думая о чем-то своем. Чеслав тоже к общению не стремился. Завид же прильнул к окошку, разглядывая проносящиеся за стеклом пейзажи.

Белград произвел на Завида неизгладимое впечатление. Столица выглядела как разворощенный муравейник. На улицах от людей не продохнуть. Окажись один в этой толпе, Завид, наверное, растерялся, так бы и сгинул в этом людском омуте. Кого здесь только не было: и новики, и нордусы, и вятские. В их-то деревеньке и окрест ни одного нордуса не было, хотя все знали, кто это такие. Ведь на землях богатого нордусского рода жили, только вот в глаза не видывали, а тут на каждом шагу толпами ходят. Одевались нордусы хоть и по общему вкусу-моду, но непременно носили желтые шейные платки. Сказывали люди, что так у них издревле повелось.

Да и новиков узнать было не сложно. Все при мечях с наверхшими звериными, да с широкими ремнями. А пряжки при них тако же с мордами звериными, стало быть, у кого в роду какой зверь в почете. И сказывал ему еще учитель, что, дескать, счет свой они от этих зверей и ведут. И фамилии подобающие. Вот и спаситель их, старший гридень, тоже из оных — Волков.

Ну а вятские, те стариной родов своих дюже гордые, почитай все в богатых шубах да с золотыми цепями на груди — вот где диво.

От самоходов же на проезжей части в глазах рябило.

Волков высадил их перед неказистым двухэтажным домом, стоящим на подъеме и крутом повороте улицы под названием Кривая. И ведь по делу назвали. Ничего себе загогулину сделали. Того, кто эту улицу проектировал, надо бы самого поселить здесь, чтобы неповадно было пакостить, решил Завид. Старший гридень на прощанье махнул им рукой через окно, и его вездеход укатил в сторону Тайного приказа.

Темнело, хоть до вечера было еще далеко. Небо затягивали тяжелые, богатые водой тучи. Кажется, дождь назревает.

Чеслав подошел к парадной двери и позвонил в звонок. Открывать им никто не торопился.

— Заснули они там, что ли! — выругался он.

Завид промолчал, хотя стоять на улице отчего-то было неприятно. Несмотря на ее кривость, людей на тротуаре было много. Несколько раз его уже толкнули и, не извинившись, исчезли за поворотом.

«Никогда не буду здесь жить. Это какое-то гиблое место. Как тут люди только не свихнутся?» — думал Завид, озираясь по сторонам.

Наконец, дверь открыл какой-то древний старик, только что труха из него не сыпется. Осмотрел внимательно Чеслава, словно пытаясь удостовериться, что это не чужак какой под знакомой личиной пришел, потом перевел взгляд на Завида и только после этого спросил:

— С чем пожаловали? — Голос у него был противный, скрипучий, словно у несмазанной телеги.

— Волхва Избора повидать надобно, — ответил Чеслав.

— Так нету его. Еще поутру улетел.

— Не подскажите, Болеслав, куда достопочтенный отправился? — постарался добавить побольше меда в голос Чеслав.

— Так в Древней роще волхвы Большой Совет созывают, — не стал ничего скрывать старик.

А ведь мог бы и заартачиться. Почему-то Завид был убежден, что старику очень хотелось промолчать и дверь захлопнуть.

— А мне Избор что-нибудь просил передать? — спросил Чеслав. — Мы договаривались о встрече.

— Письмо, кажется, оставил, — неохотно признался старик. — Обожди-ка тут.

Закрыв перед лицом ведуна дверь, Болеслав зашаркал по полу...

— Эдак он долго будет... — подал голос Завид.

— Да-а-а, — протянул Чеслав, — совсем состарился...

Однако же вскоре Болеслав появился с белым конвертом в руках. Всучив его Чеславу, он тут же закрыл дверь, даже не попрощавшись.

— Характер у Болеслава препакостный. Сам Избор на него жалуется при каждом удобном случае. Только терпит. С Болеславом он уже не первый десяток лет вместе. Вот и жалко старика, — объяснил Чеслав, вскрывая конверт.

Завид кивнул. Знакомая ситуация. У отца старосты их деревни дом сгорел на берегу озера. Сын приютил старика. А характер у того не мед. Ворчливый был — спасу нет. Завид в этом самолично убедился, когда приходил его лечить. И деться старосте уже некуда, пришлось жить и терпеть. На излете прошлого лета схоронили старика.

— Избор требует, чтобы мы прибыли в Священную рощу на Совет Волхвов.

— А разве ведуны до Совета допускаются? — удивился Завид.

— Вот я и сам в недоумении. Не было еще такого на моей памяти. Но делать нечего, ехать надо, заодно и узнаем все.

— Мне тоже?

— Избор и тебя хочет видеть! — посмотрел Чеслав пристально на друга.

Завид испытал внутренний трепет. Неужели он своими глазами увидит Древнюю рощу, священное место для всех ведунов и волхвов княжества. О ней он только от своего учителя слышал. Быть того не может.

— Как поедem? — только и спросил он.

— Тут до моего дома рукой подать. Там грязь с дороги омоем, возьмем коч — и сразу же на Совет, — сказал Чеслав.

* * *

Река Белая полноводная и широкая. Даже на юрком коче надо потратить несколько минут, чтобы перелететь ее. На одном берегу раскинулся Белград, на другом же виднелась Священная роща, густая, вызывающая трепет в душе каждого славянина. Сколько легенд и сказок сложено про это место — так и не перечесать. Даже Завид про нее слышал, только представлял себе иначе. Ему казалось, что Священная роща это густой непроходимый лес с черными мрежевыми деревьями, куда не проникает даже лучик солнца и где творится самая тайная и сложная ворожба и бродят чудовища. Но священный лес оказался обыкновенным — густым, с вечно зелеными деревьями, но все же без всякой мистической жути, которую напридумывал себе Завид еще мальчишкой.

Сидящий за штурвалом Чеслав напряженно вглядывался в следящий экран, словно в первый раз видел местность, простирающуюся под бортом коча.

— Ты когда-нибудь бывал в Священной роще? — неожиданно спросил Завид.

Чеслав вздрогнул, оглянулся, помялся, но все же ответил:

— Давно. Когда Избор признал во мне ведуна. И представил меня Союзу.

Он умолк, и некоторое время царило молчание.

— Когда я ушел из деревни, долго скитался. Для себя же я решил, что должен попасть в

столицу и стать ведуном, а не деревенским знахарем, способным разве что на слабосильное заклинание.

— На меня намекаешь, — Завид брезгливо поморщился, но Чеслав этого не заметил.

— Да нет... извини, это я так, к слову.

— Что мне, — деревенский ведун пожал плечами. — Вы вон по столицам живете, на выселки носа не кажете, а там тоже люди живут. Им-то кто пособлять будет, коли все в Священной роще заседать будут.

— Тоже верно... извини, я не хотел тебя обидеть.

— Пустое. Что дальше-то с тобой приключилось?

— Больше года я скитался по городам и весям. И наконец прибил к купеческому посольству. С ним и попал в Белград. К этому времени я неплохо узнал купца Дорода Соху, сдружился с его сыном. Мне ничего не стало уговорить их отвести меня к лучшему волхву. Правда, Дороде очень не нравилась эта идея. И я чувствую, что он меня надул. И просто отвел к знакомому волхву. Так я попал к Избору. Он заинтересовался мной и взялся за обучение. В Священной роще меня посвятили в ведуны и больше я сюда не возвращался. Вообще роща не ведунское место. Здесь собираются волхвы для своих заумных бесед и всякого такого. Меня в это не посвящали.

Завид кивнул, но все же спросил:

— Ты счастлив, что ты ушел из деревни?

— Я нашел свое место в жизни. И это самое главное.

— А мне казалось, что я знаю свое место и предназначение. Только деревни больше нет, и всех, кого я знал и любил, тоже. Ты единственный, кто остался из прежней жизни, — произнес Завид.

— А это уже немало, — заметил Чеслав.

За разговором Завид не заметил, как коч пошел на снижение и вскоре опустился на расчищенной поляне, в сердце рощи. Здесь не росла трава, выжженная соплами ладей и кочей.

Первым корабль покинул Завид. Отойдя на несколько локтей, он замер в изумлении. Десятки разных судов воздушных тесно стояли на поляне.

— Чего это старики удумали? — удивленно произнес Чеслав, подходя к другу. — Виданное ли дело. Похоже, все волхвы да ведуны княжества собрались на Совет.

— Куда дальше?

— Следуй за мной.

Чеслав уверенно направился в глубь рощи, опираясь на резной деревянный посох с навершием в виде шара, удерживаемого ветвями сухого дерева. Завид следовал за ним, также опираясь на посох, только куда скромнее. Откуда у деревенского «колдунишки», так, кажется, назвал его друг, может взяться дорогой посох. Только свой Завид ни за что бы не променял.

Дойдя до края поляны, Завид заметил узкую тропинку, уводящую в глубь леса. Чеслав замер на краю тропы, надвинул на голову капюшон и вступил на нее. Дорога оказалась короткой. Через каких-то десять минут они вышли на просторную поляну, в центре которой стояли резные деревянные идолы в четыре человека ростом. Они стояли кругом, вглядываясь в большой жертвенный камень, и взгляд у них был суровый, но все же какой-то сострадательный. Чуть в отдалении стояла изба из здоровенных мрежевых бревен на двенадцать венцов. В ней и проходили Большие Советы волхвов. Туда не допускались сторонние. Даже ведуны не имели права зайти внутрь. Нарушившего древний запрет ждала смерть через утопление в реке. Уж это Завид знал. Старик учитель рассказывал ему.

Вокруг избы рядами были установлены деревянные скамьи, видно сколоченные как раз по такому случаю. На них восседали несколько десятков человек в ведунских одеждах и несколько волхвов, не входящих в Большой Совет. Еще пару десятков свободно разгуливали по поляне. Среди ведунов попадались и люди в простых одеждах, не принадлежащих к Союзу. Видимо, кто-то из слуг.

Один из таких простолюдинов подбежал к появившимся на поляне ведунам, широко улыбнулся и спросил:

— Вы на Совет? Прошу следовать за мной.

Чеслав нахмурился, ничего не сказал, только коротко кивнул. Когда простолюдин чуть ушел вперед, он обернулся к Завиду и произнес:

— Не нравится мне это все. Чувствую я, назревает что-то. Удумают наши старики какую-то каверзу. А нам потом расхлебывать.

Завид был с этим согласен. Он еще ни разу не видел настоящего волхва. Но догадывался, что они способны на многое.

Простолюдин провел их к скамьям и показал на свободные места во втором ряду. Чеслав и Завид сдержанно поблагодарили его и приземлились на деревяшку.

С любопытством, граничащим с восторгом, Завид разглядывал суровые, напряженные лица ведунов. Многие из них были обожжены ветром войны. Повидавшие и вкусившие суровую правду жизни во всех ее проявлениях, они внушали уважение и трепет такому неопытному и ничего не знающему в этой жизни Завиду. Все лица были устремлены на крыльцо совещательной избы. Не слышно было разговоров. Чувствовалось, что в эту минуту решаются судьбы многих.

— Долго ждать-то? — наклонившись к другу, спросил шепотом Завид.

И тут же почувствовал, как несколько ведунов повернулись к ним и посмотрели с осуждением.

Но Чеслав все же ответил:

— Совет может продлиться и несколько дней.

— И что мы все это время должны здесь сидеть?

— У нас нет выбора. Даже если будет дождь или ураган, все, кто прибыл в Священную рощу, могут покинуть ее только после разрешения Верховного волхва.

На них смотрели с явным неодобрением. И Завид решил больше ни о чем не спрашивать, хотя десятки вопросов волновали его.

Он потерял счет времени, сколько они просидели в абсолютном молчании в ожидании, когда наконец закончится Большой Совет. Завид с трудом боролся с дремотой. То она побеждала его, то он временно одерживал верх.

Наконец двери совещательной избы открылись, и наружу один за другим вышли двенадцать волхвов. Они были в длинных одеждах из отбеленного льна, расшитых защитными узорами, подпоясанных черными кушаками. Седовласые волхвы шествовали медленно, опираясь на деревянные резные посохи. Они выстроились полукругом, лицом к сидящим перед ними ведунам.

Вперед выступил Верховный волхв Креслав, поднял руку с посохом вверх и черный каменный шар наверху налился изнутри светом и вспыхнул, освещая поляну. Завид даже зажмурился, настолько нестерпимым и ярким был свет.

— Друзья и ученики, мы собрали вас здесь, чтобы огласить волю свою. Вороги из неведомой дали пришли на нашу землю и осквернили ее своими богопротивными деяниями. Они жгут наши грады, села и веси. Посему, по просьбе младого князя Игоря Ярославича и его наставника боярина Зоряна Кнута, мы решили создать три стяга ведунов для проникновения на захваченную врагом территорию. И стяги оные, как называют их наши вой, будут штурмовыми!

Волхв Креслав умолк, давая волхвам и ведунам возможность переварить информацию.

Над поляной поднялся шум. Люди оживленно обсуждали услышанное. Даже к Завиду повернулся незнакомый ему ведун с большим рыхлым носом и яростно заговорил:

— Давно пора. А то отсиживаемся по городам, словно нас это все не касается.

— Это любопытно, — наклонившись к Завиду, сказал Чеслав. — Я обязательно должен записаться в эти стяги. Ты пойдешь со мной?

Тут Завид понял всю информацию целиком. Ведь штурмовые стяги ведунов будут заброшены на земли ур-Камыдов. Если он будет с ними, то появится шанс узнать все о Ладе.

Он старался не думать о том, что скорее всего ее уже нет в живых. Но если это так, то у него хотя бы будет возможность отомстить за нее.

— Можешь на меня рассчитывать. Но возьмут ли меня?

— Куда денутся. Это же твои родные места. Я-то там уже давно ничего не помню, а ты каждую тропку знаешь. Лучшего проводника нам не сыскать, — повеселел Чеслав.

— Прошу внимания! — произнес верховный волхв Креслав. — Решение о создании стягов принято единогласно. Мы испросим благоволения богов для нашего трудного дела. Пока же хочу назвать имена командиров стягов. Первый из них возглавит волхв Гореслав.

С одной из скамей поднялся черноволосый мужчина в белом балахоне, подпоясанном зеленым поясом. Один из младших волхвов, не заслуживших еще места в Большом Совете.

— Вторым будет командовать волхв Избор.

Из полукруга Большого Совета выступил вперед крепкий жилистый старик с длинными белыми волосами, удерживаемыми железным витым обручем, с красным камнем во лбу.

Чеслав разудыбался. Его учитель лично поведет отряд. Избор заметил его в толпе ведунов, кивнул.

— Третий стяг возглавит волхв Храбр.

Еще один старик выступил из рядов Большого Совета.

— Ничего себе, — пробормотал на ухо Завиду Чеслав, — никогда не было такого, чтобы Совет отправлял на рискованное дело своих членов. Значит, дело нам и впрямь предстоит ответственное и тяжелое.

— Теперь я зачитаю имена, кому выпала честь быть в числе штурмовых стягов. Все, кого я назову, пусть выходят к требному камню, — продолжал говорить верховный волхв Креслав.

Он развернул бумажный свиток, спрятанный в просторном рукаве балахона, и стал называть имена. Через несколько минут Чеслав просиял. Как он и ожидал, его включили в отряд.

Поднимаясь, он дернул Завида за рукав.

— Пошли!

— Меня не звали, — отчего-то заупрямился Завид.

— Пошли, я тебе говорю.

Пришлось подчиниться.

Они вышли на поляну, где уже стояли неполные четыре десятка ведунов да младший волхв Гореслав. Все были очень взволнованы возложенной на них ответственностью. При этом каждый понимал, что, возможно, участие в штурмовом стяге — это билет в один конец. Назад вернуться не все...

Вскоре собрание было окончено. Остальные волхвы и ведуны потянулись прочь с поляны. Остались только избранные. К ним и направились остальные члены Большого Совета.

Избор подошел к Чеславу. Ученик склонил голову перед учителем.

— Рад, что ты успел, — произнес волхв. — Ты пойдешь в моем стяге. От всех текущих дел ты отстранен для выполнения этой секретной и чрезвычайно важной миссии. А кто это с тобой?

Избор пристально посмотрел на Завида.

— Я вроде всех ведунов знаю, а вот тебя в первый раз вижу.

— Это мой друг детства. Он всю жизнь прожил в деревне. Вороги сожгли ее на днях... — представил Завида Чеслав.

— Можно я тоже пойду с вами? Я все тропы знаю.

— Брать с собой неопытного деревенского ведуна... кхм... рискованно это очень... — замялся Избор, задумался, еще раз внимательно оглядел Завида и спросил: — Кто учил тебя ведунскому делу?

— Каляда, волхв.

Услышав это имя, Избор вздрогнул:

— Вот значит, как, — произнес он, задумавшись. — Ученик Каляды, ты пойдешь в моем стяге!

Глава двенадцатая Крамола

*Нет пущей напасти и великого ущерба для рода, коли брат
супротив брата крамолу подлую замыслит и, аки тать, спочит оную
творить.*

Из Белградского судебника

Воевода Зорян Кнут, глава Тайного приказа, внимательно выслушал доклад старшего гридня и призадумался. Пальцами правой руки он рассеянно перебирал листки бумаги на столе, в то время как взгляд воеводы был устремлен на висевшую на стене карту княжества, испещренную разноцветными тактическими значками. Всеволод откинулся на спинку стула и выжидательно молчал, давая начальству переварить все услышанное.

— Ур-Камыды, говоришь... — едва слышно проговорил Зорян Кнут.

— Так точно.

— И крепости с гарнизонами их целы?

— Да. Порушены или взяты в осаду только крепости с гарнизонами других полков.

— Крамола! — воевода, наконец, перестав шебуршать бумажками, врезал кулаком по столу.

Он вскочил, опрокинув стул, и в два шага оказался подле гридня.

— Ты понимаешь сие? — Зорян навис над Всеволодом. — Это крамола лютая супротив князя! Супротив всего государства нашего!

— Понимаю.

— Это же... ох, смотри, Всеволод, коли окажется, что это ошибка...

— Я своими глазами видел, — твердо заявил старший гридень, — да и аппаратура все четко зафиксировала...

— Да иди ты со своей аппаратурой... — перебил его воевода, — знаешь куда?! Ур-Камыды древний род... никогда за ними ничего лихого не водилось. А ты...

— Факты...

— А-а-а, провались все... — Воевода отошел в сторону, замер напротив карты. — Покажи!

Всеволод медленно поднялся, подошел к карте. С угла стенда снял длинную указку и принялся показывать начальству места высадки противника. Затем указка быстро забежала по землям ур-Камыдов, отмечая на карте крепости, уже захваченные самураями.

— Такую масштабную высадку невозможно было им осуществить без поддержки с земли, — закончил отчет старший гридень.

— Надо бы еще раз все проверить, — задумчиво произнес Зорян Кнут, скрестив руки на груди.

— Род ур-Камыдов большой, — начал Всеволод, вернув указку на место, — многие из них проходят службу в разных полках и...

— Я понял, — кивнул воевода, — их надо срочно всех брать! И пытаться с пристрастием! Суки, ишь что удумали! Крамольники, лихоимцы... тати кряжелобые... — воеводе было уже не остановить, и на головы всех ур-Камыдов вместе и на некоторых в отдельности сыпались проверенные веками народные изречения. Вся сила духа руссов была в тех словах. Вся неистребимая вера в неизбежность наказания.

— Ах, Беловолод, ах, паскуда тряпочная, — это Зорян поносил главу рода ур-Камыдов, воеводу шестого полка, который и занимал оборону в своем уделе, ставшем сектором высадки неприятеля. — Ах, охальник! Ну, будет тебе, уж погодит... — воевода, не переставая извергать проклятия, параллельно слал срочные депеши всем ведомственным

воеводам.

Всеволод вернулся на свое место и стал терпеливо ждать, а заодно и набираться опыта и знаний.

— Вот Унук еще, — это воевода помянул первого летуна сторожевого коча «Быстрый», тоже из ур-Камыдов, — ведь лешак его забери, а он мне давеча посылку из имения привозил. Прохвост окаянный! Всех изведу! — Палец Зоряна от злости так вlepил по клавише, что она раскололась на мелкие части. — Да чтоб тебя... чтоб всех вас... И Бала тоже. — А вот этого ур-Камыда Всеволод знал лично.

Младший гридень их же приказа. Ничего особенного, мелкая должность, но в свете последних событий...

— Я его лично намотаю на... — договорить воевода не успел, звякнул «звонарь».

— Господин воевода, — старший гридень узнал голос друга — Ждана ур-Зора, — к вам воевода Вадим Ярославович Сечень.

— Не томи!

— Есть, — коротко отчеканил личный секретарь.

А еще через секунду дверь шумно отворилась и на пороге возникла массивная фигура главы Воинского приказа.

«Быстро он», — подумал Всеволод.

— Ты это взаправду? — с ходу пробасил Сечень.

— Правдее некуда, — ответил Зорян, — присаживайся, воевода.

Сечень сел напротив старшего гридня.

— Ну, чего накопили, сказывайте. Уж дюже ты меня настрашал с этими ур-Камыдами...

Зорян Кнут и сам был несколько поражен такой прыти старого вояки. Не прошло и десяти минут, как он отправил ему депешу, а этот уже прибыл. Видать, зацепило...

— Обожди немного, — чуть более спокойно изрек воевода Тайного приказа, — дождемся всех.

А все, опережая друг друга, в течение получаса были в сборе. Кабинет Кнута наполнился тревожным гудением. Зорян обвел взглядом длинный стол, за которым собрались воеводы всех ведомств и приказов.

— Вот, господа воеводы, зачем я вас собрал. Необходимо немедленно пресечь крамолу супротив князя и государства нашего. Для этого вам надлежит строго из моего кабинета разослать всем подчиненным вам ур-Камыдам...

— Эва как, — перебил Ташко Серый, воевода Приказа путей и дорог, — это где мне их всех сыскать? Буди в Сыскной приказ челобитную посылать, чтоб подсобили. — Он скривил губы в усмешке, попытался заржать в голос. Но его никто не поддержал.

— Не надо никуда ходить, — Зорян Кнут кивнул Всеволоду, — принеси из печатного стана...

Старший гридень демонстративно встал и прошел в ближний угол, где громадой возвышался печатный станок. Взяв распечатки, он положил их перед Кнутом.

— Здесь, — Зорян накрыл кипу ладонью, — списки ур-Камыдов по всем ведомствам и приказам. Сейчас каждый из вас получит своих... — Воевода опять кивнул гридню, и тот стал раскладывать листки на столе.

— Каждый из вас! — Зорян поднял указательный палец правой руки. — Под моим взором отпишет приказ прибыть ур-Камыдам в крепость Таюн. По очереди и под моим взором, — еще раз повторил воевода, погрозив всем пальцем, — и прошу зла на меня не держать, сие для пользы государевой.

— Ты что, нам не веришь...

— Сомневаешься?

— Да я всю жизнь верю и правдою...

— Да мы за князя...

— Очень прошу, — Зорян перебил недовольные голоса, — для дела. Начнем с тебя,

Вадим.

Воевода Воинского приказа, уже успевший изучить поданный ему список, ехидно заметил:

— Ловок ты, Зорян... ты на нас на всех такие списки имеешь?

— Служба.

— Оно и верно, — Вадим Сечень едва заметно дернул головой и принялся с личного коммутатора отправлять указы по полкам, где служили ур-Камыды.

— Ужо пойдет потеха... — зло шепнул воевода Сыскного приказа на ухо воеводе Поместного приказа.

— Это все добрэ, коли ур-Камыды своих оповестить не успели. Тогда мы их тепленькими возьмем, а коли успели? Так от них и след уже давно простыл, — высказал сомнения воевода Поместного приказа.

Зорян Кнут пристально посмотрел на Става Рубца. Ох, прав мог оказаться воевода Поместного приказа: а что если утекли ур-Камыды? На то они и крамольники...

— Надо прежде всего перекрывать все сухопутные дороги да зорко следить за верхом, — вновь подал голос Става Рубец, многозначительно подняв указательный палец, — побегут как пить дать, тати подлые.

— Верно глаголишь, воевода, — поддержал его Зорян Кнут. — Так и сделаем. Пишите приказы, воеводы, — обратился он ко всем и перевел взгляд на воеводу Приказа путей и дорог.

Ташко Серый крикнул в густую бороду и тут же начертал в своей «персоналке» приказ о перекрытии всех сущих маршрутов в княжестве.

* * *

После того как экстренное совещание было окончено и воеводы с чувством выполненного долга начали расходиться, Зорян попросил остаться лишь воеводу Воинского приказа. Впрочем, старшего гридня Кнут тоже оставил.

Когда все покинули кабинет, воевода Тайного приказа обратился к Вадиму Ярославичу:

— У тебя все готово?

— Обижаешь... — пробасил Сечень, — обе армии сведены в одну... все имеющиеся резервы в строю.

— А «Яройбой»? — заговорщицки понизив голос, спросил Зорян Кнут, нависая над столом.

Сечень посмотрел на Всеволода.

— Говори без опаски, — поторопил его Зорян.

Воевода Воинского приказа прекрасно знал старшего гридня, не раз работали вместе, но деликатность ситуации заставляла Сеченя быть осторожным. После очевидной измены ур-Камыдов ухо надо держать востро. Хотя этого гридня упрекнуть было не в чем, но...

— Сказывай, — поторопил воеводу Зорян.

— Готов наш спаситель, — негромко ответил Вадим, — на него вся надежда.

— Дай-то боги, — Зорян Кнут устало опустил в свое кресло, — дай-то боги...

— Волхвы и ведуны должны скоро начать свою работу, вот тогда и мы... — продолжил мысль Сечень. — Думается мне, через сутки-другие пойдем...

Воевода Тайного приказа понимающе кивнул. Ему уже докладывали о готовности штурмовых ведунских отрядов.

— Хорошо, будем ждать, — Зорян провел рукой по окладистой бороде. — У меня к тебе просьба особенная, друже.

Впервые Зорян при подчиненных осмелился перейти на приватное обращение. Воеводы были дружны и знакомы уже больше трех десятков лет. Когда-то вместе начинали службу в ближней дружине князя.

— Слушаю, друже, — в тон ответил Вадим, — все что могу...
— Возьми на «Яробой» моего человека.
— Ха, — догадался Сечень, — уж не Волкова ли? — Воевода оборотился в сторону старшего гридня.
— Его, — с готовностью подтвердил Зорян.
— Я так понимаю, ты его мне не в сторонние наблюдатели рекомендуешь? А, друже?
— Ведаю, у тебя первый летун с «Яробоя» болен...
— Во-он куда клонишь... — протянул Сечень, — в начальство твой гридень метит.
Всеволод едва заметно дернул плечом. Собственно, он и не просился на новый броненосец. Инициатива полностью исходила от воеводы Зоряна, и гридень был сам несколько удивлен таким поворотом. Но служить Всеволод был готов где угодно и с кем угодно, лишь бы иметь возможность бить супостатов.
— Всеволод отменно проявил себя... — воевода Тайного приказа чуть надавил голосом, — не подведет. Да и надежда у меня на него особая.
— Вижу, — махнул рукой Сечень. — Я не девка, не надо меня уговаривать. Однако «Яробой» у меня ныне под воеводой Секирой ходит. Он его и до ума доводил. Испытания, какие положено, все учинил...
— А разве его собственная «Секира» не готова?
— Ишь ты, — лукаво улыбнулся Сечень на вопрос Кнута. — И про то ведаешь.
— Служба.
— Ладно. У Секиры и впрямь свой броненосец уже в деле, а он своим стариком дорожит. Да и имя опять же... И коли ты, друже, считаешь, что сие для пользы дела, пусть твой гридень вступает в командование «Яробоем».
— Добро! Сговорились, стало быть? — Зорян встал из-за стола и протянул руку.
Сечень, для порядка, помедлил секунду, а затем тоже поднялся и пожал протянутую руку друга.
— Сговорились, Зорян.
Всеволод при виде стоявших воевод проворно вскочил следом, подобрался. Встреча была окончена. Воевода Воинского приказа коротко кивнул старшему гридню и направился к выходу. Под его добротной фигурой закрипел старый паркет кабинета. Зорян Кнут и Всеволод проводили воеводу взглядом.
— Ну, Всеволод, — отправляйся, — нарушил молчание воевода, когда за Сеченем закрылась дверь. — И смотри у меня... — массивный кулак завис в воздухе, — без победы лучше тебе не возвращаться.

* * *

Как и было оговорено, вечером друзья встретились в корчме «Медвежья кровь». Завид и Чеслав пришли первыми, заняли дальний стол у окна. Пробегавшая мимо девушка в ярком платье положила перед ними быстрок. Не глядя в него, Завид заказал литровый кувшин темного пива. Чеслав последовал его примеру. Девушка удалилась, а вскоре появилась с кружками и кувшинами. К этому времени они уже успели изучить быстрок и выбрать блюдо для себя. Девушка все запомнила, улыбнулась широко и убежала.

Они сидели молча и потягивали пиво из глиняных кружек. На обратной дороге наговорились вдоволь, обсудив предстоящий поход. Только одно волновало Завида, и он все-таки решился спросить:

— Почему Избор так странно отреагировал на имя моего учителя?

— Каляда-то? — оторвавшись от кружки с пивом, спросил Чеслав. — Учти, это и мой первый учитель тоже. А дело тут простое. Каляда и Избор в давние времена дружили, входили в Большой Совет. Каляду, кстати, прочили место Верховного Волхва, а он куда-то исчез, никому ничего не сказав. Оказывается, странником заделался.

«Вот, значит, как тесен мир», — удивился Завид и уткнулся в свою кружку.

Вскоре в корчме появился старший гридень Волков в сопровождении высокого статного мужчины в красном длиннополом мундире, подпоясанном белым ремнем с железной пряжкой, на которой была изображена человекоподобная змея, держащая в руках голубой кристалл. Заметив ведунов, Волков тут же направился к ним, по пути остановил девушку-подавальщицу и сделал заказ.

Плюхнувшись на скамью напротив Чеслава, Всеволод устало потянулся и заметил:

— Я думал, этот день никогда не закончится.

Напротив Завида сел незнакомец в красном кафтане, но ведун сразу определил в нем нордуса. К ним он относился настороженно, так что не спешил рот раскрывать.

— Город переполнен, как бочка с солеными огурцами. Люди все переполошенные, напуганные. Съехались со всех концов княжества и продолжают прибывать. Скоро город лопнет, как переспелая тыква, — заговорил Волков. — Всем отчего-то кажется, что стены Белграда смогут защитить их от самураев. Растет паника. Нам просто необходима срочная победа. Может быть, локальная, но способная стравить пар с этого чайника. Иначе все взорвется.

Рядом со столиком появилась девушка с подносом и поставила перед Волковым и незнакомцем в красном по кружке пива.

— Спасибо, — поблагодарил он и сдержанно улыбнулся. — Остро встает вопрос с продовольствием. На складах на несколько лет вперед продуктов... Но в условиях возросшей людской массы, продукты тают с катастрофической скоростью. Тыловой приказ уже разослал грузовики по окрестным деревням да опубликовал декрет о повышении продовольственного налога для крестьян. Свободных мест в городе нет. Все дома и квартиры заняты. На посаде та же картина. Приезжих местные дельцы обирают втридорога. Квартиры поделены на локти и сдаются по квадратам. Просто нашествие саранчи какое-то. Повысилось число краж и уличных убийств с ограблениями. Растет мародерство. Нужно срочно, чтобы ситуация устаканилась, иначе у нас будет бунт.

— А мы сегодня были на Большом Совете, — сказал Чеслав.

— С каких это пор на Большой Совет собирают ведунов? — удивился незнакомец.

— Кстати, Завид, это Ждан. Ждан, это Завид, — спохватился Чеслав и представил их друг другу. — Дело все в том, что были сформированы три штурмовых стяга из ведунов. И завтра мы отправляемся на земли ур-Камыдов. Задачу нам поставят на месте. Но думаю, что предстоит много интересного...

— Это уж точно, — оживился Волков. — Интересного будет немало... Надо вышибить заразу с нашей земли. Меня вот к «Яробой» определили.

Завид сидел и слушал разговоры друзей. Ему мало что было понятно. Большая часть всей застольной беседы была завязана на реалиях чуждой ему жизни, в которую он оказался насильно погружен с головой. Но он все же старался все слушать и побольше запоминать. Мало ли что может потом пригодиться.

— Как, а разве «Яробой» не уничтожили вражьи тати? — удивился Чеслав.

— Это мы нарочно слух такой пустили. Специально, чтоб и до прихвостней самурайских дошло. Тайный приказ знает о существовании разведывательной сети супостатов внутри княжества. Большая часть агентов находится под постоянным присмотром. Им регулярно скормливается «лапша». «Яробой» пострадал, но наши умные лбы уже привели его в порядок. Испытания уже прошли... Надеюсь, этого хватит, чтобы надрать задницы железным маскам.

На последних словах лицо Волкова растянулось в хищной ухмылке.

— Хотелось бы в это верить. Надо не просто им задницы надрать, а так наподдать, чтобы потом неповадно было, — не смог удержаться и произнес Завид.

— Молодец, правильно мыслишь, — одобрил Волков. — Эх, если бы был жив старый князь. Многие проблемы отошли бы в сторону, если бы народ знал, что у власти стоит сильный и мудрый князь.

— А что молодой княжич? — с интересом спросил Чеслав.

— Игорь батькович в бой рвется. Молод он и горяч. Только вот нет у него пока авторитета такого, как был у его батюшки, — заявил Ждан. — Народ простой пока недоволен ропщет, что, мол, в такую годину, и мальчишка на столе князем, это ли не поражение готовое. Думаю я, что неспроста такая волна поднимается. Шептуны по улицам ходят и подговаривают людей, слухи пускают. Недавно вот еще смешнее разговор был... Баюют людишки, что, дескать, князя Ярослава убили люди воеводы Кнута, поскольку он сам метит на княжье место.

— Поклеп. Напраслина! — фыркнул Волков.

— Так-то оно так, да только что с простых людей возьмешь...

— Неужто верят? — перебил Завид.

— Есть и такие... Им только лясы точить. Слушают, развесив уши, да передают дальше. А в свете того, что воевода наставником стал для юного князя, то это еще больше утверждает их в подозрениях. Да ладно люд простой. Что с них взять, темные, необразованные ремесленники, но и умные лбы уже заражены этими идеями. Да и дума боярская очень недовольна тем, что столько власти сосредоточено оказалось в руках Зоряна Кнута. Пока мы сваримся друг с другом, самураи уже землю нашу топчут.

— Мне бы этих шептунов да в пыточную. Я бы им небо в драгоценных камнях показал, — зло усмехнулся Волков и сделал добрый глоток пива.

— Ты хотя бы раз в пыточной работал? — не поверил гридню Ждан.

— Для такого случая сделал бы исключение. И освоил бы новую профессию.

— Да. Палачи никогда без работы не останутся. Правильно рассуждаешь.

Завид вслушивался в неторопливую беседу друзей. Как же тепло и уютно было в их компании, словно у горящего очага в родной деревне. Как же они счастливы, что есть друг у друга. Вот что называется настоящая дружба. А он одинок. У него никого не осталось. И ему отчаянно захотелось стать одним из них. Равным. Достойным дружбы этих замечательных людей.

— Кстати, а кто-нибудь знает, что с Булятой Рыжим? — спохватился Чеслав. — Как-никак наш старый товарищ, интересно все же знать его судьбу. Хотя он и стал надменным петухом.

— Он присутствовал при убийстве князя, но ничего не сделал, чтобы его спасти, — сказал Волков. И в его устах это звучало страшнее любого ругательства.

— Слабоват в коленках оказался Булята, — произнес Ждан. — Попервости его подозревали в предательстве. И сразу после того как вышел из госпиталя, его взяли под стражу. В пыточной он ничего интересного не рассказал. И правда, просто трус, а не предатель. Его отпустили. Но на всякий случай поставили охрану присматривать. Судя по последним отчетам, заперся у себя в квартире и пьет как сапожник. Он ведь не только князя не смог спасти, но и дочку его старшую. На его глазах всех и порешили, а он...

— А этот Булята, он телохранитель, что ли? — спросил Завид.

— Да какой там, скажешь тоже, — зловеще осклабился Чеслав. — Писарчук, личный секретарь покойного князя.

— Росли мы с ним вместе, — добавил Ждан.

— После того как я у Избора появился, все время в их компании крутился. Сдружился. А он как стал секретарем самого князя, нос задрал выше тучи и перестал общаться с нами, разве что только посредством официальных писем и уведомлений.

— Гниль человек оказался, — оценил Ждан.

— Но если он всего лишь секретарь, то стоит ли его осуждать, что он не смог защитить князя. Он же не дружинник и не телохранитель, — высказался Завид.

На него так посмотрели, что он понял, что сморозил глупость, за которую ему тут же стало стыдно. Он уткнулся носом в свою кружку с пивом и предпочел больше в беседу не вступать.

Впрочем, разговор медленно стихал. Больше не говорили о делах военных и общественных, повспоминали былые подвиги, порассуждали о женщинах. Выпили еще по

несколько кружек пива.

Завид чувствовал, что ему уже хватит. Пиво в «Медвежьей крови» было вкусным и забористым. Обстановка уютная. Уходить совсем не хотелось. Но завтра им предстоит взойти на борт боевых ладей. А там одним богам известно, что будет...

Так что пора и честь знать.

Когда они вышли из корчмы, было уже далеко за полночь. Улицы были освещены фонарями и выглядели сказочно. Завид невольно залюбовался.

— Ишь красуются, — гريدень обвел взглядом светлую улицу. — Враг у ворот, а они тут...

— С завтра потушат, — икнув, ответил Ждан, — указ уже подписан. Будет темно и тихо...

Покосившись еще в сторону фонарей и ярких витрин, стали прощаться, обниматься...

Волков с ур-Зором сели в «летучку» и укатили по своим надобностям. Впрочем, ведуны тоже последовали их примеру.

Развалившись в креслах «летучки», они задремали под мерное постукивание счетчика.

Глава тринадцатая

В бой идут одни ведуны...

Во имя Пресветлых богов, да во спасение рода людского, не возбраняется волхам, потворникам да баянам в ратном деле быть и живота своего не жалеть.

Из поучения Годуна, Первого Белого волхва Белградского княжества после обретения оногo

Тремя транспортниками ведунские штурмовые отряды были доставлены в пограничные крепости княжества. Проникновение отряда волхва Избора на захваченную противником территорию было намечено через Мельничный Ручей. Крепость сия выдержала обстрел и штурм врага, нанеся тому значительные потери. Наскоком противнику взять твердыню не удалось, и он до поры убрался восвояси. Знать бы — надолго ли...

Прибыв под вечер в уже знакомую крепость, Завид едва успел осмотреться и спросить у местных о судьбе Любавы, которую несколькими днями ранее здесь оставил. Его сердце успокоилось, только когда комендант заверил, что баба с детьми эвакуирована на дальний хутор удела.

Через час отряд перегрузили на разведывательную ладью, которая на малой высоте отправилась на север.

По плану переброска должна была проходить в десяти-пятнадцати верстах от крепости, где внимание врага не такое пристальное. А ладья на то и разведывательная, чтобы ни один следящий экран да поисковой радар ее засечь не мог — мощные генераторы помех обеспечивали скрытность передвижения. Хотя Завид считал, что они слишком рискуют, пользуясь летательным аппаратом в воздушном пространстве, где каждое плечо простреливается. Ему куда как привычнее было передвигаться оттай²⁹ по родным лесам. Он не преминул поделиться своими сомнениями с Чеславом, который его и успокоил. Старый друг обратил его внимание на двух ведунов, которые неподвижно сидели, навалившись телом на посохи.

— Чего это они? Спят, что ли? — удивился Завид.

— Какой там спят. Прикрывают ладью и нас вместе с ней от врага.

— И что, нас теперь никто не увидит?

— В принципе, если знать, в какой точке искать... и волхв вражеский али, скажем,

---

²⁹ *Оттай* — тайно, скрытно.

чародей силу приложит, то раскрыть нас могут. Только они ведь не знают. Вот в чем улыбка Перуна.

— А что у врага тоже волхвы да чародеи есть? Может, и ведуны? — живо спросил Завид.

— Есть. Как не быть, только мы не знаем, как они себя сами величают... Да и как их спросишь, супостатов, коли они живьем не даются. Мы вон даже облика их не ведаем, не то что... — Чеслав махнул рукой. — Но сила у их волхвов точно есть, и немалая. Мне, вон, даже довелось с одним из них столкнуться. Если у них каждый волхв али чародей такой силой обладает, то нам тогда несладко придется. Это факт.

— Будем на лучшее надеяться, — пробормотал Завид. Только в его словах не было уверенности.

Это что же получается. Враг ничем им не уступает. Даже волхвы у них есть, в ком сила божья воплотилась. Да как такое возможно? Откуда эти Змеи свалились на их головы? И что им от княжества надобно?

На усиление ведунскому отряду комендантом крепости было выделено два десятка дружинников под командованием стяжника Края Долуды, отлично показавшего себя при отражении вражеской атаки на крепость Мельничный Ручей. В сущности, эти два десятка воев — все, что осталось от стяга. Задача приданных ведунам дружинников состояла в организации переправы всего отряда через реку Мельничную и обеспечение безопасного проникновения на территорию, занятую противником. После чего Край Долуда со своими людьми должен был вернуться на свой берег. Судя по хмурому виду стяжника, этот приказ ему очень не нравился. Завид чувствовал его настрой — воин рвался в бой.

В то время как мирные люди гибнут под мечами проклятушего врага, он должен отсиживаться за мощными крепостными стенами. Так приблизительно думал Край Долуда. И еще Завид чувствовал в нем острую жажду крови.

«Как бы не было с ним проблем», — подумал про себя Завид и решил на всякий случай за ним приглядывать. Правда, почти сразу же забыл об этом решении.

Ладья опустилась в назначенном месте. Ведуны и отряд сопровождения выгрузились, и ладья тут же поднялась в воздух. Повисела несколько секунд и отошла чуть севернее, прикрывая зону высадки.

Завид осмотрелся. Глухой топкий берег, заросший высоким камышом. Комарья тучи кружат, накинута скопом и сожрут до белых косточек. Ведун поморщился и накинул капюшон на голову. Правда, спасение это так себе. Хлипкое. И как они на другой берег будут перебираться? По воде, что ли, пойдут? В своих способностях к водохождению Завид сильно сомневался.

Заметив его смятение, Чеслав поспешил успокоить:

— Не бойсь. У местных тут схрон, а там лодки есть. На них и пойдем.

Стяжник Долуда взял на себя вопрос переправы. В считанные минуты из камышей были извлечены три притопленные лодки, откачана лишняя вода, и вот они уже качаются на волнах. Распределившись по лодкам, ведуны начали переправу.

Все прошло без сучка и задоринки. За исключением того, что Завид постоянно ловил себя на страхе, что он не умеет ходить по воде, да и плавать у него не очень выходило... А что если лодка перевернется или что другое произойдет? Время от времени на юге темное небо окрашивалось багровыми зарницами, и до реки докатывались отзвуки далекой небесной канонады.

Оказавшись на другом берегу, Завид последовал вслед за другими ведунами, которые скрылись в лесной чаще. В это время дружинники под руководством Края Долуды спешно прятали лодки в прибрежных зарослях.

— Откуда у них тут лодочная переправа? — спросил Завид.

Удивительное дело. Зачем военным такие схроны делать, если на другой берег проще на боевой ладье перелететь. Кто же мог знать, что враг захватит родную землю.

— А это не их. Рыбаки из соседней деревеньки в крепости защиту искали. Вот и

рассказали, как лучше на другой берег перебраться. В мирное время за это их по головке бы не погладили. Они же хищничали, нарушая запрет на рыбную ловлю вблизи крепости. А теперь, видишь, время-то лихолетное, им и простили... — объяснил Чеслав. — Все же нам сподручнее. Все равно на этом берегу ладью не посадишь.

Скоро показались дружинники во главе с Краем Долудой. При их появлении волхв Избор поднялся с пня.

— Все сделано, владыко, — произнес Край Долуда.

— Теперь вы свободны. Мы пойдем дальше. А вы возвращайтесь в крепость, — произнес Избор.

— Дозволь, отче, с вами идти, — попросил стяжник с надеждой в голосе.

Избор смерил стяжника взглядом.

— А начальство твое не посрамит тебя супротив его воли идти? — строго спросил волхв.

— Не отступники мы, владыко, не кори. Вам помощь воинская не мешает. А начальство строго наказало вам пособлять...

— До переправы... — закончил за него волхв.

— А вдруг...

— Ладно, — кивнул головой Избор, — возьму сей грех на себя... да и не грех это вовсе землю свою от ворога очистить. Пойдешь с нами, Край.

— Благодарствую, владыко, — стяжник в порыве чувств, хотел было припасть к руке волхва, но тот успел отдернуть.

— После отблагодаришь... как дело сделаем да возвратиться сможем.

Странное это дело, если со стороны посмотреть. Двенадцать вооруженных боевыми посохами ведунов, во главе убежденный сединой волхв. Позади крадутся два десятка дружинников, чувствовавших себя рядом с ведунами мальчишками.

Край Долуда выслал вперед трех дозорных. Время от времени один из них возвращался и докладывал об увиденном и услышанном. К этому старинному способу извещения пришлось вынужденно прибегнуть из-за крайней осторожности. Рациями было решено не пользоваться. Мало ли, вдруг захватчики эфир слушают и, вычислив продвигающийся по их тылам вражеский отряд, нашлют отряд зачистки. Невелика беда, коли беда невелика — ведуны могли бы справиться, но вот если Змеи подозрительный квадрат с воздуха огнем накроют, будет совсем невесело.

К первой деревне они вышли под утро. Вернувшийся дозорный доложил, что живых нет. Избор приказал следовать дальше, только Завид попросил дать ему время. Он и сам не знал, зачем ему это надо было. Но очень хотел посмотреть на мертвую деревню. Избор заупрямился.

— Дозволь, владыко, — умоляюще попросил Завид, — то моя деревня... у меня там...

Но волхв уже прочел его мысли.

— Никак жрецом³⁰ хотел стать?

— Люблю я ее, — Завид опустил глаза.

— Иди, токмо быстро...

Завида он отпустил и, глядя ему вслед, тихо прошептал:

— Пустое это. Погибла хоть³¹ его. Странно, почему он сам этого не видит?

Чеслав порывался было идти вместе с Завидом, но тот отказался. Он должен был сам... Завид без лишних слов бросился в лес.

Молодой ведун ушел, но отряд движение не прекратил. Деревню решили обойти

---

³⁰ Жрецом мог стать только человек, имеющий жену и детей. Теряющий свою семью жрец лишался сана. Жрец — следующая за ведуном степень посвящения.

³¹ *Хоть* — любимая, желанная. Отсюда и слово *хотеть* — желать.

стороной.

Шаг за шагом Завид все больше удалялся от отряда, но отстать не боялся. Эти леса он знал, как свои пять пальцев. Тут его земля. И если отряд и уйдет далеко, он все равно их нагонит. Но деревню он хотел увидеть своими глазами. Душа его горела. Лада умерла, и он виновен в ее смерти. Не досмотрел, не вернулся...

А вдруг дозорные ошиблись, и кто-то остался в живых. Паскудная мысль посетила ведуна: «Почему кто-то? Великий Перун, пусть это будет она!»

Через десять минут быстрого бега он оказался на окраине деревни. От всей деревни осталась лишь пара бревенчатых домов. Изредка, то там, то тут виднелись чудом уцелевшие глиняные горшки, надетые на колья изгороди. Завид вошел в деревню. Медленно побрел по центральной улице, осматриваясь. Узнать округу было трудно, всюду гарь, пепел и тревожные крики ворон, что кружили над головой. Пришлый человек так не вовремя прервал их трапезу.

— Эй! — ведун решил подать голос, позвать.

Только вот никто не спешил ему навстречу. Завид шел мимо пепелищ, приглядываясь, но движения не было. И вдруг стало тихо.словно в могиле! Даже испуганные поначалу вороны притихли, или они вернулись к своим делам...

Наконец, он решился, толкнул калитку уцелевшего двора. Открывшаяся взору картина повергла его в ужас. Двор был завален телами: мужчины, женщины и дети вповалку. Зарезанные, у кого-то не хватало голов. Змеи не пожалели никого. И ни одного мертвого врага. Пахло жутко... Заткнув нос рукавом, Завид, не разбирая дороги, вылетел на улицу, споткнулся, выронил посох и упал на колени.

Да как же такое могли допустить боги? Чем они их прогневали, что впустили на их земли врага, который жжет и убивает все на своем пути, словно саранча поганая.

Некоторое время Завид не мог подняться с колен. Вся боль и переживания того памятного утра, когда вороги напали на его деревню, вернулись в полной мере. Но он все-таки нашел в себе силы и встал. Опираясь на посох, он побрел по улице, заглядывая в каждый двор. И везде видел одну и ту же картину — пепелища и трупы, трупы... Повсюду одни мертвецы. Змеи отработали жестоко и быстро. Чудовищно быстро. Никто не успел спастись. Почти...

А вот и его дом. Все, что осталось... Едва заметный ветерок взметнул легкий пепел и унес прочь. Ох, горе... за что?

Завид перешагнул через остатки упавшего забора, прошел вперед.

— Лада!

Черная гарь не отзывалась. Ведун взошел на пепелище, дотронулся рукой до покосившейся печи. Ее высокая труба одиноко возвышалась посреди смертельного безмолвия.

— Лада! Лада...

Завиду показалось, что печь еще хранит тепло домашнего уюта, но это был обман. Это тепло было духом пожарища, которое унесло... отобрало у него все!

— Лада...

Вот он услышал свист. Завертел головой... Усилившийся ветер играл в трубе. Всего лишь...

Последняя надежда, робкий огонек любви — и он, закрыв глаза и сосредоточившись, обвел свое погорелое хозяйство пронзительным взглядом. Мысленно ощупал каждый уголок. Но ведунское умение не принесло результата. Жизни он не увидел. Разве что мыши копошились на огороде...

Ведун устало вздохнул и, осторожно ступая по углям, покинул могилу любимой.

Завид прошел всю деревню насквозь. Чуть задержался у сгоревшего дома тетки Любавы. Именно отсюда начался его спасительный бег к свободе. Его бег, но не Лады.

На пригорке за околицей, где стоял одинокий колодец, он неожиданно встретил живого человека. Старик в рваной грязной одежде, с обритой наголо головой стоял на коленях и

бился головой о землю.

— Эй, дед, — окликнул его Завид.

Но старик его не слышал.

Тогда ведун повторил оклик, но тот опять остался без ответа. Странно, но Завид не узнавал старика, а казалось, он знал тут всех.

Завид попробовал посмотреть мысленным взором на старика. И стоило ему закрыть глаза и поймать волну, как он отшатнулся прочь, разрывая контакт, словно до прокаженного дотронулся. Старик был черен, как грозовая туча, и совершенно безумен. Его разум не выдержал контакта с реальностью, в которой всю семью, родню и друзей, с которыми целую жизнь прожил бок о бок, вырезали у него на глазах. И он остался один. В целом мире один. И это было страшнее страшного. Вся его жизнь обратилась кошмаром.

Завид замер напротив старика, не зная, как ему поступить. Оставить его в этом кошмаре... Но разве это будет гуманно по отношению к старику? Судьба его незavidна. Ясный рассудок к нему уже не вернется. И день ото дня он будет все глубже погружаться в пучину безумия.

Излечить его Завид не мог. Тут не справился бы даже сам премудрый волхв Избор, чего уж говорить о простом деревенском ведуне. А вот помочь — другой разговор.

Завид застыл напротив бьющегося головой об землю старика и зашептал слова молитвы, прося у богов заступничества за эту ни в чем неповинную душу. С последними словами молитвы Завид метнул в старика заклинание «разрыва основ». Простенькое волшебство разорвало связь измученной души старика с изношенным телом. Пустая оболочка завалилась на траву. Заклинание это работало только в тех случаях, когда душа человечья уже была готова к долгому путешествию, но по каким-то причинам не могла оторваться самостоятельно.

Посмотрев на тело старика с сожалением, Завид пошел дальше.

Спустя полтора часа он нагнал отряд и зашагал рядом с Чеславом.

— Ты нашел, что искал? — спросил его друг.

Завид посмотрел на него хмуро, и больше Чеслав его ни о чем не спрашивал.

* * *

Два дня они шли по изрытой и обожженной войной земле. Таясь и прячась в лесных чащах, так чтобы враг не заметил раньше времени. Порой они видели перемещающиеся войска Змеев. То бронированные вездеходы пройдут колонной, взрывая землю гусеницами и колесами, то несколько полков воинов в причудливых доспехах походным маршем пронзят лес насквозь по накатанному тракту. Понять эту дислокацию было нельзя, но можно было строить предположения. Избор как-то сразу отстранился от досужих разговоров. А вот ведуны и дружинники получили добрую пищу для обсуждения. Да и Край Долуда весьма заинтересовался. Ему и самому было интересно, куда передвигается такое количество техники и пехоты и что в итоге враг затекает. В конце концов, у ведунского отряда своя задача, а дружинники могут и о разведке реальных сил противника позаботиться. Ух, как распирало стяжника от любопытства.

— На север они идут. Там земли ур-Камыдов граничат с вотчиной Зубровых. У них сил мало, видно, границы захваченной территории расширять решили, — тихо поделился Чеслав своей догадкой с Завидом.

Завиду было тяжело смотреть на врага, топчущего родную землю. Картины горячей родной деревни и вырезанного до последнего человека так и стояли перед глазами. Хотелось схватить боевой посох, выскочить на дорогу и начать убивать Змеев. Он понимал, что это глупо. Глупо, сотню раз глупо, но ярость кипела в его крови и требовала действий. Лишь огромным усилием воли ведун подавил в себе этот порыв безумия.

На третий день погода резко испортилась. Похолодало. С раннего утра небо хмурилось, а ближе к обеду разродилось дождем. Отряд временно прекратил движение. Все ждали

решения Избора. Скажет надо переждать непогоду, придется сидеть в лесу и ждать. Завида злила подобная перспектива. Чеслав же и другие ведуны хранили видимое спокойствие. Только дружинники вместе со стяжником нервно бродили по окрестным кустам. Им явно не терпелось продолжить путь. Мыслимое ли дело, до Мытovo, столицы ур-Камыдов, осталось всего-то каких-то двадцать верст.

Наконец, волхв Избор принял решение и повелел двигаться дальше.

Идти под проливным дождем, когда глаза от воды застит, невелико удовольствие. Мокрая одежда липнет к телу и хочется насухо вытереться. Но отряд упрямо шел вперед.

Неожиданно лес кончился, и они оказались на опушке, за которой виднелся небольшой городок дворов на сорок. Там явно происходило что-то ужасное. Завид сразу же определил что. Змеи вторглись в городок и захватили большую его часть. Несколько домов еще дымили. Проливной дождь спас город от пожарного разорения.

— Что видать? — спросил волхв Избор, подслеповато щуря глаза.

— Кажется, граду пришел конец, — ответил Край Долуда, стискивая зубы.

— Смотрите, вон там слева третий дом от дымины, — указал Завид. — Там что-то не то...

— Сейчас разберемся, — сказал Край.

Он подозвал к себе двух воев и велел им проникнуть в город да поглядеть, что там и как. Сам же отряд отступил под темный полог леса.

Вернувшиеся спустя час разведчики доложили, что в одном из домов забаррикадировались горожане. Сколько их там, выяснить не удалось. Они успешно держат оборону, только вот осаждающие их Змеи свежи, у них полно боеприпасов, так что долго горожане не выдержат.

— Что делать будем, владыко? — спросил Чеслав.

— У нас свой путь. У них свой. Мы не можем рисковать нашим делом, — задумчиво произнес Избор.

— Да как же это так. Там же наши люди. Мы не можем их там бросить. А что если там женщины и дети, а мы оставим их на погибель, — возмутился Завид, смело глядя в тусклые глаза Избора.

— Плохо тебя учили, сынок, как со старшими разговаривать, — холодно произнес волхв.

Завид понимал, что и самому Избору не по душе бросать на погибель людей. Только не мог он рисковать возложенной на них задачей.

— А что если вы продолжите путь, а мы попытаемся выручить осажденных. Подкрадемся незаметно да вдарим слаженно? — предложил Край Долуда, у которого руки чесались в прямом смысле.

— Сколько там ворогов? С полсотни? Сотня? А сколько вас? Вот то-то и оно, — разочарованно покачал головой Чеслав.

— Мы все же попробуем... — продолжая нетерпеливо потирать руки, заверил стяжник.

— Я пойду с ними, — твердо заявил Завид.

— Деревенский ведун да десяток притомленных походом воев против в пятеро превосходящего противника. Это верная погибель. Не позволю! — повысив голос, изрек Избор.

— Так что же делать? — спросил в отчаянье Завид.

Наступила тягостная тишина. Все всё прекрасно понимали — слово волхва закон, но и...

— Вместе пойдем, — решился Избор. — Если умно будем действовать, то и людей спасем, и сами из сечи живыми выйдем.

Разведчики были опрошены основательно. Ведь каждая деталь могла сыграть роковую роль. Лучше знать мышеловку, в которую лезешь, тогда велик шанс, что выйдешь из нее живым.

В городок решили входить с трех разных сторон, чтобы по возможности посеять

неразбериху в рядах Змеев. Завид пошел в паре с Чеславом и двумя дружинниками Бором и Гомыслом. Один еще совсем юнец, второй серьезный, много повидавший на своем веку воин. По виду Гомыслу пару лет осталось до заслуженной пенсии. Дружинники были облачены в боевые доспехи, вооружены короткими мечами и стержнеметами. У Чеслава тоже был стержнемет. Завид с подозрением косился на убийственную машинку, перед вылетом из столицы он от такой отказался. Привык полагаться на свой природный дар.

Не мешкая, они выступили. Их отряд вынужден был забрать на полверсты вправо, обойти городок и спуститься с северного холма. Чеслав шел первым, осматривая окружающее пространство. Он же держал над отрядом полог невидимости. Завид попытался ему помочь, но получил резкую отповедь. Полог невидимости отнимал много сил, поэтому держать его долго Чеслав не собирался, но и ослаблять отряд тоже не хотел.

Враги появились внезапно, откуда их совсем не ждали. Два десятка Змеев, вооруженных стержнеметами, окружили отряд Чеслава и тут же открыли огонь. Ведуны успели обернуться в силовой кокон, который отражал стержни. Дружинникам деваться было некуда. Магическими силами они не наделены, вот и попытались укрыться за дровяником. Какое-никакое, но укрытие. Бору удалось спрятаться. Высунувшись из-за бревен, он пустил очередь стержней в сторону Змеев. Один из них рухнул с развороченной грудиной, даже доспех не спас. Гомыслу же не повезло. Он был уже в двух шагах от укрытия, когда прицельный огонь двух стволов ударил ему в спину. Он нелепо взмахнул руками, споткнулся и завалился на дровяник, выронив оружие.

— Суки! — заорал Бор, выскакивая из укрытия.

«Мальчишка. Дурак!» — подумал Завид, взмахивая посохом.

Невидимый выплеск силы сбил Бора с ног и откинул его обратно за дровяник. И вовремя. Не поспей Завид, лежать бы Бору разорванному стержнями. Не дав Змеям опомниться, Завид бросился в атаку. Взмахнув посохом, он сформировал вокруг себя воздушный кокон и метнул его в сторону двух страшилищ, стоящих у него на пути. Невидимый шар смел с пути Змеев. Этого замешательства хватило Завиду. Он подскочил к пытавшимся подняться с земли воинам и набросил им на шеи «удавки». Специальное легкое заклинание, блокирующее дыхательные пути. Змеи зашипели и забились на земле, сжимая в удушьё горло.

Завид развернулся и посмотрел на Чеслава, проверяя, не требуется ли помощь. Ведун стоял в отдалении и размахивал руками, как ветряная мельница, сплетая заклинания и магические формулы, которые разлетались в разные стороны, уничтожая врага. Змеи пытались его достать. Стреляли в него, тянули мечи, чтобы зарубить, но Чеслав их словно даже и не видел. В последний момент отражал атаки, и тут же наносил смертельный удар.

Завид загляделся на такую профессиональную работу, что чуть было не пропустил предательский удар со спины. Почувствовав движение воздуха, он резко обернулся, поднырнул под лезвие меча, летящего ему в голову, ткнул, не глядя, наверху посоха и попал. Змей вскрикнул, отскочил в сторону, мотнул головой и вновь пошел в атаку. Меч сверкнул над головой. Завид принял его на посох. Зачарованное дерево нельзя разрубить никакой сталью. Посохи изготавливали из древесины Священной рощи, древнего леса волхвов и ведунов, пропитанной магией от корней до макушки. Сорвавшееся с уст заклинание «воспламенение» ударило в голову Змея. Охваченный в мгновение ока жадным пламенем враг закричал истошно, выронил меч, замолотил по себе руками, пытаясь сбить пламя. И тут же получил сокрушительный удар по голове посохом.

Завид оглянулся. Чеслава окружили трое страшилищ. Слаженно мелькали мечи в попытке дотянуться до него. Ведун крутился из стороны в сторону, отражая удары то посохом, то выплеском силы. Сильно же ему досталось. Почувствовав в нем самого опасного противника, Змеи сосредоточились на нем. Оборона высасывала из Чеслава последние силы. С десятков страшилищ уже бездыханно лежали на земле.

Ну где же Бор? Почему он не поможет огнем из стержнемета старшему брату?

Не мешкая, Завид атаковал страхолудин. Взметнув посох, он испустил из него поток

силы, который ударил им в спину. Доспехи под воздействием волшебства пошли складками, Змеев выгнуло дугой, и двое из них упали на колени. Воспользовавшись этим, Чеслав отправил огненную стрелу, сорвавшуюся с намершия посоха, в грудь последнему Змею. Тем временем Завид сплел в воздухе нити силы и обрушил на головы стоящих на коленях страшилищ обжигающий дождь. Под его воздействием задымались разъедаемые доспехи.

На поле боя не осталось живых врагов. И только тут Завид почувствовал, насколько сильно он устал. Пошатнувшись, он воткнул посох в землю и навалился на него всем телом. Такое ощущение, что за эти несколько минут боя прошла целая вечность, в которой он бегал по кругу, пытаясь побить мировой рекорд. Взглянул на друга — тот выглядел не лучше. Чеслав также еле стоял на ногах, опираясь на посох. Сдавленно улыбнувшись, он кивнул, благодаря за своевременную помощь.

Отдышавшись, Завид отправился на поиски Бора. Обогнув дровяник, он обнаружил дружинника, приколотого мечом к бревну. В глазах юнца застыло удивление. Его убийца лежал бездыханный рядом с торчащим из оскаленной устрашающей маски стержнем.

— Жалко паренька, совсем еще мальчишка, — тихо произнес подошедший Чеслав.

— Если мы не поторопимся, то скоро тут таких мертвых пареньков будет пруд пруди, — зло ответил Завид.

Где-то в отдалении слышались звуки перестрелки. Звонко били белградские стержнеметы и хищно огрызались «автоматы» Змеев.

Завид наклонился над мертвым врагом и протянул к нему руки.

— Погодь, — попытался его остановить Чеслав.

Но Завид уже потянул за концы маски, снимая ее.

Он ожидал увидеть все что угодно, но только не это. Под маской оказалась кипящая масса. Завоняло тухлыми яйцами.

— Зря ты это сделал, — сказал Чеслав.

— Почему?

— Никому еще не удавалось захватить страшилище живым или мертвым. В тот момент, когда он умирает, доспех наполняется кислотой. Пытались их и в плен живыми взять. Так они совершают ритуальное самоубийство. Причем с отчаянной жестокостью.

На восстановление сил времени не было, но и отступать нельзя. Они были слишком близко к цели. Завид забрал из ослабевших рук мертвого Бора стержнемет и повесил его на шею. Чеслав последовал его примеру, обзаведясь вражеским автоматом.

— Силу беречь надо. Уж очень много тут страхолюдин бродит, — пробурчал Чеслав.

Завид был с ним согласен.

Они продолжили путь. До осажденного Змеями дома оставалось всего ничего. Каких-то полверсты извилистыми улочками. Только бы успеть. Только бы зажатые в угол люди не отчаялись и не сдались под напором нечисти. Но обнаружилось новое препятствие. Открытый пятачок между двумя обнесенными каменными заборами богатых домов. Видать, местная знать тут обитала. Стоило ведунам вступить на этот пятачок, как пространство вокруг миглом вскипело от огня. Змеи, казалось, были повсюду. Они простреливали каждый клочок земли на этом проклятом богами пятачке.

Заранее почувствовав опасность, ведуны обернулись в силовые коконы, предохраняющие их от пуль, и медленно отступили назад в переулок. Только там Завид заметил неестественную бледность Чеслава. Он успел поддержать друга, когда тот упал. Аккуратно опустив его на землю, Завид осмотрел Чеслава. Так и есть, ему не хватило сил на полноценную силовую защиту. Слишком много энергии он израсходовал в предыдущей схватке. Несколько пуль все-таки прорвались. Внимательно осмотрев раны, Завид занервничал. Нужен срочно волхв или другой ведун. Только они способны помочь Чеславу. Его собственные силы на исходе, он не сможет излечить себя. Да и Завид выдохся...

— Что, так плохо? — ухмыльнувшись, спросил Чеслав.

— Скверная рана, — честно признался Завид.

— Про... шу не... подведи, — едва изрек Чеслав и в следующее мгновение он был уже

мертв.

Завид сперва ничего не понял. Он пытался зажать рану, чтобы остановить кровь. Судорожно вспоминал известные ему лечебные заклинания. Когда же посмотрел в стекленеющие глаза Чеслава, отчаянье завладело им. Все напрасно.

Аккуратно положив тело друга на землю, Завид поднялся, сбросил с плеча стержнемет, взял двумя руками посох, поднял его над головой, вспоминая старое заклинание, доставшееся ему от учителя. Вокруг него стали стягиваться черные вихри, поднялся невесть откуда взявшийся сильный ветер. Он вкладывал в эту ворожбу всю силу, которая оставалась у него.

В следующую минуту на убийственный пятачок ворвался настоящий ураган. Змеи даже позабыли о том, что они держат в руках автоматы, настолько были напуганы увиденным. Кто-то пустил пару очередей, но они сгинули в черной вращающейся воронке. Ураган обрушился на каменные ограды, перемалывая их в кирпичи, дотянулся до вражеских огневых точек, сминая их, оставляя после себя перекрученные мертвые тела. Сила богов пошла гулять по пятачку, расчищая его, превращая в пустошь. Через каких-то несколько минут дело было окончено. Ураган оставил после себя лишь мертвецов и развалины. Он резко обрушился вниз, вошел в землю и растворился в ней. На площади остался лишь еле стоящий на ногах Завид. Ведун пошатнулся, воткнул посох в землю, навалился на него, но не устоял и упал. Сознание покинуло его.

* * *

Очнулся он лишь под вечер и обнаружил, что лежит на широкой деревянной скамье и смотрит в высокий темный потолок, украшенный паутиной.

— Тятенька, тятенька, он проснулся! — раздался над ухом громкий мальчишеский голос.

Завид поморщился от резких звуков, с трудом поднялся и сел на скамье.

Перед глазами все плыло, он откинулся на деревянную стену, чтобы вновь не потерять сознание, и закрыл глаза.

— Оклемался-таки, герой, — послышался тихий старческий голос.

Завид видел перед собой смазанную картинку и никак не мог сфокусировать зрение. Лицо старика расплывалось в бледное пятно, высвеченное яркими светильниками.

— Пить, — тихо попросил ведун.

— Что? — переспросил старик.

Завид повторил.

Ему тотчас принесли баклажку с каким-то отваром. Горькое, но в то же время очень ароматное и вкусное пойло. Ведун пил жадно, захлебываясь и проливая на рубаху. Наконец он оторвался от баклаги и шумно задышал.

— Ты был на грани. Всего лишь маленький шажок — и ты переступил бы эту грань. И тогда мы не смогли бы тебя вернуть, — произнес старик.

— Где я?

— Мы отвоевали град. Это дом кузнеца Микулы, который не сдался и держал оборону супротив врага, пока мы не подросли.

Завид всмотрелся в лицо старика. Очень уж знакомым показался ему голос. Так и есть. Волхв Избор. Только очень уж постаревший, осунувшийся, уставший. Что это с ним приключилось?

— То, что ты сотворил, ошеломило противника. Но нельзя так расходовать себя. Силы волшебные не безграничны. Если исчерпать себя до донышка, то можно и богам душу отдать. Нужно беречь себя и экономно расходовать энергию, — говорил Избор.

— А что я сотворил? — спросил Завид.

Он и правда ничего не помнил.

— Всесокрушающий ураганный ветер. Он целый квартал с землей сровнял. И

уполовинил ряды противника.

Перед внутренним взором Завида встали яркие картины сметающего все на своем пути урагана.

Он поморщился.

— Я и сам не знаю, как у меня это получилось. Вспомнил заклинание, которое разрабатывал Каляда. Только у него что-то не вязалось. А у меня сложилось сразу в одну картинку, и я ее тут же пустил в ход. И вот как оно вышло...

Завид осекся. Он вспомнил, почему пришел в такое неистовое состояние. Чеслав! Старый друг умер у него на руках.

— Я все знаю, — волхв словно прочитал его мысли. — Мой ученик тоже не жалел себя. Ослаб и погиб. Змеи заплатили за это. По возвращении в Священную рощу мы оплачем его. Но сейчас нам надо двигаться дальше.

Завид зашевелился, пытаясь подняться, но Избор его остановил.

— погоди. Ты еще очень слаб. На один день мы задержимся у Микулы. Завтра продолжим путь. Отдыхай.

— Мы победили? — спросил Завид.

— Да. Никто из врагов не ушел, — авторитетно заверил волхв, — так что, думается мне, они теперь не скоро сюда воротятся.

— Точно, владыко, — под держал вошедший стяжник. — Покуда очухаются, да дозор пошлют узнать, в чем дело. Да пока вновь изготовятся на град сей идти... Думаю, сутки у нас точно есть.

— А ты не радуйся, — одернул его Избор, — следи за путями да небушком.

— Уже, владыко, — коротко отозвался Край, задетый за живое. С чего бы это волхв засомневался в его профессиональных качествах.

— Ну и гоже, — кивнул Избор, — да и мы с ведунами свои дозоры поставим...

— Победили, стало быть... — выдохнул ведун.

— Как есть... Хотя нам это и встало дорого, — с сожалением в голосе сказал Избор.

— Сколько?

— Включая тебя, осталось восемь ведунов. Еще четверо дружинников и Край Долуда. Вот и весь отряд.

Четверо ведунов осталось в этом безымянном городе. И правда, очень высокая цена. Но стоило ли это того?

— Скольких мы спасли?

— Сорок с лишним человек. В основном женщины, дети и старики...

Значит, все-таки стоило. По крайней мере, он попытается себя в этом убедить.

— Я хочу выйти на улицу.

— Сейчас ночь.

— Мне надо. Душно тут. И пива бы мне. Если есть, — попросил Завид.

— Как же нету. Всегда есть. Для избавителей так и запросто. Сейчас все будет, — засутился пузатенький мужичок, видать, это и есть кузнец Микула.

Завид попытался подняться, но его шатало. Слишком слаб он был. Избор властно мотнул головой и тут же ведуна поддержали крепкие руки Края Долуды. Вместе они прошли по большой комнате, вышли в коридор и через него во двор. Стяжник подвел ведуна к заваulinке и аккуратно усадил его.

— Благодарю, — кивнул Завид.

Он поднял голову к черному, усыпанному звездами небу. Какой же свежий и дурманящий воздух.

Рядом сел волхв Избор.

Некоторое время они сидели молча, наслаждаясь бескрайним небесным простором. Откуда-то из этой черноты прилетели страшилища, чтобы выжечь их землю. Неужели в этой красоте есть что-то страшное и уродливое, способное на такое.

— Зачем все это? — неожиданно спросил Завид.

— О чем ты?

— Зачем мы идем на вражескую территорию. Что может сделать группа ведунов против хорошо вооруженного многотысячного войска противника?

— Змеи высадились здесь, потому что их пропустили, — ответил Избор.

— Что? — не в силах в это поверить, переспросил Завид.

— ПВО земель ур-Камыдов молчало, что позволило войскам Змея беспрепятственно высадиться в их уделе. Мы идем в Мытово — главный град бояр ур-Камыдов, чтобы выяснить степень их предательства.

— Вот, стало быть, оно как. М-да...

Принесли пиво. Больше они ни о чем не разговаривали. Всмотривались в ночное небо, думая каждый о своем.

* * *

До войны Завид никогда не бывал в Мытово, столице боярского рода ур-Камыдов. И если бы ему не довелось увидеть своими глазами Белград, то, наверное, Мытово произвело бы на него неизгладимое впечатление. А так город как город. Большой, правда, но все же со столицей княжества не сравнить. Разделенный быстрой рекой Мьей на две равные части, город кипел и бурлил, что ароматный суп в кастрюле у доброй хозяйки. Купеческие и ремесленные кварталы наполнились людьми с утра до вечера. К пристаням прибывали корабли с разных уголков княжества с трюмами, полными грузов. На аэродромы садились гражданские и военные суда. Так, наверное, было раньше. Только теперь город выглядел притихшим, словно затаившийся в засаде волк перед нападением на жирную овечку, отбившуюся от стада. Возле причалов, раскачиваясь на волнах, стояли корабли. Их больше не ждали в дальних краях. Они спали до лучших времен. С аэродрома продолжали взлетать малые и средние ладьи и юркие кочи, только все больше причудливых чуждых росичам конструкций.

Отряд ведунов засел на холме в нескольких верстах от города.

— С наступлением ночи пойдем, — сказал Избор, хмуро оглядывая местность. — Без нужды не волховать и не ворожить. Силу свою на замке держать. На земле этой теперь чужая сила поселилась. А нас не так много, чтобы открыто сражаться против врагов.

— Дело говоришь, владыко. А до вечера лучше в лес вернемся, чтобы на глаза залетному патрулю не попасться, — сказал Край Долуда, развернулся и первым побрел в сторону леса.

Избор последовал за ним. Потянулись следом и ведуньи.

Завид ушел с поляны последним. Перед отступлением под полог леса он все-таки решился нарушить приказ волхва. Ведун опустился на колени, закрыл глаза и посмотрел мысленным взором на город, лежащий перед ним. И тут же разорвал контакт, словно мальчишка, подглядывавший в замочную скважину и получивший за это дурью по лбу. Он и подумать не мог, что за городом следили. Десятки разноцветных чарующих струн окружили пульсирующим куполом Мытово. Если бы он хоть на миг задержал мысленный взор и попытался проникнуть внутрь, то его присутствие тотчас бы засекли. И тогда прощай тайная операция. Из-за его недальновидности их тут же накрыли бы и повязали. Хотелось надеяться, что его вылазку все-таки не заметили. И им не угрожает опасность.

Поднявшись с колен, Завид развернулся и побрел в сторону леса, грузно наваливаясь всем телом на посох. Он еще не до конца оклемался после черного урагана, да и волховская вылазка изрядно сил из него попила. Как бы теперь товарищи не заметили его состояния и не сделали далеко идущих выводов.

Они были уже близко к цели, но сколь многим им пришлось пожертвовать ради этого. Завид вспомнил Чеслава.

Глава четырнадцатая

Последний бой — прыжок в вечность

Поспешность врага при отступлении — не есть полное его разрушение. Следует помнить и соблюдать неспешность в решениях, ибо сия ретирада может оказаться ложной.

Из учебника по тактике воеводы Первая Соколова

— ...Нет, и не будет такой силы, способной разрушить монолит нашего общества. Нет места трусости и предательству. Мы говорим — нет! Нет места в наших домах тем немногим, чьи сердца дрогнули и не устояли пред подлыми посулами врагов. Их нет в нашей памяти, их вообще нет и никогда не было. Их имена — тлен. И слава богам, крамола раскрыта! Навеки вечные род предателей ур-Камыдов стерт со страниц истории нашего княжества. Наше дело правое! Победа будет за нами! Солнце за нас!

Всеволод выключил приемник и стал одеваться. Этот день настал. Быть может, последний в его жизни и в жизни тысяч и тысяч его соплеменников. Несколько недель изнурительной подготовки, напряжения всех сил княжества и вот — время пришло.

Всего три недели, а сколько всего успело произойти... Раньше это были дни и ночи, ничего особенного, как и много лет назад.

Старший гридень надел чистое нательное белье. Заботливо убрал оберег под рубаху. Секунду его ладонь согревала небольшой образок Перуна на кожаном шнурке (или это он наполнял ладонь силой). Тепло от него ощущалось даже через ткань.

Надо было иметь большое везение, чтобы ур-Камыды собрались по приказу своих ведомств в едином месте. И такого не произошло. Вернее, почти... пути богов непредсказуемы, и, как выяснилось, не все ур-Камыды были втянуты в паучьи сети крамолы. Несколько десятков молодых отпрысков этого рода оказались ни при чем. Старшие просто не посвятили младших в свои планы. Или не успели, или просто не доверяли. Как бы там не было, но некоторые ур-Камыды от греха подальше были упрятаны в подвалы Тайного приказа. А действительно виновных изобличили и пытали. Ох, многое они успели поведать, перед тем как их черные души предателей ляди утащили в Пекло. Однако же главные бунтовщики так и остались на своих землях пока вне досягаемости правосудия. Но ничего, и до них черед дойдет.

Всеволод застегнул парадный полукафтан, подпоясался ремнем. До блеска начищенная бляха с изображением огненного колеса весело заиграла в лучах солнца. Волков подошел к окну, нажал на рычаг, и металлические ставни наглухо загородили комнату от мира. Стало темно...

Бесконечно долгим дням подготовки пришел конец. Остатки Первой и Второй армий были сведены в единый кулак. Воеводы собрали по всему княжеству все, что могло летать, ездить и стрелять. Стрелять — значит поражать врага. Воинский приказ отобилизовал всех мужчин от семнадцати до пятидесяти лет, увеличив тем самым оборону княжества до тринадцати миллионов бойцов. По домам оставили только тех, кто являлся последним мужчиной в семье, а следовательно — кормильцем. Грех оставлять баб да деток без опеки. Не брали под ружье и единственного сына. Если срок запаса еще не вышел, то за сына шел отец, а отрок оставался на хозяйстве. Так велит Правда.

Заводы, фабрики, мануфактуры и даже частные мастерские без сна и отдыха производили все необходимое для нужд возросшей армии. Люди несли в Казенный приказ деньги, драгоценности и прочее... кто чем богат. Сдавали бесплатно часть урожая, личный транспорт. Сами, без просьб и принуждения. Люди прекрасно понимали, коли придет враг — заберет все.

Всеволод включил еще две лампы и придирчиво оглядел себя в зеркале. Красная парадная «казенка» сидела справно, как влитая. Синие шаровары аккуратно заправлены в начищенные черным «драем» сапоги. Старший гридень запустил пальцы под белый кожаный ремень, расправляя возможные неровности на одежде. А затем привычным движением свел

полукафтан на спине в две почти одинаковые складки.

Вот и все — готов! Командир «Яробоя», самого мощного броненосца княжества старший гридень Всеволод Волков — готов победить или умереть.

— Видел бы Чеслав... — пробурчал себе под нос гридень и решительно водрузил на голову низкую меховую шапку с красной тульей.

Про гибель друга он узнал почти сразу. Донесения в Тайный приказ от ведунских отрядов поступали регулярно. Великое дело сделали волхвы, жрецы и ведуны. Именно они точно подтвердили сведения о крамоле, после чего началась зачистка во всех приказах.

Три отряда, всего три отряда, меньше сотни человек, а сколько всего успели. И дело даже не в сведениях, добытых ими, и не в живой силе противника, уничтоженной ими... Дело в духе! В надежде, что вселили они в сердца русичам. Из тех отрядов так никто и не вернулся...

Старший гридень прицепил к ремню узкий кинжал, а родовой меч, бережно завернутый в ткань вместе с ножнами, взял под мышку. К парадному одеянию меч не полагался. Он еще раз оглядел комнату — вроде ничего не забыл. Всеволод шагнул к выходу, выключил свет, вышел. Четыре оборота ключом — все. Солнце за нас!

За прошедший месяц, с момента высадки железнордых в уделе ур-Камыдов им так и не удалось расширить зону влияния. И хотя врагу посчастливилось взять три крепости, разбить в жесточайших боях два дружинных полка, в целом оборона белгородцев держалась. Эти тактические успехи противника, вероятно, никак не укладывались в его стратегические планы, ибо алкали³² они большего. Змеи пытались провести крупное наступление в северном секторе, в общем направлении на столицу, но одиннадцатый дружинный полк воеводы Станислава Потехи ценой своих жизней остановил бронеходы безликих. Неся огромные потери, враг за двое суток сумел продвинуться всего на шестнадцать верст. После чего Воинский приказ силами трех полков организовал контратаку и окончательно остановил татей.

Всеволод прошел по коридору, спустился по лестнице на первый этаж. Все военные сводки за последний месяц он помнил почти наизусть. Да и как тут забыть, когда от этого зависит не только твоя жизнь, а судьба всего княжества. Старший гридень вышел на улицу. У подъезда его уже ждал штабной самоход, который любезно предоставил воевода Зорян Кнут. Водитель вытянулся в струнку, открыл заднюю дверь.

— Здравия желаю, господине, — поприветствовал он Волкова, слегка склонив голову.

— И ты будь здоров.

— Прикажете сразу на порт?

— Да, — ответил Всеволод, уже удобно устроившись на кожаном диване.

Дверь почти бесшумно захлопнулась. Водитель занял свое место, а еще через секунду наземный самоход покатил по почти пустынной улице.

Единственной странностью всех этих месячных боев с высадившимся десантом, пожалуй, было удивительное бездействие флота врага. Наступление поддерживали лишь десятки боевых ладей да «шустрики». Броненосец в единственном числе появился единый раз — дал залп и ушел. А ведь совсем недавно этот флот нанес серьезное поражение Первой и Второй армиям белградцев. Хотя может быть этим все и объясняется. Враг тоже понес ощутимые потери и теперь зализывает раны. Броненосцы просто не рисковали спускаться с орбиты вниз. Во всяком случае, дозоры совершенно точно сообщали о группировке вражеских кораблей на низкой орбите. Чего они ждали? Этот вопрос неоднократно задавал себе не только Всеволод, но и большие воеводы. Прикрытие? Засада? Резерв? Старший гридень нахмурился, глядя сквозь тонированное стекло на просыпающуюся столицу. Еще пару минут — и они выехали на загородный тракт. По хорошему покрытию всего полчаса ходу до цели.

---

³² *Алкать* — жажда.

Собственно, какая разница — чего вражеский флот завис наверху. Как говорил один из воевод много веков назад, врага не надо считать, его надо бить!

Вот этим Всеволоду Волкову и еще сотням других командиров боевых судов и придется заняться.

Сначала удар по наземной группировке, а затем по флоту лжеликих...

Время в размышлениях пролетело стержнем и остановилось подле массивных ворот воздушного порта. Необходимая процедура проверки кодов допуска и документов отняла чуть больше десяти минут. И вот посыльный коч с бортовым номером «один», уже нес нового командира «Яробоя» к стыковочному шлюзу броненосца. Всеволод натянул белые кожаные перчатки и приготовился торжественно вступить на палубу самого мощного корабля всего княжеского флота.

* * *

Он никого не удивил своей парадкой. Почти все летуны и прочие командиры явились именно так — как на парад. Вот только стрельцам, дружинникам, техникам, пушкарям и всем прочим было не с руки. Но и они все в чистом нательном белье и аккуратно отглаженной повседневной форме выглядели как на подбор.

— Господа-а-а... — чуть протянул голос дежурного, — командир на мостике!

Послышался шелест подошв и удары каблуков.

— Вольно, господа, — разрешил старший гридень и прошел в своему месту.

Он обернулся. «Что еще нужно... — Всеволод первый раз ощущал столь торжественный момент. По-настоящему смертельно-торжественный. — Нужно что-то сказать? Ах да».

— Господа! — он обвел всех присутствующих долгим взглядом. И не потому, что он хотел найти поддержку в их глазах — нет. Он просто подбирал слова. Чтоб не банально... что-то не пафосное...

— Господа! Я надеюсь, каждый из вас с честью выполнит свой долг. Я надеюсь на вас, господа.

Секунда... еще секунда — тишина. Нет, это была не первая встреча с экипажем, и все же времени на то, чтобы познакомиться со всеми поближе у старшего гридня просто не было.

Еще одна томительная секунда безмолвия, а затем...

— Мы исполним свой долг, господине, — первым ответил второй летун.

— Солнце за нас! — И его тут же поддержали все остальные: — Солнце за нас!

На душе стало сразу спокойнее.

Грянул государственный гимн белгородского княжества. И звучные голоса солистов потекли по всем палубам, обволакивая экипаж боевой ладьи, вставший как один и склонивший головы.

Мы родины своей
Отважные сыны.
Мы встанем как один,
И двинутся полки.

В сердцах своих мы веру
Отцовскую храним.
И ворогу любому
Отпор всегда дадим.

Эти слова вселяли боевой дух в сердца русичей. В них звучала славная тысячелетняя история его народа. Память — ее нельзя посрамить. Это понимал каждый — от воина до

техника и пушкаря на корабле.

И пусть коварный враг
И злобен и силен,
Но наш старинный стяг
Мы с гордостью несем.

И нет на поле брани
Бойцов отважней нас.
Из пепла мы восстанем,
Коль будет дан приказ.

Перед глазами Всеволода вставали лики погибших друзей. И они пели вместе с ним тихо, но проникновенно. Ничего. Он отомстит за них. Поквитается за каждую каплю крови, пролитую русичами.

Мы мерзли, голодали,
Мы гибли без следа.
Но мы не отступали
Нигде и никогда,

И в смерти или в славе,
Пред ликами богов,
Мы преданы державе,
И знамени отцов.

Слова этого гимна были написаны давно-давно. И пускай имя автора строк не сохранилось, но память о нем продолжала жить в сердце каждого жителя княжества.

И пусть зовет труба,
И вновь сулит напасть,
Прекрасная судьба —
На поле брани пасть.

Нет подвигу предела,
Предела славе нет.
Сыны продолжают дело
Свершений и побед.

Отгремела музыка и стихла. Всеволод обвел взглядом экипаж, выдержал многозначительную паузу и сказал:

— Прошу, господа, — займите свои места. Старт по команде большого воеводы.

Почти монолитный стук сошедшихся каблучков — и офицеры разошлись по боевым постам.

Всеволод опустил в кресло командира и принял короткие текстовые сводки о состоянии броненосца. Все службы рапортовали о полной боевой готовности. Теперь оставалось дожидаться только команды с броненосца «Секира» от большого воеводы Бурислава Секиры, что командовал всем объединенным флотом. Именно так: Секира воевал на «Секире» и менять место не собирался. Совсем недавно он вынужденно пересел на «Яробоя», пока его броненосец был в ремонте после битвы с железноликами. Но как только его любимая «Секира» была готова, воевода охотно перебрался на своего «старика».

«Вот Секира на „Секире“, рубит всех секирою...» — невольно вспомнил Всеволод

прибаутку и тут же пожурил себя за глупость. И вовремя. Монитор высветил кодовое слово — старт!

* * *

Враг, перейдя к активной обороне, сумел возвести долговременные опорные пункты почти по всем направлениям. Захваченные крепости: Перст, Длань и Опрох были спешно восстановлены, насыщены огневыми средствами и укомплектованы личным составом. От крепости к крепости тянулась замаскированная нить секретов, огневых точек и батарей. Ближе к фронту окопались и отгородились минными полями восемь полков пехоты. Трудно было счесть всех врагов, но дозоры уверяли воевод, что первую линию (вместе с крепостями) занимают по меньшей мере до ста тысяч бойцов. На других направлениях по периметру всего удела еще двести — двести пятьдесят тысяч. И, наконец, главная база врага, где сосредоточились резервы и почти все ударные бронеходные части, могла иметь не менее полумиллиона бойцов. Что скрывает враг в плотных порядках своих кораблей, выяснить доподлинно не удалось. Но то, что там должны быть транспортники, не вызывало сомнений.

Именно об этом потом напишут летописцы...

Штурмовка с воздуха вражеских позиций началась с первыми лучами солнца. Зайдя со стороны светила, боевые ладьи, кочи и истребители обрушили на противника тонны смертоносного груза... Снаряды, торпеды и бомбы смешивали опорные пункты Змеев поганых с землей. Крепость Перст была фактически полностью разрушена. Признаков жизни на ее руинах не наблюдалось.

Вражеская ПВО пыталась огрызаться, но главный калибр боевых ладей успешно накрывал огромные площади, уничтожив большинство стационарных и передвижных комплексов. Вскоре тати бросили на отражение атаки все имеющиеся «шустрики», и небо почернело от сотен единиц. Следом появилось с десятков ладей. Смертельные карусели вертелись в воздухе, надрываясь сотнями двигателей... Дымящие и горящие машины гроздьями сыпались на землю. Если кто не видел Пекла, то это оно!

Всего полчаса от начала — и заработала дальнобойная артиллерия. Пушкарки не зря ели свой хлеб с маслом. Многотонные возы снарядов мгновенно пустели от их интенсивной работы. Гигантские площади, попавшие под обстрел, превращались в безжизненную пустошь. Робкая попытка контрбатарейной борьбы Змеев была жалка и малоэффективна...

Всеволод глянул на часы. До решительного броска пехоты и бронеходов оставалось еще сорок минут. Конечно, старший гридень не мог знать всех нюансов начавшейся операции — не тот полет, и все же он знал, что через десять минут «Яробой» должен произвести три залпа из главного калибра. Затем весь флот даст один дружный залп по центральной базе врага, и только после этого в сечу войдут наземные полки.

Все координаты были скрупулезно выверены и Всеволод замер, глядя на секундную стрелку.

— Ноль, — прошептал он себе под нос и тут же бронированный корпус «Яробоя» вздрогнул. Восемнадцать орудий отправили свои полутонные гостинцы на головы супостатов. Около минуты на перезарядку — и новый залп! Третья очередь длилась чуть дольше, но все равно в пределах нормы и... Залп!

Даже здесь, на командном мостике, в центре броненосца, за мощными бортами и десятками переборок, был слышен оглушительный звук сотен стволов, слившись с залпом «Яробоя» в единую песню. То, что мог сотворить этот удар на земле, Всеволод вполне мог себе представить. Но это только на пользу, сиречь во вред врагу.

— Курс двести сорок три, — скомандовал старший гридень, четко следуя инструкциям, — идем за «Секирой». Дистанция полверсты!

— Есть дистанция полверсты, — повторил второй летун и заложил рули на нужный градус.

Движение продолжалось недолго. Взяв разгон, белградцы прошли плотные слои и

вышли во фланг вражеского флота. «Яробою» предстояла честь открыть бал. Его орудия, имевшие превосходство в дальности, первыми открыли огонь. Наблюдатели практически сразу зафиксировали попадания, и это было отлично. Но вот дальше Всеволод резко перестал понимать, что происходит. Армада противника, вяло отстреливаясь, стала разворачиваться и медленно отползать выше и в сторону. В это время снизу стали пробиваться боевые ладьи и «шустрики» железнорыд. Они большим строем прошли на удалении от объединенного флота русичей, не сделав ни единого выстрела. А затем снизу поползли транспортники.

— Они бегут! — восторженно высказал догадку второй летун.

Всеволод видел, где-то нутром понимал, но мозг отказывался верить. Слишком уж это было похоже на правду! Транспортников было много, никак не меньше четырех десятков... а за ними еще «шустрики».

На мониторе вспыхнул сигнал. Воевода Секира требовал выпускать истребителей. Задача — не допустить прорыва транспортников на воссоединение с основными силами.

А броненосный флот лжеликих, как будто и вовсе позабыл про своих. Казалось, он занят только собственным спасением.

Выполняя приказ большого воеводы, корабли руссов выпустили истребителей, и те, словно изголодавшиеся хищники, ринулись на конвой. Вражеские «шустрики» поначалу пытались отбиваться, но затем, задавленные численным превосходством, стали стремительно выходить из боя. Их не преследовали. Истребители отработали торпедами по транспортникам. Шесть из них от многочисленных попаданий разломались на части... Оставшиеся застопорили ход и легли в дрейф.

— Какого... — Всеволод принял к монитору. Камеры четко фиксировали полную остановку транспортных судов. — Этого не может быть...

— Они сдаются?! — робкая догадка осенила командиров, которые высказали ее чуть не в один голос.

Неожиданно транспортники сами развеяли все сомнения. Они подали сигнал.

— Открытый текст! — воскликнул связист. — Откуда они знают наш язык?

— Возмутительно... — вставил кто-то, а старший гридень подумал, что это могут быть ур-Камыды.

Не удалось бежать подлецам.

— Приготовить абордажные команды. Стрельцам к бою! — отдал Всеволод короткие команды, а сам сосредоточился на мониторе.

Броненосный флот противника все отдалялся.

Кочи со стрельцами покинули чрево «Яробою» и устремились на захват вражеских транспортников. «Яробой» взревел, увеличивая тягу, и рванул вперед. Остальные броненосцы так же подтянулись, и дуэль возобновилась. Несколько тяжелых снарядов рванули подле самого борта «Яробою».

— Пристрелялись, гады...

Дистанцию не сокращали. Дальности «Яробою» хватало с запасом. Один очень удачный, хвала богам, залп аккуратно лег в середину вражеских порядков. На максимальной видимости камер Волков различил несколько вспышек...

И тут монитор взорвался десятками пульсирующих точек. Всеволод мотнул головой.

— Засада?

— Слева по курсу! — проорал второй летун. — Крупные цели! Приближаются!

— Это засада! Мать их...

Мысли лихорадочно забегали, анализируя ситуацию. «Своих в этом секторе быть не может, — стремительно размышлял гридень, утирая пот со лба, — значит, все же засада. Вот судье племя!»

— Курс тринадцать. Разворот. Прекратить преследование! Все орудия на новый угол! Огонь! — решившись, Всеволод сыпал команды со скоростью стержнемата. Он понимал, что от этого зависит исход сражения.

— Огонь! — продублировал второй летун.

Через три секунду шесть башен «Яробоя» изрыгнули смерть.

— Есть накрытие! — взревел мостик десятками голосов!

Всеволод нажал кнопку, послав задание посту слежения четко идентифицировать новые цели. Еще залп, и новые восемнадцать снарядов с дистанционными трубками ушли к цели.

— Цели не распознать, господине... — виновато подал голос поста слежения. — Это не железнорыбы...

— Быть может, у них новые суда?

— Виноваты, господине...

— Ах ты... — Всеволод отключил прием.

В следующее мгновение ослепительная вспышка на мониторе больно ударила по глазам. Экран не выдержал и лопнул, осыпав старшего гридня десятками острых осколков.

— Что это было?! — завопил кто-то на мостике.

— «Секира»... «Секиры» нет!

— Что?

— Вашу ж...

— Разворот! Господине, вы меня слышите?

— Крен на правый борт...

— Не прекращать огонь!

Всеволод мотнул головой. Потер глаза руками, но зрение не возвращалось...

Эпилог

О боги! Восславьте эти дни!

Которые пройдут без нас.

Простите, сонные долины,

Нам не увидеть больше вас!

Цветение рукаты в этом году было весьма поспешным. По ночам еще случались небольшие заморозки, но днем далекий Огонь уже припекал, давая новую жизнь. Нежно-розовые бутоны, едва показавшись из теплых объятий кокона, уже радовали глаз. Еще несколько погожих дней — и почки раскроют миру свою красоту.

Эта ночь должна стать решающей в борьбе тепла с холодом. Во всяком случае, именно так утверждали синоптики. И смотря на ярко-фиолетовый закат, император Турибо склонен был им верить. Огнедышащий змей Рё скрылся из виду, и с гор потянуло прохладой. Турибо-нисан оправил теплое кимоно, развернулся и неспешно покинул открытую террасу, с которой он любовался «уходящим, но всегда возвращающимся змеем».

Перед императором неслышно разъехались в стороны две створки дверей, и он, чуть подтянув штанины, переступил порог. Следом за ним проследовали двое телохранителей в боевых масках. Древний закон неукоснительно соблюдался вот уже много веков — ни один враг не должен видеть лица самурая. Впрочем, и сам Турибо-нисан был сегодня в маске из тонкого ватака... Он прошествовал по длинному коридору и замер у гостевых покоев. Сидевший на коленях у порога верный слуга, низко склонив голову, незамедлительно распахнул перед господином двери.

Как только император вошел внутрь, двери сошлись, а слуга, пятясь на корточках, скрылся с глаз телохранителей. Два самурая синхронно опустили на заранее приготовленные для них коврики и замерли в ожидании.

Комнату освещали четыре светильника, которые давали приглушенный свет. Посреди помещения стоял низкий стол с изящными резными ножками. На прозрачной столешнице

размещался ужин на две персоны. Более никакой мебели не наблюдалось.

Турибо-нисан обвел взглядом стол и медленно опустился на плоскую подушку. Короткий взмах — и широкие рукава, словно крылья, едва слышно пропели в полете. Хлопок в ладоши — и дверь открылась. Высокий, пожалуй, выше самого императора мужчина вошел в комнату. Два телохранителя не спешили закрывать двери. Они стояли в проеме, чуть склонив голову. Император небрежно махнул рукой, и воины в масках исчезли за захлопнувшимися створками.

— Прошу вас, князь, разделить со мной этот скромный ужин, — предложил император, гостеприимно указывая гостю на место за столом.

Едва заметно кивнув, мужчина прошел вперед, опустился на подушку. Только теперь он смог заглянуть в глаза императору. Только в глаза, маска не давала представления обо всем обличье... Жаль, ах, как бы он хотел...

— Благодарю, — стараясь быть вежливым, ответил князь, хотя в его душе было неспокойно.

Он ждал этой встречи, иначе быть и не могло. Иначе зачем все эти многотрудные ходы...

Хозяин дома произвел три коротких хлопка, и тут же появились двое слуг. Сгорбившись, они внесли два небольших чана с водой. На руке каждого висело белоснежное полотенце. Слуги тоже были в масках.

«Странно, — подумал князь, — что за облик скрывают эти маски...» Он никогда прежде не видел лиц своих врагов. Никогда... и даже яшников³³ добыть не удавалось.

Император, видя удивленный взгляд князя, первым подал пример. Он окунул кончики пальцев в воду, которая источала весьма приятный аромат, немного пополоскался и вытер руки о протянутое слугой полотенце. Князь последовал его примеру.

Когда процедура была окончена, слуги забрали емкости и, пятясь задом, все так же низко согнувшись, покинули покои.

— Угощайтесь. Я уверен, наше орубато придется вам по вкусу, — на удивление император говорил чисто, почти без акцента.

— Откуда вы знаете наш язык?

— О, — улыбнулся Турибо. Князь был уверен... проклятая маска. Но глаза его точно улыбались. — Это самое простое в наших с вами взаимоотношениях, — продолжил император. — Прошу вас, не стесняйтесь, отведайте орубато.

— Орубато?

— Рыба. Очень вкусно.

— Ха, — в свою очередь улыбнулся князь, — всего лишь рыба?

— О, не спешите с выводами, князь. Иногда простые вещи могут быть удивительнее изысканных... — и тут Турибо осекся. Палочки в его руках замерли. Казалось, он подбирал нужное слово, а оно ускользало, не желая всплывать в памяти.

— Я понял, — заверил его князь. — Вы едите этим?

— Да. Смотрите, это просто: зажимаете пальцами вот так, — император продемонстрировал, как надо пользоваться столовым прибором, — так, хорошо. Теперь берите орубато... и в соус... так, хорошо.

Князь со второй попытки ухватил палочками небольшой кусок рыбы, чуть окунул в темный соус и недоверчиво отправил его в рот. Пожевал пару секунд, а потом изумленно вскинул брови.

— Хм... Вкусно.

— Я же вам говорил, — согласился Турибо и сам принялся за трапезу.

Несколько минут они наслаждались едой, вкус которой поразил князя. Ничего подобного ему ранее не доводилось употреблять. Да и сервировка порядком удивила его.

---

³³ Яшник — пленник.

Небольшие тарелочки, чашечки, блюда... все непривычно мелкое.

Император неожиданно прервал трапезу. Он аккуратно положил палочки на деревянную подставку и взял кувшин с тонким горлышком. Две крохотные чашечки без ручек и ножек наполнились мутноватой жидкостью.

«Вот оно, — с тревогой подумалось князю, — не едой, так питиём потравят окаянные!»

Турибо-нисан подал одну чашечку гостю.

— Прошу вас, князь. Это саке — наш древний напиток. Он не такой крепкий, как ваши, но иного у нас нет. Прошу...

Князь недоверчиво взял чашечку.

— Не думайте, князь. Я вовсе не желаю вас отравить, — император сделал многозначительную паузу. — Давайте выпьем за знакомство. Так у вас принято?

«Вот сволочь, — мелькнула мысль в голове князя. — И где только нахватался».

— Так говорят, — согласился князь.

— Ну что ж, Ярослав Мстилавович, — имя и отчество князя император произнес медленно и тщательно, стараясь ничего не напутать, — наверное, вы догадались, кто я?

— Да, Турибо-нисан, мои тюремщики подробно объяснили...

— Прошу, не держите на меня зла за то, что мне пришлось разлучить вас с семьей и держать под замком. Война несправедливая вещь, увы.

Белгородский князь зло прищурил глаза, а затем резко махнул содержимое чашечки.

— Дрянь эта ваша саке! — Ярослав звякнул чашкой по столу и отер усы. — Наша водка лучше.

Император несколько секунд испытующе смотрел на гостя, а затем рассмеялся в голос. Его смех, приглушенный маской, звучал отвратительно.

— Ваша водка... ха-ха-кху... а наша дрянь. Аха-ху... насмешили вы меня...

Он так же резко прервал свое веселье, как и начал. Медленно, смакуя, выпил саке.

— Наша война с вами — ошибка, — неожиданно серьезно заговорил Турибо. — Пустая трата времени... я долго размышлял, пытаюсь найти причину, и понял.

Ярослав скривил губы, явно не понимая, к чему все это. Будь его воля, он бы порвал этого выскочку на куски.

— Не мы начали войну, — сказал князь.

— И не мы, — парировал император, наполняя свою чашечку.

Ярослав дернул головой, силясь понять, куда дальше загнет этот в маске.

— Это странно — понимаю, — Турибо взял чашечку, поднес к губам. — Но не вы, не мы до поры не знали о существовании друг друга. — Он отпил саке. — Мы слишком далеко друг от друга. У вас прекрасная система. Но и наша Кабуята, что лик любимой женщины...

— Налейте, — попросил князь, поддвигая свою чашку.

Император охотно наполнил и его, и свою крошечные емкости. Оба, косясь друг на друга, выпили.

— Вы городите чушь! — резко заявил князь.

— Городите? Чушь?

— И все же вы недостаточно изучили наш язык. Налейте!

Турибо исполнил просьбу, не забыв и себя. Вновь выпили.

— Это ерунда...

— Ерунда?

— О! — чуть не вскипел Ярослав. — Вы говорите неправду. Врете! Этого не может быть! Именно вы напали на мои кордоны на дальней орбите. Налейте!

— А! — сверкнул глазами император. Только глазами... проклятая маска! Князю чудовищно захотелось увидеть это... это подлое и лживое лицо!

— А не ваш ли флот уничтожил мой караван?! — Турибо налил саке.

Выпили!

— Ах ты... какой караван?

— Торговый! В секторе Муравэ!

— Где? Какое еще Муравэ? Первый раз слышу! Налейте!

— И я первый раз слышу о нападении на ваши кордоны, — ответил император под плеск саке. — Я такого приказа не давал! Налить?

— Да.

Выпили.

— Два года войны... тысячи жизней, а вы говорите — я не отдавал приказ, — князь попытался передразнить Турибо. Вышло не очень.

— Клянусь Аматамасу! Это правда!

— Не клянись матерью! Это позор, ибо вы... ты — лжец!

Император неожиданно вскочил. Его руки машинально потянулись к поясу, но мечей при нем не было. На громкие крики в ту же секунду отреагировала охрана, и дверь разлетелась в стороны, шурша полозьями. Два самурая, чуть вытянув мечи из ножен, шагнули вперед. Император остановил их жестом. Затем что-то рявкнул, и те поспешно исчезли. Дверь вернулась в прежнее положение.

— Налить?

— Да.

Турибо, успокоившись, опустился на место, но князя удивила эта способность к смене настроения. Секунду назад император готов был изрубить гостя в куски, окажись у него под рукой меч, а теперь он спокойно разливает по чашкам саке.

Они молча выпили. Турибо хотел налить еще, но сосуд опустел. Хлопок в ладоши — и покорный слуга немедленно устранил эту неприятность. Новый кувшин оказался более вместительным.

— Это роковая ошибка, — чуть дрогнувшим голосом изрек император, — и для вас, и для нас... вот только кому это было выгодно?

— Я вас не понимаю.

— И я еще не все...

— Отзовите войска... они топчут нашу землю... гибнут люди, — князь смотрел на собеседника ослепевшими глазами, а скулы его ходили ходуном. — Отзовите!

— Уже... — мотнул головой император. — Вот только поздно.

— Что? Что ты там бормочешь?

Турибо взял кувшин, пропуская мимо ушей невольное оскорбление. Чуть пролив мимо, он наполнил чашки и перегнулся через стол. Часть посуды посыпалась на пол.

— Кроме нас есть кто-то еще... — заговорщицки прошептал император. — Нас обманули... ввели в заблуждение. Нами воспользовались! — тут его кулак сжался, и чашечка с саке раскололась.

— Кто? — не понял Ярослав, невольно отстраняясь от приблизившейся маски.

— Кто-то третий... который пришел добить нас.

Император сказал еще что-то... на своем языке, но князь не понял.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пояснения к устройству Белградского княжества

Люди вещие

Белый волхв — верховный волхв княжества. Обращение — владыко.

Волхвы — наивысшая ступень посвящения — обладающие тайной волхования. Способны управлять стихиями. Обращение — владыко.

Жрец — имеющий право приносить жертвы богам. Жрецом может стать человек, имеющий семью и детей. Потерявший семью лишается сана.

Ведун — ведающий даром заклинаний и врачевания, другими тайными знаниями.

Чародей — способный наводить чары на бытовом уровне, знающий травы. С этой

ступени разрешается проводить обряды.

Потворники (средняя ступень посвящения) — занимаются гаданием, изготавливают обереги, ритуальное оружие, снадобья и обрядовые напитки. Составляют несложные наговоры и отвороты. Хранят и переписывают священные книги.

Бояны (низшая ступень посвящения, от *баять* — говорить, рассказывать. *Краснобай* — красно баять — красиво говорить) — хранители древних народных преданий и сказаний. Знатоки святочных и ритуальных обрядов и игрищ. Могут делать предсказания по природным явлениям. Например, по полету птиц или по силе ветра.

Армия

Большой воевода — высший командный чин — командующий армией — соединением нескольких полков.

Воевода — высший командный чин. Глава приказа. Приравняется в армии к чину полковника.

Старший гридень — старший командный чин в приказах. Приравняется в армии к чину тысяцкого.

Гридень — средний командный чин в приказах. Приравняется в армии к чину сотника.

Младший гридень — младший командный чин в приказах. Приравняется в армии к чину стяжника.

Служка — общее название низших чинов в приказах.

Полковник — командир полка.

Полк — тактическая единица княжеской армии (личный состав от 1000 до 3000 человек).

Тысяцкий — командир тысячи. (Если полк имеет в своем составе несколько тысяч человек, то командир первой тысячи именуется Первый Тысяцкий и т. д.)

Стяжник — командир полусотни.

Сотник — командир сотни (первый сотник, второй сотник и т. д. по имеющемуся количеству сотен в тысячи).

Десятник — командир десятка (первый десятник, второй десятник и т. д. по имеющемуся количеству десятков в сотне).

Дружинник — рядовой в пехотном полку.

Стрелец — рядовой десантных, штурмовых, абордажных команд.

Рында — княжеский или боярский телохранитель. Княжеские рынды набираются только из боярских детей (в том числе и из безудельных).

Отрок — учащийся военных или гражданских высших учебных заведений.

Власть

Князь — верховный правитель. Власть передается по наследству, только по мужской линии.

Боярская дума — совещательный орган при князе.

Приказы — ведомства, управы по важнейшим ключевым аспектам жизнедеятельности княжества (Поместный приказ, Тайный, Воинский, Сыскной, путей и дорог и т. д.).

Старшина — административно-хозяйственная должность. Управляют свободной землей и городами. В боярских уделах главой (старшиной) является сам боярин, подотчетен только князю.

Волостной старшина — глава волости. (Волость — административная единица, объединяющая несколько уездов.)

Уездный старшина — глава уезда. (Уезд — административная единица, объединяющая несколько десятков населенных пунктов.)

Городской старшина — глава города.

Староста — глава любого сельского поселения.

Сословия

Бояре/Боярин — родовой, наследуемый титул. Пожизненные члены боярской думы. Не каждый боярский род имеет собственный удел. Только владеющие уделом бояре допускаются в думу.

Боярские роды разделяются:

Вятские (нарочитые, исконные) — самые древние боярские роды руссов. Носят славянские или варяжские имена и фамилии — Марун Пестун, Ярослав Секира, Станислав Дергач, Первак Глыба, Кнут Хлебай Щи...

Новики — боярские роды, произошедшие от смешанных браков руссов и местного населения. Носят тотемные фамилии своих родов — Медведевы, Соколовы, Волковы, Вепревы...

Нордусы — боярские роды, ведущие свою родословную от древнего племени нордусов. Именно они сохранили свою исконную благородную приставку к фамилии. Ур-Зор, ур-Камыд, ур-Гун... при этом имена часто используют общепринятые.

Разделение на вятских, новиков и нордусов отмечается только среди боярских родов, а также среди националистически настроенных кругов, дорожащих своими привилегиями. Прочие свободные люди давно отождествляют себя с руссами — единым монокультурным обществом. Незначительные отголоски прежних культур имеют только бытовую, фольклорную ценность.

Свободные люди — полноправные граждане княжества.

Смерды — свободные крестьяне-земледельцы.

Холопы — зависимые лично или имущественно люди. Имеют право выкупа.

Челядь — дворовая наемная или зависимая (холопья) прислуга.